

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ

ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО УНИВЕРСИТЕТА

НАУЧНО-ПРАКТИЧЕСКИЙ ЖУРНАЛ

DOI: 10.26794/2226-7867

Издание перерегистрировано
в Федеральной службе по надзору
в сфере связи, информационных технологий
и массовых коммуникаций:
ПИ № ФС77-67071
от 15 сентября 2016 г.

The edition is reregistered
in the Federal Service for Supervision
of Communications,
Informational Technologies and Media Control:
PI No. ФС77-67071
of 15, September, 2016

Периодичность издания – 6 номеров в год

Publication frequency – 6 issues per year

Учредитель: Финансовый университет

Founder: Financial University

Журнал входит в перечень периодических
научных изданий, рекомендуемых ВАК
для публикации основных результатов
диссертаций на соискание ученых степеней
кандидата и доктора наук, включен в ядро
Российского индекса научного цитирования
(РИНЦ)

The Journal is included in the list
of academic periodicals recommended
by the Higher Attestation Commission for
publishing the main findings of PhD and
ScD dissertations, included in the core of the
Russian Science
Citation Index (RSCI)

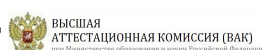
Журнал распространяется по подписке.
Подписной индекс 44090 в объединенном
каталоге «Пресса России»

The Journal is distributed by subscription.
Subscription index: 44090 in the consolidated
catalogue “The Press of Russia”

Vol. 12, No. 4, 2022

GUMANITARNYE NAUKI. VESTNIK FINANSOVOGO UNIVERSITETA (HUMANITIES AND SOCIAL SCIENCES. BULLETIN OF THE FINANCIAL UNIVERSITY)

SCIENTIFIC AND PRACTICAL JOURNAL

ГЛАВНЫЙ РЕДАКТОР

ШАТИЛОВ А.Б., кандидат политических наук, профессор, декан Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

ЗАМЕСТИТЕЛЬ ГЛАВНОГО РЕДАКТОРА

ПЛЯЙС Я.А., доктор исторических наук, доктор политических наук, председатель Профессорского клуба Финансового университета, Москва, Россия

ЧЛЕНЫ РЕДАКЦИОННОЙ КОЛЛЕГИИ

Алексеев С.В., доктор исторических наук, профессор кафедры истории и исторического архивоведения Московского государственного института культуры, председатель Историко-просветительского общества «Радетель», Москва, Россия

Байчунь Ч., доктор философских наук, профессор Пекинского педагогического университета, директор Культурного центра китайско-российских отношений, Пекин, Китай

Белоконов С.Ю., кандидат политических наук, доцент, научный руководитель Факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Борисов Н.А., доктор политических наук, доцент, заведующий Кафедрой теоретической и прикладной политологии, начальник Управления по научной работе, РГГУ, Москва, Россия

Бродовская Е.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, директор Центра политических исследований, Финансовый университет, Москва, Россия

Долгополов Н.М., заместитель главного редактора «Российской газеты», член Союза журналистов РФ, член Союза писателей Москвы и Межрегионального союза писательских организаций, Москва, Россия

Елишев С.О., доктор социологических наук, профессор кафедры современной социологии Социологического факультета, МГУ, Москва, Россия

Зубец А.Н., доктор экономических наук, директор Центра социально-экономических исследований Финансового университета, Москва, Россия

Кафтан В.В., доктор философских наук, заместитель руководителя Департамента массовых коммуникаций ФСН и МК по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Лукьянов Ф.А., председатель Президиума Совета по внешней и оборонной политике (СВОП), главный редактор журнала «Россия в глобальной политике», Москва, Россия

Мацузато К., доктор права, профессор, Токийский университет, Токио, Япония

Мамедзаде И., доктор философских наук, профессор, директор Института философии, социологии и права НАН Азербайджана, Баку, Азербайджан

Маттес Й., профессор коммуникации, декан Факультета массовых коммуникаций Венского университета, Венский университет, Вена, Австрия

Мелешкина Е.Ю., доктор политической науки ИНИОН РАН, профессор кафедры сравнительной политологии, МГИМО(У) МИД РФ, Москва, Россия

Музашвили Д.З., кандидат философских наук, заместитель декана Факультета социальных наук и массовых коммуникаций по научной работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Осипова Н.Г., доктор социологических наук, профессор, декан Социологического факультета, заведующая Кафедрой современной социологии Социологического факультета МГУ, Москва, Россия

Островский А.В., доктор экономических наук, профессор, заместитель директора Института Дальнего Востока Российской академии наук (РАН), Москва, Россия

Полевая М.В., доктор экономических наук, доцент, руководитель Департамента психологии и развития человеческого капитала ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Расторгуев С.В., доктор политических наук, профессор Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Силласте Г.Г., доктор философских наук, научный руководитель Департамента социологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Симонов К.В., кандидат политических наук, профессор, руководитель Департамента политологии ФСН и МК, Финансовый университет, Москва, Россия

Трюэль Ж.-Л., доктор экономических наук, консультант по развитию международных отношений в РФ и странах СНГ, вице-президент Ассоциации экономистов Le Cercle Kondratieff («Кружок Кондратьева»), профессор Университета Париж-12, Париж, Франция

Фёдоров В.В., кандидат политических наук, генеральный директор Всероссийского центра изучения общественного мнения (ВЦИОМ), Москва, Россия

Цуй Чжэн. кандидат политических наук, доцент, заместитель директора Центра исследований экономики и политики стран с переходной экономикой Ляонинского университета, Шэньян, Китай

Цыганков П.А., доктор философских наук, профессор, главный научный сотрудник, заместитель заведующего Кафедрой международных отношений и интеграционных процессов, МГУ, Москва, Россия

Шаповалов В.Л., кандидат исторических наук, заместитель директора Института истории и политики, Московский педагогический государственный университет; доцент кафедры политологии, МПГУ; доцент кафедры сравнительной политологии, МГИМО МИД России, Москва, Россия

Шрейдер В.Ф., доктор политических наук, Депутат Государственной Думы VI–VII созыва

Уилкоккс К., доктор политических наук, заслуженный профессор кафедры управления Университета Джорджтаун, Вашингтон, США

Эскиндаров М.А., доктор экономических наук, профессор, Президент Финансового университета, Научный руководитель, Финансовый университет, Москва, Россия

Южно А.С., кандидат юридических наук, заместитель руководителя Аппарата по взаимодействию с органами государственной власти и правовым вопросам Общественной палаты Российской Федерации, Директор программы Executive MPA, ИГСУ РАНХиГС, Москва, Россия

EDITOR-IN-CHIEF

SHATILOV A.B., Cand. of Political Sciences, Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

DEPUTY EDITOR-IN-CHIEF

PLYAYS YA.A., D. Sc. of History, Doctor of Political Sciences, Chairman of the Professors' Club of the Financial University, Moscow, Russia

MEMBERS OF THE EDITORIAL BOARD

Alekseev S.V., D. Sc. of History, Professor at the Department of History and Historical Archival Studies of the Moscow State Institute of Culture, Chairman of the Historical and Educational Society "Radetel", Moscow, Russia

Baichun Ch., D. Sc. of Philosophy, Professor, Beijing Normal University, Director of the Cultural Center for Sino-Russian Relations, Beijing, China

Belokonev S.Yu., Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Academic Supervisor of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Borisov N.A., D. Sc. of Political Science, Associate Professor, Head of the Department of Theoretical and Applied Political Science, Head of the Research Department, Russian State University for the Humanities, Moscow, Russia

Brodovskaya E.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Director of the Center for Political Studies, Financial University, Moscow, Russia

Dolgopolov N.M., Deputy Editor-in-Chief of Rossiyskaya Gazeta, member of the Journalists' Union of the Russian Federation, member of the Writers' Union of Moscow and the Interregional Union of Writers' Organizations, Moscow, Russia

Elishev S.O., D. Sc. of Sociology, Professor, Department of Modern Sociology, Faculty of Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Zubets A.N., D. Sc. in Economics, Director of the Center for Socio-Economic Research of the Financial University, Moscow, Russia

Kaftan V.V., D. Sc. of Philosophy, Deputy Head for Research of the Department of Mass Communications, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Lukyanov F.A., Chairman of the Presidium of the Council on Foreign and Defense Policy (SVOP), Editor-in-Chief of "Russia in Global Affairs" magazine, Moscow, Russia

Matsuzato K., D. Sc. of Laws, Professor, University of Tokyo, Tokyo, Japan

Mammadzade I., D. Sc. of Philosophy, Professor, Director of the Institute of Philosophy, Sociology and Law of the National Academy of Sciences of Azerbaijan, Baku, Azerbaijan

Matthes J., D. Sc. of Political Sciences, Professor of Communication Science, Chair of the Department of Communication, University of Vienna, Vienna, Austria

Meleshkina E.Yu., D. Sc. of Political Sciences, Head of the Department of Political Sciences, INION RAS, Professor of the Department of Comparative Political Sciences, MGIMO(U) of the Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation, Moscow, Russia

Muzashvili D.Z., Cand. of Philosophical Sciences, Deputy Dean for Research of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Osipova N.G., D. Sc. of Sociology, Professor, Dean of the Faculty of Sociology, Head of the Department of Modern Sociology, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Ostrovsky A.V., D. Sc. in Economics, Professor, Deputy Director of the Institute of the Far East of the Russian Academy of Sciences (RAS), Moscow, Russia

Polevaya M.V., D. Sc. in Economics, Associate Professor, Head of the Department of Psychology and Human Capital Development, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Rastorguev S.V., D. Sc. of Political Science, Professor, Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Sillaste G.G., D. Sc. of Philosophical Sciences, Scientific Supervisor of the Department of Sociology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Simonov K.V., Cand. of Political Sciences, Professor, Head of the Department of Politology, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

Truel J.-L., D. Sc. in Economics, Consultant on the development of international relations in the Russian Federation and the CIS countries, Vice-President of the Association of Economists Le Cercle Kondratieff ("Kondratieff Circle"), Professor at the Paris-12 University, Paris, France

Fedorov V.V., Cand. of Political Sciences, General Director of the All-Russian Public Opinion Research Center (VTsIOM), Moscow, Russia

Cui Zheng, Cand. of Political Sciences, Associate Professor, Deputy Director of the Center for Economics and Policy Studies of Countries in Transition, Liaoning University, Shenyang, China

Tsygankov P.A., D. Sc. of Philosophy, Professor, Chief Researcher, Deputy Head of the Department of International Relations and Integration Processes, Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Shapovalov V.L., Cand. of Historical Sciences, Deputy Director of the Institute of History and Politics, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Politology, Moscow State Pedagogical University; Associate Professor, Department of Comparative Politology, MGIMO MFA of Russia, Moscow, Russia

Shreider V.F., D. Sc. of Political Sciences, Deputy of the State Duma of the VI-VII convocation

Wilcox K., D. Sc. of Political Sciences, Distinguished Professor at the Department of Government, Georgetown University, Washington, USA

Eskindarov M.A., D. Sc. in Economics, Professor, President and Scientific Chairman of the Financial University, Financial University, Moscow, Russia

Yukhno A.S., Cand. Sci. of Law, Deputy Head of the Apparatus for Interaction with Government Authorities and Legal Affairs at the Civic Chamber of the Russian Federation, Director of the Executive MPA Program, IGSU RANEPa, Moscow, Russia

СОДЕРЖАНИЕ

ТЕМА НОМЕРА: ПАРТИИ И ПАРТИЙНЫЕ СИСТЕМЫ: ИСТОРИЯ И СОВРЕМЕННОСТЬ

<i>Мамаева Ю.А.</i> Фандрайзинг в контексте деятельности российских парламентских партий: актуальное состояние, проблемы и перспективы	6
<i>Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С.</i> Правовой статус политических партий в современной России	13
<i>Зубов В.В.</i> Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холодной войны)	20
<i>Кисляков А.С., Кашин Е.А., Кучиева А.И.</i> Особенности партийного строительства в Российской империи в конце XIX – начале XX века	27
<i>Селезнев П.С., Крамер А.Д.</i> Философские концепции Айн Рэнд как основа дискурса радикальной оппозиции в Российской Федерации.	36

ФУНДАМЕНТАЛЬНОЕ НАУЧНОЕ ЗНАНИЕ

<i>Замараева Е.И.</i> Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации	45
<i>Омарова Л.Б.</i> Традиции как фундамент устойчивости общества	51
<i>Мохаммед Х.А.М.</i> Факторы этнической идентичности как причины современных этнополитических конфликтов	59
<i>Пряжников Н.С., Камнева Е.В.</i> Модели профпригодности в управлении персоналом, профориентации и самоменеджменте.	64

АКТУАЛЬНЫЕ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

<i>Шатилов А.Б.</i> Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа	71
<i>Лукьяненко К.Т.</i> Перспективы развития политико-экономических аспектов экологической повестки в условиях антироссийских санкций	77
<i>Прохорова И.Г., Разов П.В., Вольф К.В., Гамза В.А., Кривошеин Н.В.</i> Многосторонняя цифровая инвестиционная платформа – новый институт развития инфраструктуры отечественного бизнеса.	82
<i>Расторгуев С.В.</i> Современные исследования политической идентичности российской молодежи.	89
<i>Осинина Д.Д.</i> Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации	97
<i>Бочкаев А.Р.</i> Основные подходы к политической социализации молодежи	104
<i>Семенцова К.Р.</i> Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности	109
<i>Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В.</i> Сотрудничество компаний в сети Интернет для расширения аудитории и увеличения прибыли (на примере журнала о культуре кофе «Café Soci�t� Magazine»)	114
<i>Глебова Т.А.</i> Развитие социокультурной компетенции инофонов при обучении профессионально ориентированному языку с применением информационно-коммуникационных технологий	118

СТАРТАП МОЛОДОГО УЧЕНОГО

<i>Билуха К.С., Данилова М.Р.</i> Удовлетворенность качеством образования студентов российских вузов в условиях пандемии (на примере Финансового университета)	123
<i>Вокуева Т.С.</i> Образ современного российского университета в зеркале мнений преподавателей и студентов (на примере Финансового университета).	128

CONTENTS

COVER STORY: PARTIES AND PARTY SYSTEMS:
HISTORY AND MODERNITY

- Mamaeva Yu.A.** Russian Parliamentary Parties Activities in Fundraising: Current State, Problems and Prospects 6
- Bitieva Z.R., Dzyuban V.V., Yaroshenko A.S.** Legal Status of Political Parties in Modern Russia 13
- Zubov V.V.** Comparative Analysis of Ideological Platforms of Political Parties (on the Example of the West vs. East Germans in the Cold War) 20
- Kislyakov A.S., Kashin E.A., Kuchieva A.I.** Features of Party Genesis in the Russian Empire Late 19th – Early 20th Centuries 27
- Seleznev P.S., Kramer A.D.** Ayn Rand's Philosophical Concepts as the Basis of the Radical Opposition Discourse in the Russian Federation 36

FUNDAMENTAL SCIENTIFIC KNOWLED

- Zamaraeva E.I.** Problems of Humanitarian Knowledge in the Era of Total Digitalization. 45
- Omarova L.B.** Traditions as a Foundation for the Society's Sustainability 51
- Mohammed H.A.M.** Factors of Ethnic Identity as Causes of Modern Ethno-Political Conflicts 59
- Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V.** Models of Capability in HR-Management, Vocational Guidance and Self-management 64

CURRENT SOCIO-POLITICAL RESEARCH

- Shatilov A.B.** Information and PR Support of Russia's Special Military Operation in Ukraine: Major Trends and Lessons of the First Stage 71
- Lukyanenko K.T.** Development Prospects of Political and Economic Aspects of the Environmental Agenda in Anti-Russian Sanctions. 77
- Prokhorova I.G., Razov P.V., Wolf K.V., Gamza V.A., Krivoshein N.V.** Multilateral Digital Investment Platform: A New Institution for the Domestic Business Infrastructure Development 82
- Rastorguev S.V.** Modern Studies of the Political Identity of Russian Youth 89
- Osinina D.D.** Basic Social Ontology and Value Orientations of Modern Russian Youth: Political Self-Identification Problem 97
- Bochkaev A.R.** Political Socialization of Youth: The Main Approaches 104
- Sementsova K.R.** Marital and Family Behavior of Young People in Modern Russian Society: Attitudes and Values 109
- Bartashevich D.A., Rebrikova N.V.** The Collaboration of the Companies on the Internet to Increase the Audience and Profit: (on the Example of Coffee Culture Magazine "Café Soci  t  ") 114
- Glebova T.A.** Development of Socio-Cultural Competence in Teaching a Professionally Oriented Language Using ICT 118

STARTUP OF YOUNG RESEARCHER

- Bilukha K.S., Danilova M.R.** Contentment with the Quality of Students' Education of Russian Universities in a Pandemic (on the Example of the Financial University) 123
- Vokueva T.S.** Modern Russian University Image in the Mirror of Opinions of Lecturers and Students (on the Example of the Financial University) 128

ГУМАНИТАРНЫЕ НАУКИ.
ВЕСТНИК ФИНАНСОВОГО
УНИВЕРСИТЕТА

Международный
научно-практический журнал
Том 12, № 4 (58), 2022

Главный редактор –
А.Б. Шатилов
Заведующий редакцией
научных журналов –
В.А. Шадрин
Выпускающий редактор –
Ю.М. Анютина
Корректор – **С.Ф. Михайлова**
Верстка – **С.М. Ветров**
Переводчик – **З.Э. Межва**

Адрес редакции:
125993, Москва, ГСП-3,
Ленинградский пр-т, 53, к. 5.6
Тел.: **8 (499) 553-10-74**
(вн. 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Оформление подписки
в редакции
по тел.: **8 (499) 553-10-71**
(вн. 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru
С.Ф. Михайлова

Подписано в печать 26.08.2022
Формат 60 x 84 1/8.
Объем 15,35 усл.п. л.
Заказ № 729

Отпечатано в Отделе
полиграфии
Финансового университета
(Ленинградский пр-т, д. 51)
© Финансовый университет
Editor-in-Chief – **A.B. Shatilov**
Head of Scientific Journals
Editorial Department –
V.A. Shadrin
Managing editor –
Yu.M. Anyutina
Proofreader – **S.F. Mihaylova**
Design, make up – **S.M. Vetrov**
Translator – **Z. Mierzva**

Editorial address:
53, Leningradsky prospekt, office 5.6
Moscow, 125993
tel.: **+7 (499) 553-10-74**
(internal 10-88)

E-mail: julia.an@mail.ru
<http://www.fa.ru/dep/jgn/about/Pages/default.aspx>

Subscription in editorial office
tel.: **+7 (499) 553-10-71**
(internal 10-80)
e-mail: sfmihajlova@fa.ru

Signed for press on 26.08.2022
Format 60 x 84 1/8.
Size 15,35 printer sheets.
Order № 729

Printed by Publishing House
of the Financial University
(51, Leningradsky prospekt)
© Financial University

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-6-12
УДК 32(045)

Фандрайзинг в контексте деятельности российских парламентских партий: актуальное состояние, проблемы и перспективы

Ю.А. Мамаева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматривается проблема фандрайзинга как одного из направлений деятельности политических партий, представленных в федеральном парламенте. Дается определение фандрайзинга, раскрывается его нормативная правовая основа, указывается круг лиц, которые не могут быть его субъектами, закрепляются принципы санкционирования законодательных ограничений. В качестве проблем развития фандрайзинга в российской политической среде обозначаются доминирование локальных кампаний по сбору пожертвований в виде спонсорской помощи и низкий уровень мотивированности некоторых парламентских политических партий к проведению фандрайзинговых кампаний ввиду сильной зависимости от государственного финансирования. В заключение делаются выводы о перспективах развития фандрайзинга в деятельности думских партий.

Ключевые слова: фандрайзинг; краудфандинг; пожертвования; политические партии; спонсорская помощь

Для цитирования: Мамаева Ю.А. Фандрайзинг в контексте деятельности российских парламентских партий: актуальное состояние, проблемы и перспективы. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):6-12. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-6-12

ORIGINAL PAPER

Russian Parliamentary Parties Activities in Fundraising: Current State, Problems and Prospects

Yu.A. Mamaeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper deals with the problem of fundraising as the activity of political parties represented in the federal parliament. The research gave a definition of fundraising, revealed its normative legal basis, indicated the circle of persons who would not be able its subjects. Also, it fixed the principles of sanctioning legislative restrictions. The problems of fundraising development in the Russian political environment are the dominance of local campaigns to collect donations as a sponsorship and the low level of motivation of some parliamentary political parties to conduct fundraising campaigns because of their strong dependence on state funding. In conclusion, the author drew findings about the prospects for the development of fundraising in the activities of the Duma parties.

Keywords: fundraising; crowdfunding; donations; political parties; sponsorship

For citation: Mamaeva Yu.A. Russian parliamentary parties activities in fundraising: Current state, problems and prospects. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):6-12. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-6-12

Специфической чертой современной российской политики является стабильно высокая значимость политических партий как ключевых акторов. В условиях, когда деятельность непарламентских партий практически незаметна, а иные политические силы, в сущности, представляются маргинальными или даже нелегальными, особое влияние приобретают именно парламентские пар-

тии, которые способны оказать действенное влияние на общественно-политическую динамику. При этом представляется очевидным, что ни одна партия не способна вести эффективную политическую деятельность без соответствующего ресурсного обеспечения, в первую очередь без финансовых средств. В силу вышеназванного обстоятельства проблема современных подходов к финансированию

российских парламентских партий приобретает актуальное теоретико-методологическое и конкретно-практическое значение. Особое место в арсенале способов их денежного обеспечения в наше время занимает фандрайзинг, о котором далее будет идти речь в настоящей публикации.

В целом, фандрайзинг — это один из способов интеграции различных ресурсов (материальных, интеллектуальных, технических и пр.), направленных на достижение какой-либо цели. Если брать представленную общую дефиницию, то фандрайзинг в этом смысле близок к краудфандингу. Краудфандинг — это способ объединения денежных средств большого числа жертвователей (доноров), которые будут направлены организацией (реципиентом) на достижение определенной цели. При этом стоит заметить, что охарактеризованные явления объединяет использование современных информационных технологий, т.е. оно осуществляется посредством сети Интернет.

Фандрайзинг, как и краудфандинг, считается способом сбора денежных средств среди неопределенного круга лиц. Тем не менее между фандрайзингом и краудфандингом имеются существенные различия. Полученные в ходе фандрайзинга материальные ценности идут на реализацию некоммерческих целей, в то время как средства от краудфандинга могут быть направлены, в том числе, на создание коммерческого продукта. Фандрайзингом, как правило, занимаются организации, обладающие уже сложившейся репутацией, к которой относятся: 1) продолжительность существования; 2) наличие положительной обратной связи между деятельностью организации и обществом; 3) социальная полезность проводимой деятельности; 4) авторитет руководства и видных функционеров организации; 5) благоприятное информационное поле (отсутствие медийных скандалов с участием реципиента, каких-либо компрометирующих материалов, разоблачений, обвинений в мошенничестве и иных преступлениях и т.п.). Краудфандингом могут заниматься недавно созданные юридические лица, которые еще не обладают сложившимся «репутационным гандикапом». Для этого они используют специальные краудфандинговые платформы. Если мотивом для жертвователей в фандрайзинге является осознание общественной полезности дел организации-реципиента

(т.е. речь идет исключительно о безвозмездном характере пожертвований), то в условиях краудфандинга жертвователь может рассчитывать на получение части готового продукта (т.е. допускается возмездный характер денежных взносов). Таким образом, фандрайзинг — это способ объединения некоммерческими организациями денежных средств и иных материальных активов, которые будут использоваться для достижения заявленных целей деятельности. Предложенное нами определение согласуется с теми дефинициями фандрайзинга (в том числе — политического), которые уже имеются в научной литературе: «процесс привлечения материальных ресурсов преимущественно некоммерческими организациями в целях осуществления какого-либо социального проекта» [1]; «поиск ресурсов под различные политические проекты» [2]; «привлечение материальных ресурсов из различных источников для обеспечения социальных проектов некоммерческой организации или, в целом, для финансирования ее деятельности» [3].

Установив содержание фандрайзинга, мы можем сформулировать границы исследования. В рамках настоящей статьи рассматриваются российские политические партии, представленные в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва («Единая Россия», «Коммунистическая партия Российской Федерации», Социалистическая политическая партия «Справедливая Россия — Патриоты — За правду», «Либерально-демократическая партия России», «Новые люди»), в разрезе особенностей осуществления ими организованной деятельности по сбору денежных средств на безвозмездной основе для достижения основной цели любой политической партии — получения политической власти или возможности оказания существенного влияния на принятие политических решений.

В качестве основных аспектов, подлежащих изучению, выделим следующие:

- обозначение нормативных правовых основ регулирования фандрайзинга в отечественном политическом процессе;
- определение места добровольных пожертвований в структуре доходов российских парламентских политических партий;
- отграничение полученных в ходе фандрайзинговых кампаний пожертвований от иных безвозмездных поступлений;

- рассмотрение вопроса развития фандрайзинга в деятельности объекта исследования;
- выявление актуальных проблем развития фандрайзинга в российской политической среде;
- прогнозирование перспектив фандрайзинговых кампаний парламентских политических партий в существующей обстановке.

Правовую основу фандрайзинга как одного из направлений деятельности парламентских политических партий составляют часть первая Гражданского кодекса Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ, Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях», Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». Локальное регулирование фандрайзинга осуществляется, в свою очередь, уставами политических партий.

В Гражданском кодексе Российской Федерации (далее — ГК РФ) проводится разделение юридических лиц в зависимости от целей деятельности — на коммерческие и некоммерческие (далее — НКО). Первые существуют для извлечения прибыли, в то время как вторые не преследуют извлечение прибыли в качестве основной цели деятельности (п. 1 ст. 50 ГК РФ)¹. Вместе с тем, согласно пп. 2 п. 3 ст. 50 ГК РФ, политические партии как разновидность общественных организаций относятся к НКО, т.е. включаются в состав субъектов фандрайзинга.

На основе анализа ст. 7 Федерального закона от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях» мы можем заключить, что политические партии являются разновидностью общественных объединений — автономных формирований граждан на некоммерческой основе для совместной реализации общих целей, т.е. нормы данного акта подтверждают правомочность причисления политических партий к субъектам фандрайзинга².

Детальное регулирование деятельности политических партий по целенаправленному сбору денежных средств для достижения уставных целей, предусматривающее особенности осуществления фандрайзинга в российской

правовой системе, содержится в Федеральном законе от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях» (далее — Закон о политических партиях). Термин «фандрайзинг» в российском законодательстве отсутствует, что не исключает возможности получения политическими партиями денежных средств в виде пожертвований³. Таким образом, если конечная цель фандрайзинга — получение безвозмездных поступлений, а пожертвования входят в перечень источников финансирования политических партий, то можем заключить, что, как минимум, фандрайзинговая деятельность политических партий считается в России легальной.

Донорами в ходе политического фандрайзинга могут выступать как юридические, так и физические лица. По общему правилу, пожертвования осуществляются в безналичной форме, однако законодательство допускает передачу физическими лицами наличных денежных средств в размере не более 4330 руб. в течение календарного года. При этом любое пожертвование вне зависимости от суммы подлежит документальному подтверждению с указанием субъекта, который осуществил безвозмездный взнос. Кроме того, стоит отметить такие финансовые ограничения, как лимиты на безналичные пожертвования от физических и юридических лиц в течение одного года. Для физических лиц предельная величина составляет 4 330 000 руб., для юридических лиц — 43 300 000 руб. (п. 8 ст. 30 Закона о политических партиях). Представленные пределы финансирования в форме пожертвований были внесены в законодательство о политических партиях в июле 2008 г. и с того момента не подвергались корректировке. Мы считаем, что суть рассмотренных норм состоит в недопущении оказания каким-либо жертвователем существенного влияния на деятельность политической партии, которая может претерпевать зависимость от донора, в том числе неконструктивную. При этом сами пределы необходимо увеличить, так как с момента инкорпорации таких ограничений в правовое поле происходило естественное обесценивание национальной валюты.

Отметим, что Закон о политических партиях, в сущности, не ограничивает фандрайзинг, но

¹ Гражданский кодекс Российской Федерации от 30.11.1994 № 51-ФЗ (Часть первая). Собрание законодательства Российской Федерации от 05.12.1994. № 32 ст. 3301.

² Федеральный закон от 19.05.1995 № 82-ФЗ «Об общественных объединениях». Собрание законодательства Российской Федерации от 22.05.1995. № 21 ст. 1930.

³ Федеральный закон от 11.07.2001 № 95-ФЗ «О политических партиях». Собрание законодательства Российской Федерации от 16.07.2001. № 29 ст. 2950.

содержит указание на круг субъектов, которые не могут быть жертвователями: иностранные государства, граждане и юридические лица, международные организации и движения, апатриды, российские граждане, не достигшие общего возраста совершеннолетия, российские юридические лица с иностранным участием, институты публичной власти, государственные и муниципальные предприятия и учреждения, правоохранительные органы и вооруженные формирования, субъекты благотворительной и религиозной деятельности, НКО, признанные в соответствии с российским законодательством иностранными агентами, юридические лица, так или иначе связанные с иностранным финансированием.

Нетрудно заметить, что ограничения круга субъектов пожертвований, в том числе доноров, в фандрайзинговых кампаниях носят довольно обширный характер. При этом Российская Федерация, как следует из части 1 ст. 1 Конституции, является правовым государством⁴, в котором устанавливается режим верховенства закона и постулируется приоритет свобод над запретами. Стало быть, ограничения в политической сфере оправданы лишь тогда, когда они служат сохранению суверенитета и укреплению основ государственности. Следовательно, в контексте указанных ограничений, образующих «букву» закона, необходимо установить их практическую целесообразность, т.е. обратиться к «духу» закона.

Как нам видится, указанные нормы-запреты базируются на двух основополагающих принципах: 1) недопустимость внешнего вмешательства во внутренние дела Российской Федерации; 2) организационная и субстантивная обособленность публично-правовых субъектов и аффилированных с ними институций от политической борьбы.

Первый принцип представляется в существующих условиях вполне очевидным. В течение последних лет планомерно усиливается геополитическое противостояние Российской Федерации с так называемым «коллективным Западом» в лице Соединенных Штатов Америки, некоторых стран Европейского союза и военно-политического блока НАТО. Многие страны

недовольны усилением позиций России на постсоветском пространстве, а также ее действиями по обеспечению национальной безопасности. Историческое воссоединение Крыма с Российской Федерацией в 2014 г., а также признание Президентом В. В. Путиным Донецкой и Луганской Народных Республик показывают, с одной стороны, необратимое усиление авторитета России на международной арене, а с другой — отчетливое несогласие США и их сателлитов с укреплением влияния Российской Федерации в мире. В этих условиях недружественные силы стараются всеми возможными способами ослабить российскую государственность: санкционным давлением, пренебрежением военно-стратегическими интересами нашей страны, неисполнением международных соглашений. Важное место в арсенале таких способов занимает деятельность различных иностранных организаций по подрыву закрепившегося в России политического порядка. В этой связи запрет на пожертвования материальных ценностей политическим партиям иностранными государствами, гражданами и юридическими лицами, международными организациями и общественными движениями, НКО, признанными в соответствии с российским законодательством в качестве иностранных агентов, а также юридическими лицами, так или иначе связанными с иностранным финансированием, носит превентивный, предупредительный характер. Разумеется, законодатель не исходит из того, что любая международная организация в случае внесения пожертвования российской политической партии преследовала бы деструктивную цель. Однако в существующей ситуации превентивные меры в политической сфере представляются более действенными и безопасными, чем восстановительные.

Что касается организационной и субстантивной обособленности публично-правовых субъектов и аффилированных с ними институций от политической борьбы, то в данной ситуации необходимо обратиться к самой сущности государства как актора политики. Государство выступает консолидирующей силой, призванной объединять все население страны и всевозможные формы социальной организации на базе ценностей гуманизма, развития и равноправия. То же относится и к иным публичным институтам, обеспечивающим порядок в обществе: органам местного самоуправле-

⁴ Конституция Российской Федерации: Официальный интернет-портал правовой информации. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001202007040001?index=3&rangeSize=1>

**Пожертвования политическим партиям, представленным в Государственной Думе за 2020 г. /
Donations to political parties represented in the State Duma for 2020**

Партия	Полученные денежные средства, млрд руб.	В виде пожертвований, млрд руб.	Доля пожертвований в доходной части, %	Доля пожертвований от юридических лиц, %	Доля пожертвований от физических лиц, %
Единая Россия	9,637	4,815	49,96	95,55	4,45
КПРФ	1,299	0,045	3,46	43,83	56,17
ЛДПР	1,201	0,004	0,33	36,58	63,42
Справедливая Россия	0,654	0,151	23,09	70,11	29,89
Патриоты России	0,012	0,011	91,67	94,35	5,65
За правду	0,046	0,033	71,74	1,56	98,44
Новые люди	0,26	0,238	91,54	24,45	75,55

Источник / Source: составлено автором / compiled by the author.

ния, правоохранительным структурам, военизированным формированиям. Поддержка со стороны публичной власти в том или ином ее проявлении какой-либо политической партии стала бы, как минимум, шагом на пути сращивания последней с государством, что не может осуществляться в демократических обществах.

Переходя к проблеме определения места добровольных пожертвований в структуре доходов российских парламентских политических партий, мы считаем важным для начала сделать общий обзор источников формирования доходов указанных партий. Доходная часть политических партий образуется за счет вступительных и членских взносов, средств федерального бюджета, пожертвований от физических и юридических лиц (в том числе — от граждан в наличной форме), доходов от предпринимательской деятельности, поступлений от гражданско-правовых сделок, иных поступлений, не запрещенных законом. Таким образом, мы можем установить долю пожертвований от общей величины денежных средств, поступивших для осуществления уставной деятельности. Источником указанной информации будут выступать сводные финансовые отчеты парламентских политических партий за 2020 г. (информация за 2021 г. к моменту написания статьи не представлена), опубликованные на официальном сайте Центральной избиратель-

ной комиссии Российской Федерации в сети Интернет. При этом информация о политической партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» будет представлена в виде финансовых отчетов трех политических партий: «Справедливой России», «За правду!» и «Патриоты России», так как указанная новая парламентская партия возникла только в 2021 г. в ходе объединения трех указанных политических сил. Также заметим, что используемые величины в целях удобства подсчета будут округляться до тысячных долей (см. таблицу).

Анализ указанных величин может повлечь за собой принципиально противоположные выводы, в силу чего, как нам кажется, необходимо сделать ряд оговорок. Во-первых, следует абстрагироваться от абсолютных значений и рассматривать показатели в относительном выражении. Даже без обращения к финансовым отчетам представлялось очевидным, что «Единая Россия» как ведущая политическая сила страны получит наибольшее число пожертвований. Следовательно, необходимо установить, насколько значима доля пожертвований в той структуре доходов, которая соответствует масштабу политической партии. Во-вторых, надлежит обратиться к общей структуре доходов организации, соотнести пожертвования с величинами государственного финансирования и членскими взносами. Так, наилучшие показатели в относи-

тельных значениях у партий: «Патриоты России», «За Правду!» и «Новые люди». Тем не менее эти партии в 2020 г. были лишены государственной поддержки и не взимали партийные взносы, а потому доля пожертвований в структуре их доходов объективно будет высокой, вне зависимости от уровня организации сбора пожертвований. В-третьих, оценка состояния фандрайзинговой деятельности парламентских политических партий не может проводиться исключительно на основе информации о сумме пожертвований, так как последние образуются не только в процессе фандрайзинга, но и, например, в ходе оказания спонсорской помощи или уплаты так называемого «партийного максимума» (принятой в КПРФ величины ежемесячных отчислений для депутатов-коммунистов в твердой форме или в процентном выражении от дохода)⁵, который, в общем, является добровольным для депутатов от КПРФ, не связанных членством в партии и, следовательно, локальными актами последней. Стало быть, оценка фандрайзинговых кампаний ведущих политических сил будет носить субъективный характер, а для ее осуществления потребуется обзор интернет-активности политических партий, объединенных в объект исследования.

В ходе рассмотрения различных интернет-ресурсов российских политических партий, представленных в Государственной Думе Федерального Собрания Российской Федерации VIII созыва, мы установили, что интернет-фандрайзинг не является в настоящее время перспективным направлением для последних. Ввиду того, что политические партии в фандрайзинге являются реципиентами, т.е. нуждающейся стороной, они как видится, должны активно заявлять в сети Интернет о своей потребности в денежных средствах и иных ценностях от организаций и населения. При этом фандрайзинг представляется эффективным не тогда, когда доноры прикладывают усилия для внесения пожертвований, а в случае, если политическая сила становится активной стороной фандрайзинга. Обратившись к политическим сайтам рассматриваемых партий, можно заметить, что информацию о членстве в них или деятельности в качестве сторонника найти легко, но сведения

о порядке внесения пожертвований (если таковые имеются) — весьма сложно. В этой связи представляется интересным мнение Л.В. Журавлевой о политическом фандрайзинге, высказанное ею еще в 2011 г.: «Российские партии только начали осваивать технологию интернет-фандрайзинга» [4]. В 2022 г. применительно к парламентским партиям можно сказать, что развитие фандрайзинга носит крайне медленный характер: одни используют «пассивную» технологию (при которой информация о порядке оказания безвозмездной помощи в сети Интернет представлена в имплицитном виде), а другие в принципе не озабочены применением современных средств для сбора пожертвований.

Основной проблемой развития фандрайзинга в российской политической среде, на наш взгляд, остается доминирование локальных кампаний по сбору пожертвований в виде спонсорской помощи. Парламентские партии нередко направляют свои усилия на привлечение финансовых ресурсов со стороны политического и экономического истеблишмента, делая тем самым акцент не на охвате населения, а на размере поступлений от конкретного влиятельного гражданина или юридического лица. Кроме того, стоит сказать о низком уровне мотивированности некоторых парламентских политических партий к проведению фандрайзинговых кампаний, что объясняется значительным объемом денежных средств, получаемых первыми в рамках государственного финансирования.

В завершение статьи заметим, что Россией в течение последних нескольких лет были сделаны значительные шаги в направлении информатизации и цифровизации государственного сектора и народного хозяйства. Однако политический фандрайзинг, который, как подсказывает логика, должен развиваться сообразно с актуальными информационно-коммуникационными трендами, характеризуется относительно слабым динамизмом. Считаем, что перспективы совершенствования фандрайзинга в контексте деятельности парламентских политических партий напрямую зависят от таких факторов, как снижение влияния государственного финансирования крупных политических сил на их ресурсную базу, а также переориентация с локальных технологий сбора пожертвований на полноценный охват целевой аудитории, включающей членов партии и ее сторонников.

⁵ Постановление Президиума ЦК КПРФ «Об установлении величины «партийного максимума» на 2019 год». URL: <https://www.politpros.com/journal/read/?ID=7969> (дата обращения: 22.02.2022).

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черникина Е. В., Бобров С. Л. Особенности развития краудфандинга и фандрайзинга. *Инновационная наука*. 2017;(8):36–41.
2. Смолянинов Е. В. Специфика политического фандрайзинга. *Вестник РУДН, серия Политология*. 2010;(2):48–54.
3. Безуглый Э. А., Кутергин Н. Б., Алексеев Н. А., Ковалева Е. Г., Радоуцкий В. Ю. Фандрайзинг: история возникновения и развитие. *Вестник БГТУ им. В. Г. Шухова*. 2016;(3):187–190.
4. Журавлева Л. В. Технология интернет-фандрайзинга в российском политическом консультировании. *Проблемный анализ и государственно-управленческое проектирование*. 2011;(6):40–44.

REFERENCES

1. Chernikina E. V., Bobrov S. L. Features of crowdfunding and fundraising development. *Innovative Science*. 2017;(8):36–41. (In Russ.).
2. Smolyaninov E. V. Specificity of political fundraising. *Bulletin of the RUDN, Series of Political Science*. 2010;(2):48–54. (In Russ.).
3. Bezuglyi E. A., Kutergin N. B., Alekseev N. A., Kovaleva E. G., Radowski V. Y. Fundraising: The history of the emergence and development. *Bulletin of BGTU named V. G. Shukhov*. 2016;(3):187–190. (In Russ.).
4. Zhuravleva L. V. Technology of Internet fundraising in Russian political consulting. *Problem analysis and state-management design*. 2011;(6):40–44. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Юлия Александровна Мамаева — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Yuliya A. Mamaeva — Cand. Sci. (Historical), Associate Professor, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6964-6262>

YAMamaeva@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 29.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 29.04.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19
УДК 329(045)

Правовой статус политических партий в современной России

З.Р. Битиева^а, В.В. Дзюбан^б, А.С. Ярошенко^с

^а Коллегия адвокатов № 1, Владикавказ, Россия;

^б Российская таможенная академия, Москва, Россия;

^с РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Сегодняшние исследования политических партий представляют собой попытки ответить на вопрос о их месте и роли в политическом процессе. Авторы анализируют нормативно-правовую базу функционирования и выделяют законодательную основу правового статуса партий, на основании которого определены их институциональные особенности. В статье описана необходимость установленных законодательных требований к партиям с политической точки зрения и систематизированы их институциональные особенности в качестве общественных объединений. Сегодня не только политической науке, но и практической политике не хватает объективного теоретического взгляда на природу и сущность отечественных партий, их места и роли в политической системе, вклада в поддержание стабильности в стране. Началом формирования такого объективного теоретического взгляда на политические партии в России может стать раскрытие вопроса их правового статуса.

Ключевые слова: политические партии; правовой статус партий; законодательство о партиях; избирательное право; партийная система России; политическая система России

Для цитирования: Битиева З.Р., Дзюбан В.В., Ярошенко А.С. Правовой статус политических партий в современной России. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):13-19. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19

ORIGINAL PAPER

Legal Status of Political Parties in Modern Russia

Z.R. Bitieva^a, V.V. Dzyuban^b, A.S. Yaroshenko^c

^a Association of lawyers No. 1, Vladikavkaz, Russia;

^b SEI HE "Russian Customs Academy", Moscow, Russia;

^c Institute of Social Sciences, RANEPA, Moscow, Russia

ABSTRACT

Modern researches of political parties are attempts to answer the question of their place and role in the political process. The authors analyze the legal framework for functioning and single out the legislative basis for the legal status of parties. This status is determined based on their institutional features. The paper describes the need for established legislative requirements for parties from a political point of view and systematizes their institutional features as public associations. Today, not only political science but also practical politics lacks an objective theoretical view of the nature and essence of domestic parties and their place and role in the political system, as well as their contribution to maintaining stability in the country. The start of the formation of such an objective theoretical view of political parties in Russia may be the disclosure of their legal status.

Keywords: political parties; legal status of parties; party legislation; suffrage; party system in Russia; Russian political system

For citation: Bitieva Z.R., Dzyuban V.V., Yaroshenko A.S. Legal status of political parties in modern Russia. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):13-19. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-13-19

Основой современного правового и отчасти политического статуса политических партий в России является Конституция [1]. Статья 13 признает, но не закрепляет и не гарантирует многопартийность, а также политическое и идеологическое многообразие, которое возможно благодаря конституционному запрету устанавливать государственную или обязательную идеологию¹. Основой для признания политического многообразия и многопартийности выступают другие статьи Конституции [2]. Статья 3 утверждает в качестве носителя суверенитета и единственного источника власти в Российской Федерации ее многонациональный народ. Также она закрепляет институциональные способы реализации народом собственной власти — опосредованный и непосредственный. В качестве опосредованного Конституция устанавливает осуществление власти через органы государственной власти и местного самоуправления. Способом непосредственного осуществления власти многонациональным народом являются референдумы и выборы. В силу того, что основные участники выборов — политические партии, это делает их главным инструментом осуществления гражданами своей власти.

В свою очередь, принципы, установленные в ст. 3, берут начало из ст. 1 Конституции, которая определяет Российскую Федерацию как «демократическое федеративное правовое государство с республиканской формой правления». С нормативной точки зрения это значит, что, во-первых, в России нормы закона и права являются, безусловно, доминирующими при формировании институционального дизайна политической системы. Во-вторых, устанавливается демократический способ осуществления народом собственной власти, который реализуется в демократических процедурах и республиканской форме правления — выборах и референдумах, именно это закреплено в ст. 3 Конституции. В-третьих, закрепленная нормативно-правовая федеративность России позволяет говорить о децентрализации политического процесса, т.е. он протекает как в вертикальном измерении — на региональном и местном уровнях, так и в горизонтальном [3].

Институционально оформленное осуществление гражданами собственной власти через участие в выборах и референдумах поощряет развитие многопартийности и политического многообразия. Партии позволяют агрегировать и артикулировать интересы широких слоев населения, придавая им конвенциональные формы влияния на политический процесс. А. О. Луньков указывает, что многопартийность должна быть определена как характерная черта политической системы, в которой непосредственное участие в управлении социальными процессами и решении вопросов государственного уровня принимают политические партии как объединения граждан. Важно отметить, что многопартийность проявляется в равноправии такого рода объединений между собой [4].

Вопросу равноправия общественных объединений посвящен п. 4 ст. 13 Конституции Российской Федерации, согласно которому перед законом все общественные объединения равны. При этом данный пункт не стоит трактовать как гарантию равных условий существования общественных объединений — в зависимости от целей, задач, способностей, ресурсов и потенциала их условия функционирования различаются. В широком смысле — и с точки зрения права, и с точки зрения институциональной логики — политические партии относятся к общественным объединениям [5].

В связи с этим необходимо отметить, что все политические партии так же равны перед законом, как и другие общественные объединения политической и неполитической направленности. В одном из постановлений Конституционного Суда Российской Федерации указано, что при обеспечении гарантий гражданских прав на объединение государство не делает различия между общественными объединениями разных видов и политическими партиями². Важно отметить, что особенности гражданско-правового положения политических партий как юридических лиц регулируются в том числе нормами Гражданского кодекса³.

² Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 16.07.2007 № 11-П «По делу о проверке конституционности отдельных положений статей 3, 18 и 41 Федерального закона “О политических партиях” в связи с жалобой политической партии “Российская коммунистическая рабочая партия — Российская партия коммунистов”». Российская газета. 2007. 21 июля.

³ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_5142/

¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_28399/5b9338a7944b7701fbc63f48c943e8175be16462/

Общественные объединения (добровольные, самоуправляемые, некоммерческие формирования) создаются по инициативе граждан и являются механизмом реализации их конституционного права на объединение и отстаивание своей политической позиции. А. О. Луньков указывает, что российский законодатель установил конкретный признак, отличающий политические партии от других форм общественных объединений, заключающийся в целях деятельности общественных объединений и политических партий [4].

В п. 1 ст. 3 Федерального закона «О политических партиях» они называются разновидностью общественных объединений⁴. В свою очередь, ст. 7 Федерального закона «Об общественных объединениях» констатирует, что одной из организационно-правовых форм института общественных объединений является политическая партия⁵. В этом же законе партия на стадии, предшествующей ее юридическому оформлению, именуется как «орган общественной самодеятельности». А в качестве целей образования органов общественной самодеятельности там указывается совместное решение различных социальных проблем, возникающих у граждан по месту жительства, работы или учебы, направленное на удовлетворение потребностей неограниченного круга лиц, чьи интересы связаны с достижением уставных целей и реализацией программ органа общественной самодеятельности по месту его создания.

Деятельность общественных объединений любой организационно-правовой формы (в том числе политических партий) должна основываться на принципах законности, добровольности, равноправия и самоуправления. Вне зависимости от собственных целей, задач и специфики деятельности каждое общественное объединение обязано соблюдать закон. Принцип добровольности заключается в том, что никто не может быть членом того или иного общественного объединения (в том числе — политической партии) против собственного желания. В противном случае имеет место нарушение закона, означающее, что действия общественных объединений или политических партий, включающих в свои ряды членов вопреки или помимо их желания, незаконны.

Самоуправление общественных объединений и политических партий представляет собой одну из ключевых характеристик, которая заключается в том, что они свободны и самостоятельны в определении своей внутренней структуры, целей, форм и методов деятельности. Кроме того, существуют ограничения на вмешательство государства и должностных лиц в деятельность общественных объединений и политических партий. Это значит, что на законодательном уровне гарантируется самостоятельность данных институтов, деятельность которых должна быть свободна от каких-либо других детерминирующих факторов, кроме интересов их членов. Более того, в законе прописано, что деятельность общественных объединений должна быть гласной, а вся информация из нормативно-правовых документов (в первую очередь учредительных и программных) — общедоступной.

Как было указано выше, законодательно установленное институциональное различие общественных объединений и политических партий заключается в целях их функционирования. Первое имеет своей целью защиту общих интересов объединяющихся граждан. Основная же цель политической партии — формирование и выражение политической воли граждан, а также — представление их интересов в органах государственной власти и местного самоуправления⁶.

Выражение политическими партиями мнения своих сторонников может принимать различные институциональные формы, например опосредованное или непосредственное влияние на государственную политику. Опосредованной формой будут усилия по формированию общественного мнения среди тех, кто не является сторонниками партии, и продвижение положений ее программы среди правящей элиты. Это справедливо как для той партии, что находится у власти и определяет политику государства, так и для остальных. В первом случае усилия по формированию общественного мнения в части поддержки тех или иных действий нужны партии для сохранения власти, а во втором — для влияния на общественное мнение с целью ее достижения.

Но основная цель существования партий — это не достижение власти, а участие в полити-

⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

⁵ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_6693/

⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

ческой жизни общества и реализация интересов своих сторонников в политической сфере, что возможно при обладании властью. Необходимо подчеркнуть, что ни с законодательной, ни с политической точек зрения достижение и обладание властью не должно быть самоцелью для партии. В данном случае власть должна выступать инструментом [6].

Если у партии есть власть, речь должна идти о ее непосредственном влиянии на государственную политику. Данное обладание заключается в назначении представителей партии на государственные должности, которое в России происходит посредством демократических процедур, напрямую или косвенно связанных с избирательным процессом. Важно отметить, что в нашей стране представителям политических партий запрещено занимать те должности, назначение на которые происходит вне рамок демократических процедур. В этом заключается фундаментальное различие между государственной службой и государственными должностями. Члены политических партий не могут работать на государственной службе, а госслужащим запрещено каким-либо способом от своего лица влиять на общественное мнение⁷.

На лиц, замещающих государственные должности РФ и субъектов, не распространяются ограничения, касающиеся госслужащих. Потенциально представители политических партий могут занять следующие государственные должности: президент, председатель Правительства и его заместители, федеральный министр, член обеих палат Федерального Собрания (в том числе председатель и его заместители, член ЦИК); на региональном уровне: глава субъекта и его заместители, член высшего исполнительного органа субъекта, депутат регионального парламента, член избирательной комиссии региона⁸. Стоит отметить, что данный список не является исчерпывающим перечнем государственных должностей Российской Федерации и субъектов⁹. Здесь представлены только те, на которые не распространяются ограничения на членство в политических партиях и влияние тем или иным способом на общественное мнение, а назначение происходит посредством демо-

кратических процедур, напрямую или косвенно связанных с избирательным процессом¹⁰.

Данные должности являются ключевыми, потому что с политической и правовой точек зрения именно занятие их представителями той или иной политической партии позволяет говорить о достижении и удержании ею власти. Различие между прямой и косвенной связью назначений на должности и избирательными процессами заключается в следующем. Если представители политических партий имеют возможность напрямую баллотироваться на ту или иную государственную должность, уместно говорить о прямой связи с избирательным процессом. К такого рода государственным должностям относятся: президент, губернаторы, депутаты Государственной Думы, члены Совета Федерации от законодательных органов субъектов, депутаты региональных парламентов.

В случае косвенной связи назначений с избирательными процессами (которые отвечают требованиям демократических процедур) лицо, напрямую избранное на государственную должность (например, в связи с победой на выборах), получает право самостоятельно назначать представителей партий на другие государственные должности, к которым относятся: председатель правительства и его заместители, федеральные министры, председатели обеих палат Федерального Собрания и их заместители, а также сенаторы — представители исполнительных органов власти регионов и представители Федерации, назначаемые президентом, заместители высших должностных лиц субъектов и члены высших исполнительных органов регионов, члены избирательных комиссий федерального и регионального уровня.

Отдельно необходимо отметить законодательные особенности, регулирующие участие партий в политической жизни на местном уровне, который представлен органами местного самоуправления в лице муниципальных образований и не входит в систему государственной власти Российской Федерации¹¹. Однако государственные органы, которые включены в единую систему публичной власти в субъекте Российской Федерации, обязаны содействовать

⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_48601/

⁸ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/7426>

⁹ URL: <http://www.kremlin.ru/acts/bank/30262>

¹⁰ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

¹¹ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_44571/

решению задач местного самоуправления и его развитию. Это позволяет сделать вывод о том, что местное самоуправление опосредованно включено в систему публичной власти¹². Участие партий в политической жизни местного уровня (помимо ранее указанных общих для партийного строительства нормативно-правовых актов) регламентируется Федеральным законом № 131 «Об общих принципах организации местного самоуправления в Российской Федерации».

Для избрания депутатов представительного органа местного самоуправления проводятся муниципальные выборы¹³, на которых прямым всеобщим голосованием может избираться глава муниципального образования. Он также может быть избран муниципальными депутатами из собственного числа или из кандидатов, представленных конкурсной комиссией. В любом случае должности муниципальных депутатов и глав муниципальных образований необходимо отнести к категории тех, за которые могут бороться представители политических партий [7]. Но данными должностями список тех позиций, при занятии которых представителями партии можно говорить о достижении или обладании ею властью на местном уровне, не исчерпывается. Следует также сказать об избирательной комиссии и контрольно-счетном органе муниципального образования.

Избирательная комиссия муниципального образования организует проведение муниципальных выборов, местных референдумов, а также голосований по отзывам депутатов и по изменениям территориальных границ муниципалитетов. Она формируется представительным органом муниципального образования на основе предложений от тех субъектов избирательного процесса, которые могут делать соответствующие предложения в другие избирательные комиссии¹⁴. Контрольно-счетный орган муниципального образования также формируется представительным органом муниципального образования, но исходя из предложений его председателя, депутатов и главы муниципального образования¹⁵. Таким образом, конституирующий принцип полити-

ческой партии как института (в виде участия в политической жизни посредством достижения и обладания властью на местном уровне) реализуется через ее участие в муниципальных выборах и местных референдумах и формирование избирательной комиссии и контрольно-счетного органа муниципального образования.

На законодательном уровне устанавливается ряд требований к политическим партиям, невыполнение которых может привести к их ликвидации или отказу в регистрации [8]. В соответствии с отечественным законодательством политическая партия должна иметь в половине регионов России собственные региональные представительства (при том, что в одном регионе не может быть более одного регионального отделения), насчитывать не менее 500 участников, членство которых оформлено правильным образом. Политическая партия не может иметь руководящие или иные органы, а также региональные отделения за пределами Российской Федерации¹⁶.

Федеральное законодательство устанавливает нормативные принципы функционирования деятельности политических партий и способы их создания, в основе которого должен лежать принцип свободы (т.е. инициативная группа, решившая ее организовать, должна это делать без какого-либо внешнего давления и, что важно, без каких-либо разрешительных процедур со стороны власти и государства) [9]. На учредительном съезде принимается решение о создании партии и ее отделений не менее, чем в половине субъектов России. Основным внутрипартийным документом является Устав. Министерство юстиции России принимает решение о включении политической партии в ЕГРЮЛ при условии выполнения требований, предъявляемых законодательством к политическим партиям¹⁷.

Сегодня во избежание повторения ошибок тридцатилетней давности необходимо серьезным образом развивать теоретическую базу исследований партий, скрупулезно вычлняя из политико-административной реальности функции партийной системы и отдельных партий. Ведь не только партийная система выполняет круг задач, очерченных ей политической системой, но присутствует разделение труда

¹² URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_404070/

¹³ Там же.

¹⁴ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_37119/

¹⁵ URL: <https://base.garant.ru/12182695/>

¹⁶ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

¹⁷ URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_32459/

и внутри партийной системы — между современными российскими партиями. Скажем, ЛДПР и КПРФ выполняют не только не похожие между собой системные функции, но и совершенно отличные от тех, которые возложены на партию власти — «Единую Россию». Объективное описание политико-партийной среды современной России позволит спрогнозировать не только развитие партийной системы или политической системы, но и государства в целом, предвидя риски и своевременно реагируя на проявления политической флуктуации.

Мы считаем, что сегодня актуален такой срез научного осмысления деятельности российских политических партий, как анализ специфики форм организации партийных структур, своеобразии их ресурсной базы, сущности тематики, спектра методов и технологий и результатов деятельности на региональном и местном партийных уровнях. Первый шаг к формированию такого среза в отечественной политической науке сделан — достаточно детально проработан вопрос правового статуса политических партий в современной России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Зими́на Н. В. Нормативное регулирование деятельности политических партий современной России. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2021;4(27):84–88.
2. Пузенцова Ю. А. Конституционно-правовое регулирование института общественных объединений и политических партий в Российской Федерации. *Аграрное и земельное право*. 2020;10(190):7–11.
3. Бейдина Т. Е. Политические партии в Российском региональном политическом процессе. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2021;5(26):63–73.
4. Луньков А. О. Многопартийность современной политической системы России: риски и способы их минимизации. *Вестник Саратовской государственной юридической академии*. 2021;2(139):70–77.
5. Бициева Э. В. Эволюция конституционно-правового положения политических партий как участников выборов. *Образование и право*. 2022;(2):126–132.
6. Зими́на Н. В. Цели и задачи современных политических партий России: политологический анализ. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2021;6(27):58–62.
7. Зими́на Н. В. Деятельность политических партий России и муниципальная реформа. *Вестник Забайкальского государственного университета*. 2020;5(26):21–26.
8. Плещенко А. Н. Конституционно-правовая ответственность политических партий в РФ. *Символ науки*. 2017;12(2):88–90.
9. Курочкин А. В. Правовые источники, регулирующие статус политических партий в современной России. *Юридический журнал*. 2019;(1):14–17.

REFERENCES

1. Zimina N. V. Normative regulation of the activities of political parties in modern Russia. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2021;4(27):84–88. (In Russ.).
2. Puzentsova Yu. A. Constitutional and legal regulation of the institution of public associations and political parties in the Russian Federation. *Agrarian and land law*. 2020;10(190):7–11. (In Russ.).
3. Beidina T. E. Political parties in the Russian regional political process. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2021;5(26):63–73. (In Russ.).
4. Lunkov A. O. Multi-party system of the modern political system of Russia: Risks and ways to minimize them. *Bulletin of the Saratov State Law Academy*. 2021;2(139):70–77. (In Russ.).
5. Bitsieva E. V. Evolution of the constitutional and legal status of political parties as participants in elections. *Education and law*. 2022;(2):126–132. (In Russ.).
6. Zimina N. V. Goals and objectives of modern political parties in Russia: Political science analysis. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2021;6(27):58–62. (In Russ.).
7. Zimina N. V. Activities of Russian political parties and municipal reform. *Bulletin of the Transbaikal State University*. 2020;5(26):21–26. (In Russ.).
8. Pleshchenko A. N. Constitutional and legal responsibility of political parties in the Russian Federation. *Science symbol*. 2017;12(2):88–90. (In Russ.).
9. Kurochkin A. V. Legal sources regulating the status of political parties in modern Russia. *Legal Journal*. 2019;(1):14–17. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Зарина Руслановна Битиева — кандидат политических наук, адвокат, Коллегия адвокатов № 1, Владикавказ, Россия

Zarina R. Bitieva — Cand. Sci. (Political), lawyer, Association of lawyers No. 1, Vladikavkaz, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4993-0044>

Bitieva1987@gmail.com

Валерий Валерьевич Дзюбан — доктор исторических наук, профессор кафедры гуманитарных дисциплин, Российская таможенная академия, Москва, Россия

Valeriy V. Dzyuban — Dr. Sci. (Historical), Professor of the Department of Humanities of the State Educational Institution of the Higher Education “Russian Customs Academy”, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5650-3737>

bryanskstudzuban@mail.ru

Алексей Сергеевич Ярошенко — аспирант Института общественных наук, РАНХиГС при Президенте РФ, Москва, Россия

Alexey S. Yaroshenko — Postgraduate student, Institute of Social Sciences, RANEPA under the President of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7359-2025>

alexeyaro46@gmail.com

Заявленный вклад авторов:

З.Р. Битиева — разработка общей концепции статьи, редактирование и оформление.

В.В. Дзюбан — подбор и анализ литературы, составление плана статьи.

А.С. Ярошенко — подготовка текста статьи, формулирование выводов.

Authors' declared contributions:

Z.R. Bitieva — development of the general concept of the paper, editing and design.

V.V. Dzyuban — selection and analysis of literature, drawing up an article plan.

A.S. Yaroshenko — preparation of the texts, formulation of conclusions.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26
УДК 341.24(045)

Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холодной войны)

В.В. Зубов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В представленной публикации на примере противостояния ФРГ и ГДР времен холодной войны рассматривается проблема идейных платформ (идеологий) политических партий как ключевого фактора политической борьбы. Автор дает характеристику идеологии в наиболее общем виде и политической идеологии как ее разновидности, представляет классификацию последних в зависимости от социально-политических парадигм и методов достижения политических целей и выявляет основания деления политических идеологий на правые, левые и центристские, а также обращается к функциям и признакам политических идеологий. Далее обозначается перечень политических партий ФРГ и ГДР, которые вели деятельность во времена холодной войны, раскрываются их идейные и теоретические основы. В заключение автор приходит к выводу о том, что общими идейными течениями, как для западных, так и для восточных немцев, являлись христианская демократия и немецкий национализм, хотя де-факто данные взгляды в ГДР не реализовывались в ходе практической политики.

Ключевые слова: политическая идеология; холодная война; Германия; ФРГ; ГДР; христианская демократия; немецкий национализм

Для цитирования: Зубов В.В. Сравнительный анализ идейных платформ политических партий в контексте политической борьбы (на примере ФРГ и ГДР времен холодной войны). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):20-26. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26

ORIGINAL PAPER

Comparative Analysis of Ideological Platforms of Political Parties (on the Example of the West vs. East Germans in the Cold War)

V.V. Zubov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper considers the problem of the ideological platforms (ideologies) of political parties as a key factor in the political struggle in the confrontation's example between the Federal Republic of Germany (FRG) and the German Democratic Republic (GDR) in the cold war period. The author characterizes ideology in the most general form and political ideology as its variety, presents a classification of the latter depending on socio-political paradigms and methods for achieving political goals, and identifies the grounds for dividing political ideologies into right, left and centrist, and also refers to the functions and features political ideologies. Further, the paper shows a list of political parties of the FRG and the GDR that were active during the cold war. Also, the research reveals their ideological and theoretical foundations. In conclusion, the author concludes that the common ideological currents for both West and East Germans were Christian democracy and German nationalism, although de facto these views in the GDR were not implemented in the course of practical politics.

Keywords: political ideology; cold war; Germany; FRG; GDR; christian democracy; German nationalism

For citation: Zubov V.V. Comparative analysis of ideological platforms of political parties (on the example of the West vs. East Germans in the cold war). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):20-26. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-20-26

Политические идеологии или, иначе говоря, идейные платформы, являются неотъемлемой компонентой как современных политических систем в целом, так и партий — обязательных акторов конкурентного политического процесса — в частности. Едва ли возможно представить себе обособленную политическую силу без сформированной мировоззренческой базы. Более того, иногда идеологические различия играют важную роль как во внутривнутриполитической борьбе, так и в межблоковом противостоянии, примером чего является Германия времен холодной войны, которая идеологически и геополитически была разделена на два разнонаправленных государства — Германскую Демократическую Республику (ГДР), находившуюся в орбите интересов Советского Союза, и Федеративную Республику Германии (ФРГ), примыкавшую к так называемому «капиталистическому лагерю».

Однако прежде чем проводить сравнительный анализ идейных платформ политических партий ФРГ и ГДР времен холодной войны, необходимо дать характеристику идеологии в наиболее общем виде, политической идеологии, представить классификацию последних и выявить основания деления политических идеологий на группы.

Говоря о происхождении термина «идеология», заметим, что он возник во Франции в конце XVIII в. Основатель данной категории Антуан Дестют де Траси понимал под идеологией «предпочтения определенных социальных групп в конкретно-исторических условиях» [1, с. 462] и, кроме того, «науку об идеях». Современное толкование слова «идеология» мало чем отличается от исконного. В одном из последних изданий Толкового словаря русского языка идеология определяется как «система взглядов и идей, мировоззрение» [2, с. 202].

Сразу заметим, что сводить идеологию исключительно к миру политического не следует. В форму идеологии могут быть облечены, помимо политических интенций, философия, искусство, религия и иные общественные парадигмы.

Как замечает Г. С. Гаджиев, «идеология [политическая — В.З.] теснейшим образом связана также с формированием и институционализацией идей нации и национального государства» [3, с. 320], что исторически совпадает с возник-

новением в Великобритании и Соединенных Штатах Америки политических партий в их современном понимании. Примечательно, что политические партии, по мнению Эдмунда Берка, должны были стать организацией людей, объединенных на основе тех или иных принципов для продвижения «совместными усилиями национального интереса» [1, с. 298], что в некотором смысле тождественно назначению политических идеологий.

При этом важно понимать, что в нынешнее время идеологии далеко не всегда сопрягаются с национальными интересами, примером чего служит транснациональная либертарианская идеология, которая никоим образом не связана с локальной (этнической или этнополитической) повесткой.

Конечно, было бы весьма странно говорить, что мировоззренческие установки людей относительно общественно-политической проблематики возникли в обозначенное выше время. Различным общественным концептам уже не одно тысячелетие. В силу данного обстоятельства необходимо отграничить политическую идеологию от политической идеи, политической теории и политической философии. В политической науке под политической идеей понимается «любое политически значимое мнение, утверждение, убеждение, тезис» [3, с. 318]. Комплекс политических идей, при помощи которых возможно достигнуть цельного понимания политической материи, образует политическую теорию. Базисом политических теорий служит политическая философия, которая является результатом рефлексии о сущности и принципах функционирования политической материи. В отличие от политической теории, политическая философия оперирует предельно общими категориями, такими как «порядок», «справедливость», «свобода», «равенство» и пр.

В сравнении с идеей, теорией и философией политическая идеология нацелена на действительный политический процесс, в ходе которого должно произойти преобразование реальности. Неслучайно К. Маркс во введении к «Критике гегелевской философии права» писал: «Теория становится материальной силой, как только она овладевает массами» [4, с. 422].

Политические идеологии являются компонентом социальной действительности, что влечет методологическую невозможность их

рассмотрения в отрыве от социального контекста. Последний, в свою очередь, образуется за счет кристаллизации устойчивых взглядов в более широкие социально-политические парадигмы, под которыми в научной литературе понимается «совокупность политико-социальных представлений о принципах и механизмах организации и функционирования общества, преобладающих в конкретную историческую эпоху» [1, с. 468].

С нашей точки зрения, важно заметить, что в ходе политической борьбы конкурирующие силы могут целенаправленно подменять социально-политические парадигмы некоторых политических идеологий с целью дискредитации последних в среде общественного мнения. Так, например, критики классических либеральных идей слева порой объявляют в качестве концептуального основания либерализма «социальный дарвинизм». Данный термин приобрел негативную коннотацию, в силу чего необходимо внести несколько уточнений. Во-первых, система таких взглядов не имеет ничего общего с теорией естественного отбора Чарлза Дарвина. Действительно, последний в «Происхождении видов» говорил о естественном отборе как о неотъемлемой основе биологической изменчивости, в ходе которого происходит «сохранение полезных индивидуальных различий или изменений и уничтожение вредных» [5, с. 139]. Однако речь вовсе не шла о необходимости и/или оправданности полного перенесения биологических законов в общественную среду. Во-вторых, если и употреблять это выражение, то лишь в контексте расовых и национал-социалистических представлений. В-третьих, важно понимать, что либеральная идеология допускает и даже поощряет реализацию различных программ социальной помощи, если они не связаны с намеренным перераспределением общественного продукта.

Политическая идеология обладает следующими функциями: ориентационной, мобилизационной, интегративной, амортизационной, социальной, разграничительной [1, с. 464]. Ориентационная функция идеологии заключается в задании систем смыслов и ценностей. Сущность мобилизационной функции идеологии кроется в способности последней направлять людей на те или иные действия. Интегративная функция политической идеологии заключается в консолидации общественных групп на

базе общих целей, ценностей, представлений. Противоположная интегративной функция политической идеологии — разграничительная. В условиях политической борьбы наличествует множество противостоящих друг другу акторов, которых следует разделять по принципу идейно-политических установок. Амортизационная функция политической идеологии проявляется в ситуациях социальной напряженности, возникающей ввиду несоответствия между сущим и должным. Идеология обозначает контуры изменений, которые необходимо внести в политическую реальность. Социальная функция политической идеологии состоит в выражении интересов социальных групп и отдельных индивидов.

Политическая идеология, с нашей точки зрения, обладает следующими признаками: концептуальная обоснованность, экспансионизм, массовость, цельность, простота и доступность, ангажированность, догматизм.

Политическая идеология не может существовать без социально-политической парадигмы, причем характер и содержание последней не имеют значения. Смысл политической идеологии — претворение в действительность интересов некоторых социальных групп, а поскольку речь идет об интересах и потребностях в контексте власти, то реализация ключевых положений идеологии невозможна без расширения политического влияния, т.е. экспансии — охвата нового политического пространства. Для успешного проведения идеологической экспансии политические силы ориентируются на многочисленные социальные группы, что неизбежно повлечет массовость идеологии. Для придания политической идеологии массового характера она должна обладать цельностью, завершенностью и внутренней непротиворечивостью, а также простотой, доступностью и понятностью. Указанные в предыдущем предложении признаки идеологии базируются на исследовании массового поведения, проведенном выдающимся французским социологом XIX столетия Гюставом Лебоном и обобщенном в книге «Психология народов и масс» [6].

Что касается внутренней непротиворечивости, то данный признак имеет значение, скорее, с методологической стороны. Очевидно, что любая общественная теория характеризуется неполнотой и противоречивостью. Это вытекает из самого факта принципиальной незавер-

шаемости познавательного процесса и любой теории как выражения такой незавершенности. Тем не менее политическая идеология хотя бы внутри самой себя должна выглядеть концептуально оконченной, в противном случае она не станет массовой и, собственно, идеологией. Именно поэтому в качестве признака мы называем не непротиворечивость, а именно внутреннюю цельность.

Политическая идеология, как мы выяснили, обладает неотъемлемым пороком — неполнотой. Нивелирование этого порока достигается за счет целенаправленной ангажированности — безусловной подчиненности фактов и явлений политической действительности исходным теоретическим положениям избранного политического мировоззрения. Осознанно или неосознанно — политическая реальность как бы преломляется сквозь призму исходных установок, которые приобретают характер догмы. Нередко благоприятные факты из политической реальности гипертрофируются, а неблагоприятные замалчиваются или трактуются крайне однобоко. Естественно, подобный подход влечет редукционизм, что не способствует адекватному анализу общественно-политических отношений. В качестве примера ангажированности и тенденциозности приведем выдержки из «Краткого философского словаря» 1954 г., касающиеся трактовки термина «идеология». Идеологии подразделяются на «передовые» и «реакционные», а признаками «буржуазной» идеологии объявляются «отказ от науки, идеализм, поповщина и мракобесие» [7, с. 186].

Политические идеологии традиционно разделяются в зависимости от представлений об общественном устройстве и исходных целях, а также методов достижения целей. На основании первого критерия принято выделять радикальные (революционные), консервативные (охранительные), реформистские (преобразовательные, центристские) политические идеологии. На основании второго критерия выделяют правые, левые и центристские политические идеологии. По второму критерию может производиться более конкретное дробление идеологий на ультраправые, левые, левоцентристские, центристские, правоцентристские, правые и ультраправые, что в совокупности образует политический спектр. В основе второго критерия лежат те или иные представления о социальном и политическом равенстве. Сторонники

правых взглядов являются апологетами той или иной формы неравенства, в то время как последователи левых идей выступают за эгалитаризм. Однако данное основание является в некотором смысле условным. Так, например, ультраправые идеи, допуская неравенство этнических групп и постулируя превосходство одного этноса над другим, могут предполагать некоторое равенство между представителями «избранной» группы.

Нельзя обойти стороной тот факт, что плюрализм мнений, который практически повсеместно закрепился в общественных науках развитого мира, способствует известной путанице в интерпретации политических идеологий. Чтобы продемонстрировать данное явление, обратимся к трактовке таких понятий, как «либерализм» и «консерватизм». Исконно к либерализму относятся политические взгляды сторонников теории естественных и неотчуждаемых прав и свобод человека, автономии личности, ограничения государственного вмешательства в общественную материю, рыночной экономики, разделения властей, правового государства. В этом отношении либерализм следует причислять к правому политическому спектру. К правым идеологиям надлежит приписывать и традиционный консерватизм, который предполагал критическое отношение к реформистским преобразованиям и отставил вневременную значимость традиционных институтов — религии, семьи, сильного государства, предпочтительно — с монархической формой правления. Однако подобные характеристики впадают в явное противоречие с той трактовкой консерватизма и либерализма, которая к настоящему моменту закрепились, к примеру, в американской политологии. Так, теоретик либертарианства Дэвид Боуз утверждает, что «либералы, как правило, выступают за усиление вмешательства государства в экономическую жизнь... и уменьшение вмешательства государства в свободу слова и личных решений ... консерваторы, как правило, выступают за уменьшение вмешательства государства в экономическую жизнь и усиление вмешательства государства в вопросы свободы слова и личной свободы» [8, с. 31]. Нетрудно заключить, что американские «либералы» — это последователи социал-демократии, а американские «консерваторы» — это, как правило, сторонники идей классического либерализма.

В свете вышесказанного считаем, что, говоря о некоторых политических идеологиях, исследователям важно уточнять, о традиционном или о современном понимании той или иной идеологии идет речь. Для недопущения путаницы мы устанавливаем, что далее наименования политических идеологий будут предполагать их традиционную трактовку.

Предваряя обращение к непосредственной теме статьи, отметим, что выводы представленного теоретического анализа позволят нам наиболее полно осмыслить процесс межблокового противостояния ФРГ и ГДР сквозь призму идейных платформ политических партий данных государств.

Начнем с того, что в период холодной войны на территории Федеративной Республики Германии вели деятельность следующие политические партии: Партия зеленых, Социал-демократическая партия Германии (СДПГ), Свободная демократическая партия Германии (СвдП), Христианско-демократический союз Германии, Национал-демократическая партия Германии (НДПГ). В тот же период де-юре на территории Германской Демократической Республики функционировали Социалистическая единая партия Германии (СЕПГ), Христианско-демократический союз Германии (ХДСГ), Либерально-демократическая партия Германии (ЛДПГ), Национально-демократическая партия Германии (НДПГ), Демократическая крестьянская партия Германии (ДКПГ).

Партия зеленых ведет свою деятельность в Федеративной Республике Германии с 1979 г. В настоящее время данная политическая сила известна как «Союз 90». С идеологической точки зрения данную партию следует характеризовать как левоцентристскую. Сторонники Партии зеленых выступали и выступают по настоящее время за социально ориентированную рыночную экономику, финансирование социально-экологических проектов, актуализацию социального обеспечения, поддержку института семьи, развитие сельской жизни путем создания необходимой инфраструктуры. В основе идеологической платформы Партии зеленых лежали представления об одноименной политике, которые сосуществовали с пацифистскими интенциями.

Социал-демократическая партия Германии существует со второй половины XIX в. и по настоящее время. Как явствует из названия,

идейную базу партии составляет социал-демократическая политическая идеология, входящая в левоцентристский политический спектр. В основе партийной программы лежала доктрина «общества уважения», которая означала признание государством граждан в качестве равных, что близко идеям социального и правового государства. В сфере социальной политики СДПГ выступала за увеличение минимального размера заработной платы с тем, чтобы каждый гражданин имел возможность обеспечивать себя всеми необходимыми благами исключительно за счет полученных средств от трудовой деятельности; базовую защиту детей и создание равных возможностей для реализации детьми и молодыми людьми своих способностей; совершенствование системы здравоохранения; жилищное субсидирование и сокращение затрат домохозяйств на оплату жилья. Экологическая повестка СДПГ перекликалась с идейными установками Партии зеленых: переход к климатической нейтральности за счет использования возобновляемых источников энергии, увеличение финансирования климатических исследований.

Свободная демократическая партия Германии, в отличие от Партии зеленых и Социал-демократической партии Германии, относилась к правому политическому блоку, поскольку в основе ее программы лежала классическая либеральная политическая идеология. Экономическую основу идейной платформы СвдП составляла социально ориентированная рыночная экономика, что, однако, не являлось социал-демократической интенцией, а, скорее, выступало ответом на общемировую значимость идеи социального государства. Как и все либералы, последователи СвдП отстаивали необходимость сокращения государственно-регуляторного вмешательства в экономику и упрощения законодательства в части, касающейся экономической деятельности. Внутренняя политика должна дистанцироваться от использования излишних мер контроля над населением, а к использованию вооруженных сил немецкие либералы относились критически.

Христианско-демократический союз Германии, возникший практически сразу после краха гитлеризма, в период холодной войны являлся правой консервативной политической партией. Экономическую платформу немецких консерваторов составляли антимонопольное регулирование, поддержка среднего класса,

усиление контроля над добывающей промышленностью. При этом в идейном отношении ХДС, как и другие ранее упомянутые партии, находится под влиянием идеи социального государства. Экономическая конкуренция и свобода предпринимательской деятельности, как следовало из партийной программы, должны были ограничиваться требованиями социальной ответственности, справедливости и солидарности. Важно отметить, что именно христианские демократы явственно выражали мнение о безусловной принадлежности ФРГ к военно-политическому блоку НАТО, который во главе с Соединенными Штатами Америки противостоял странам Организации Варшавского Договора (социалистическому лагерю), и в первую очередь — Советскому Союзу.

Несмотря на победу стран антигитлеровской коалиции над Третьим рейхом, в ФРГ в период холодной войны вела деятельность ультраправая Национал-демократическая партия Германии, которая существует по настоящее время, хотя и не пользуется поддержкой среди населения. Немецких национал-демократов нередко характеризовали как неонацистов, а их идеи перекликались с национал-социализмом — идейной основой Национал-социалистической немецкой рабочей партии (НСДАП). В основе идеологии Национал-демократической партии Германии лежали немецкий национализм в сочетании с пангерманизмом, антисемитизмом и реваншизмом.

В Германской Демократической Республике, несмотря на видимую многопартийность, нормативно было закреплено доминирование левой Социалистической единой партии Германии, которая являлась носителем коммунистической идеологии на базе марксистско-ленинской парадигмы. Фактически правящая партия ГДР, которая находилась под значительным влиянием Коммунистической партии Советского Союза, копировала идейную платформу последней. В отличие от китайских и кубинских коммунистов, немецкие единичники из ГДР не создали своей специфической левой идеологии, которая отражала бы национальные особенности имплементации марксизма на части территории Германии.

Христианско-демократический союз Германии отстаивал правые консервативные ценности, Либерально-демократическая партия Германии — праволиберальные идеи, в основе

идеологического фундамента Демократической крестьянской партии Германии лежали умеренно-консервативные интенции с формальным упором на крестьянский электорат. Примечательно, что в ГДР, как и в ФРГ, существовала Национально-демократическая партия, которая хотя и являлась консервативной и националистической, но не доходила до ультраправых неонацистских идей, что имело место в партии-близнеце из ФРГ. При этом важно понимать, что идеологические различия четырех представленных политических сил ФРГ, в сущности, ничего не означают, так как в условиях монополизации политической власти в руках СЕПП остальные политические партии имели «декоративный» характер.

Учитывая все вышесказанное, можно сделать следующие выводы. В период холодной войны на территории Федеративной Республики Германии были представлены политические партии, идейные платформы которых можно расположить на политическом спектре от ультраправых до левоцентристских. Доминирующее положение занимали социал-демократическая идеология, а также концепция «зеленой политики». Потому говорить о том, что Федеративная Республика Германии являлась «буржуазным» государством, не приходится. Данный ярлык был удобен советской пропаганде для противопоставления ФРГ и ГДР в контексте противостояния двух сверхдержав — СССР и США, хотя фактически доминировавшая в ФРГ социал-демократия не тождественна буржуазной (либеральной) политической идеологии. Формально существовавшие на территории Германской Демократической Республики политические партии по политическому спектру смещались влево, исключая ультраправые идеи, но закрепляя левую коммунистическую идеологию, которая не обрела популярности среди западных немцев ввиду принадлежности их государства к так называемому «капиталистическому» лагерю. Соответственно, именно коммунистическая идеология выполняла для восточных немцев функции политической и мировоззренческой ориентации, мобилизации, интеграции, амортизации и сепарации. При этом общими идейными течениями как для западных, так и для восточных немцев являлись христианская демократия и немецкий национализм, хотя де-факто данные взгляды в ГДР не реализовывались в ходе практической политики.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Мухаев Р. Т. Политология. М.: Проспект; 2015. 640 с.
2. Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М.: ОНИКС. Мир и Образование; 2009. 736 с.
3. Гаджиев Г. С. Политология. М.: Университетская книга; 2020. 432 с.
4. Маркс К., Энгельс Ф. Сочинения. Изд. 2-е. В 50 томах. Том 1. М.: Государственное издательство политической литературы; 1955. 699 с.
5. Дарвин Ч. Происхождение видов. М.: Государственное издательство сельскохозяйственной литературы; 1952. 483 с.
6. Лебон Г. Психология народов и масс. М.: АСТ; 2017. 384 с.
7. Розенталь М., Юдин П. Краткий философский словарь. М.: Государственное издательство политической литературы; 1954. 704 с.
8. Боуз Д. Либертарианство: история, принципы, политика. Пер. с англ. Челябинск: Социум; 2014. 408 с.

REFERENCES

1. Mukhaev R. T. Political Science. Moscow: Prospect; 2015. 640 p. (In Russ.).
2. Ozhegov S. I. Explanatory dictionary of the Russian language. Moscow: ONYX. Peace and Education; 2009. 736 p. (In Russ.).
3. Gadzhiev G. S. Political Science. Moscow: University Book; 2020. 432 p. (In Russ.).
4. Marx K., Engels F. Essays. 2nd ed. in 50 vol. Vol. 1. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1955. 699 p. (In Russ.).
5. Darwin Ch. The origin of species. Moscow: State Publishing House of Agricultural Literature; 1952. 483 p. (In Russ.).
6. Lebon G. Psychology of peoples and masses. Moscow: AST; 2017. 384 p. (In Russ.).
7. Rosenthal M., Yudin P. Concise Philosophical Dictionary. Moscow: State Publishing House of Political Literature; 1954. 704 p. (In Russ.).
8. Bose D. Libertarianism: History, principles, politics. Transl. from Eng. Chelyabinsk: Socium; 2014. 408 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Вадим Владиславович Зубов — кандидат исторических наук, доцент департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Vadim V. Zubov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of political science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-6446-3221>

zubov305@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 08.04.2022; принята к публикации 10.05.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 08.04.2022; accepted for publication on 10.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-27-35
УДК 329(045)

Особенности партийного строительства в Российской империи в конце XIX – начале XX века

А. С. Кисляков, Е. А. Кашин, А. И. Кучиева
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье проведен анализ основных факторов, которые оказали влияние на формирование политических партий в Российской империи, определены условия и особенности политической жизни, при которых происходило их зарождение, прослежена динамика общественно-политической мысли на рубеже XIX–XX вв. Представлен обзор основной литературы, посвященной истории политических партий на разных этапах развития общественных наук. На основе использования общеисторических и специальных исторических методов авторы анализируют, каким образом внутренняя политика царской администрации стимулировала становление и развитие политических взглядов отдельных слоев населения, а также партий различного спектра: консервативных, либеральных и социалистических. Результатом исследования стало выявление трех основных особенностей процесса партийного строительства в России, истоки которых лежали в особенностях ее экономического, социального и политического развития в указанный исторический период.

Ключевые слова: партийное строительство; политические партии; Российская империя; особенности партотенеза; общественно-политическая мысль; национальные окраины; культурно-политическая общность; политические взгляды

Для цитирования: Кисляков А.С., Кашин Е.А., Кучиева А.И. Особенности партийного строительства в Российской империи в конце XIX – начале XX века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):27-35. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-27-35

ORIGINAL PAPER

Features of Party Genesis in the Russian Empire Late 19th – Early 20th Centuries

A.S. Kislyakov, E.A. Kashin, A.I. Kuchieva
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes the primary factors that influenced the formation of political parties in the Russian Empire, determines the conditions and features of political life under which they were born, traces the dynamics of socio-political thought at the turn of the 19th-20th centuries. The research presents a review of the major literature on the history of political parties at different stages of the development of social sciences. Based on the use of general historical and special historical methods, the authors analyze how the internal policy of the tsarist administration stimulated the formation and development of political views of certain segments of the population, as well as parties of a different spectrum: conservative, liberal and socialist. The study's result has become the identification of three key features of the process of party genesis in Russia, the origins of which lay in the features of its economic, social and political development in the specified historical period.

Keywords: party genesis; political parties; Russian empire; features of party genesis; socio-political thought; national outskirts; cultural and political community; political views

For citation: Kislyakov A.S., Kashin E.A., Kuchieva A.I. Features of party genesis in the Russian Empire late 19th – early 20th centuries. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):27-35. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-27-35

ВВЕДЕНИЕ

Политическая жизнь нашей страны на протяжении последних 150 лет сопровождалась активным партийным строительством. В текущих условиях она включает в себя достаточно развитый механизм учета мнения различных социальных групп и реализации их интересов на федеральном, региональном и муниципальном уровне. Современный этап развития процессов партотгенеза требует постоянного обращения к опыту прошлых лет, поскольку позволяет одновременно учесть разнообразные факторы, которые способствовали устойчивости политических партий, и трансформирующие воздействия. В этой связи анализ особенностей партийного строительства в Российской империи на рубеже XIX–XX вв., когда только зарождались все основные процессы в данной сфере, представляется нам особенно ценным.

ОБЗОР ЛИТЕРАТУРЫ

Сразу отметим, что научная литература, посвященная истории партотгенеза в России, которая начала формироваться еще в конце XIX в., достаточно обширная и насчитывает не одну сотню томов. Данную литературу можно условно разделить на три основные группы: исследования дореволюционного, советского и современного периодов. К работам первой группы относятся труды известных политических деятелей начала XX в.: М.М. Винавера [1], Н.А. Гредескула [2], А.С. Изгоева [3], П.Н. Милюкова [4], В.Д. Набокова [5], И.И. Петрункевича [6], Г.В. Плеханова [7], В.М. Пуришкевича [8] и П.Б. Струве [9]. Одного взгляда на фамилии данных авторов достаточно, чтобы оценить высокую степень сопричастности исследователей к происходившим событиям.

В советской историографии традиционно изучались партии социал-демократической ориентации. Однако уже в конце 60-х — первой половине 70-х гг. такие исследователи, как К.В. Гусев [10], В.В. Комин [11], Н.В. Рубан [12], А.Г. Слонимский [13], Л.М. Спирин [14], сделали упор на изучение истории так называемых «мелкобуржуазных партий». Процесс этот продолжился в 1980-е гг. и нашел отражение в фундаментальных трудах А.Я. Авреха [15], Н.Г. Думовой [16], Г.З. Иоффе [17], А.И. Соколова [18] и В.В. Шелохаева [19].

На современном этапе историография российского партотгенеза на рубеже XIX–XX вв. дополнилась исследованиями по истории октябристов и кадетов в трудах А.В. Репникова [20], Ф.А. Се-

лезнева [21], В.А. Кустова [22] и Е.В. Шандулина [23]. Исследователи обращали свое внимание и на партии других политических спектров — от анархистов до монархистов.

Значительный исследовательский массив, казалось бы, не оставляет поля для дальнейших исследований. Однако большинство названных работ концентрируется преимущественно на общеисторическом контексте, в них анализируются программные установки, борьба за власть и способы ее достижения, деятельность отдельных политических лидеров, межпартийное сотрудничество и противостояние. При этом вопросы, связанные с исследованием политических, социальных и экономических особенностей партийного строительства в Российской империи рубежа XIX–XX вв., не получили пока широкого отражения в отечественной литературе либо являются составными элементами более обширного научного анализа.

Именно поэтому целью нашего исследования является анализ особенностей основных факторов становления и развития политических партий Российской империи в конце XIX — начале XX в. Для этого необходимо выявить различные факторы, которые оказали наибольшее влияние на становление политических партий в России в указанное время, а также проследить их эволюцию и определить степень влияния на дальнейшее развитие партотгенеза.

ОСНОВНАЯ ЧАСТЬ

Основные предпосылки партийно-политического строительства были заложены либеральными реформами 1860–1870-х гг., которые проводил Александр II. При всем желании консервативных элит сохранить собственную гегемонию и монархическое устройство общества, под влиянием множества факторов в развитии России все же произошел исторический перелом в сторону капиталистической эволюции и быстрой политизации всех слоев общества. Вместе с тем сохранившиеся феодальные элементы не давали в полной мере созидательным силам индустриального развития проявить себя в политической и социальной сферах. Все это создавало почву для общественной нестабильности, недовольства среди населения и первых революционных взрывов.

Иными словами, усложнение социальной структуры общества в условиях начавшейся экономической трансформации Российской империи, а также нарастание межклассовых противоречий

можно считать первой особенностью отечественного партогенеза. Россия во второй половине XIX — начале XX в. оставалась империей с населением, разделенным по горизонтали на десятки этносов и религий, а по вертикали — на классы и сословия, статус которых устанавливался законом. Это был сложный, дифференцированный, иерархический мир со структурами и законами, которые препятствовали объединению и гомогенизации [24].

Такое положение дел привело к тому, что наиболее успешными в институциональной организации были социалистические партии. Сочетание проблемы национального освобождения с классовым конфликтом привело к активному созданию леворадикальных партий на окраинах империи. Для предпринимателей наиболее успешной стратегией являлось взаимодействие с органами власти, а не создание партии.

Так, на конец XIX в. можно наблюдать формирование следующих национальных партий:

- Всеобщий еврейский рабочий союз Литвы, Польши и России.
- Армянская социал-демократическая партия «Гнчак» («Колокол»), созданная студентами (выходцами из Русской Армении) в Женеве.
- Армянский революционный союз «Дашнакцутюн» («Союз»), основателями которого были С. Заварьян и С. Зорьян в Тифлисе.
- Литовская социал-демократическая партия (ЛСДП), создателями которой являлись А. Домашевич и А. Моравский. Позже, в 1896 г., эта партия раскололась и на ее базе образовался Рабочий Союз Литвы, который возглавил С.С. Трусевич.
- Польская социалистическая партия (ППС).
- Революционная украинская партия (РУП), образованная в Харькове и позднее расколовшаяся на украинскую партию «Спилка» и Украинскую народную партию Н. Михновского.
- Финская партия.

Другим важным фактором становления политических партий в России являлась структура власти, которую стоит рассматривать как на уровне системы местного самоуправления, так и в рамках органов центрального управления.

Говоря об органах центрального управления, необходимо отметить, что самодержавие монополизировало политическую жизнь в своих руках. Политическими партиями до середины XIX в. именовались различные дворянские группировки. Именно синонимичностью политической

и государственной жизни обусловлен высокий уровень политизированности отечественной художественной литературы в данный период. Интеллигенция, не имея возможности без репрессий со стороны царской администрации открыто выражать свои политические взгляды, находила в литературе творческий способ влиять на общественное мнение империи.

Основные предпосылки партийно-политического строительства были заложены либеральными реформами 1860–1870-х гг., которые проводил Александр II. При всем желании консервативных элит сохранить собственную гегемонию и монархическое устройство общества, под влиянием множества факторов в развитии России все же произошел исторический перелом в сторону капиталистической эволюции и быстрой политизации всех слоев общества.

Здесь следует отметить смену политики правителей, произошедшую во второй половине XIX — начале XX в., с либеральной на консервативную. Особое внимание необходимо уделить рассмотрению «Правил о порядке приведения в действие “Положения о земских учреждениях”»¹, которые были утверждены 25 мая 1864 г., где описывались местные полномочия и давалась характеристика земскому избирательному праву. Правилами также устанавливалась куральная система, имеющая определенную практику применения и ранее (к примеру, при созыве Земского собора или в процессе формирования органов городского самоуправления). Согласно новым требованиям земские депутаты должны были избираться от трех курий, к числу которых относились:

¹ Положение о губернских и уездных земских учреждениях от 1 января 1864 года. ПСЗ Российской империи. Собрание. Отд. I. Т. 39. № 40457.

- землевладельцы;
- городские сообщества;
- сельские депутаты.

Отдельно подчеркнем, что право голоса было только у мужчин старше 25 лет, а сами выборы происходили на съездах отдельных курий. То есть речь идет о том, что власть стремилась вовлечь в политические и социально-экономические процессы различные категории провинциального населения [25].

К сожалению, данный прорыв был существенно ограничен в результате проведенных Александром III контрреформ, а именно: утверждения в 1890 г. нового положения о земствах², а в 1892 г. — о городах³. В результате данных нововведений существенно сократилось количество жителей, которые имели право избирать и быть избранными в земские и городские органы власти при одновременном расширении избирательных прав дворянства на селе и в городе [26].

Начало XX в. принесло, пожалуй, наиболее существенные плоды в плане формирования правого поля для процесса партийного строительства. Связано это было с принятием Манифеста от 17 октября 1905 г.⁴ Он дал правовую возможность организовывать легальные политические партии и профессиональные союзы, кроме тех, что придерживались радикальной ориентации. Это сформировало почву для образования все-российских партий, которые участвовали в выборах в Государственную Думу и представляли интересы разных социальных и этнических групп.

Таким образом, благодаря принятию данного Манифеста, 17 октября 1905 г. были заложены (на последующие 12 лет) методологические основы действий органов власти по отношению к партиям, которые были впервые официально признаны. Суть данных методологических основ можно описать следующей фразой: любая оппозиция не является желательным или допустимым явлением, но, если она появится, для нее необходимо установить «правила игры», имея при этом возможность изменять их в случае перемены соотношения сил.

И все же политические реформы 1905 г. гарантировали населению страны незыблемые основы гражданской свободы на основе неприкосновенности личности, свободы совести, слова, собраний и союзов, предоставляли избирательное право тем классам, у которых его раньше не было, ограничивали власть абсолютной монархии. Так, в начале XX в. в России появились элементы буржуазно-индустриальной государственности и конституционализма: выборные органы местного самоуправления, общероссийские партии; существенно ускорилось развитие процесса самоорганизации населения.

Общество в целом и политические партии в частности получили новые каналы для выражения своих политических требований, что привело к постепенному снижению накала борьбы между царским правительством и радикальными партиями. Если раньше либеральные партии часто поддерживали деятельность боевых организаций не только на словах, но и осуществляли организационно-финансовую помощь, то после 1905 г. большая их часть считала целесообразным вступать в конструктивное сотрудничество с правительством и четко отмежеваться от левых.

Тем не менее они не смогли прочно влиться в российскую действительность до наступления нового кризиса — Первой мировой войны. Также важно отметить, что происходил отход царской политики от имперского принципа, который на деле означает принцип субсидиарности, в сторону национального государства, что, естественно, вызвало волну негодований в многонациональном обществе Российской империи.

Несмотря на то что реформы были вынужденными и носили декларативный характер, они привели к всплеску национального самосознания, росту числа политических партий и национальных движений. Однако даже в этих условиях царское правительство не собиралось отказываться от принципа «единой и неделимой России» и пыталось уравнивать в правах русский и другие народы империи. Несмотря на провозглашение свободы вероисповедания, Русская православная церковь сохранила привилегированное положение, и принадлежность к данной конфессии по-прежнему была показателем лояльности к власти и государству.

На партии данная реформа оказала двойственное влияние. С одной стороны, легализуя институт партий, самодержавие со временем было вынуждено создавать свои собственные

² Высочайше утвержденное 12 июня 1890 г. Положение о губернских и уездных земских учреждениях. ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. 10. № 6922.

³ Городовое положение 11 июля 1892. ПСЗ Российской империи. Собр. III. Т. 12. № 8708.

⁴ Высочайший Манифест от 17 октября 1905 года «Об усовершенствовании государственного порядка». ПСЗ Российской империи. СПб., 1905. Собр. III. Т. 25. № 26803.

партийные организации. Ранее в таких действиях не было необходимости — царская бюрократия полностью контролировала политическую жизнь огромной многонациональной страны. Некоторое время на статус «правительственной партии» претендовали октябристы, однако из-за непоследовательной политики Николая II данный союз просуществовал довольно короткое время. В то же время роль партий оставалась весьма ограниченной — в отличие от западных стран, в России они не получили возможности формировать состав правительства, а значит, целиком отвечать за политику государства. Коалиция либеральных партий (в качестве «младших партнеров») с самодержавием приводила к расколам, утрате социальной базы, а в наиболее критических случаях — и полному прекращению деятельности партии.

Следующим важным фактором, оказавшим влияние на партийное строительство в России на рубеже XIX–XX вв., была проводимая властью политика культурной и социальной ассимиляции. В более широком смысле данную политику часто называют национальной, однако этот термин не совсем корректен для исследуемого времени, так как преимущественно она строилась на конфессиональной основе. Более того, с точки зрения интересов государства ее основная задача состояла в унификации системы управления огромной многонациональной империей, отдельные части которой имели собственные исторически сложившиеся модели.

Россия и в начале XX в. оставалась империей с населением, разделенным по горизонтали на десятки этносов и религий, а по вертикали — на классы и сословия, статус которых устанавливался законом. Это был сложный, дифференцированный, иерархический режим со структурами и законами, которые препятствовали объединению и гомогенизации.

Несмотря на обширные модернизационные процессы во всех сферах жизни, изменения в национальной политике носили реакционный характер и характеризовались активной атакой на привилегии немецкой знати в странах Балтии и финской автономии. При осуществлении некоторого ослабления конфессиональной политики в отношении ислама и буддизма, православие оставалось доминирующей религией, а государство оказывало сильное давление на Католическую и Армянскую церкви с целью подавления исходящих от них центробежных импульсов.

Один из наиболее ярких примеров проведения политики унификации — курс на постепенную ликвидацию элементов особого положения Царства Польского [27]. Данный курс был принят за основу после восстания 1863 г. и выражался в целом ряде конкретных политических действий. Прежде всего, вследствие подавления восстания этот регион в правительственных документах стали называть Привислинским краем. Далее было проведено упразднение элементов национальной автономии, когда высшие должностные лица из числа католиков заменялись на православных, польский язык в судопроизводстве был заменен на русский, вся юстиция также была переведена на русский лад. Так власть взяла курс на формирование в данном регионе «совершенно благонадежных чиновников русского происхождения» [28].

В связи с проведением политики Александра II по уменьшению автономии в Польше революционные настроения в Варшаве только усилились. Местное население восприняло данные шаги как угрозу их национальной и культурной идентичности. В результате мы можем говорить о том, что данный фактор непосредственно повлиял на формирование подпольных студенческих радикальных кружков, а позднее — на образование первых национальных политических партий.

Немного другая ситуация сложилась в Малороссии, так как здесь весомое значение играло усиление пропаганды так называемой «украинской идеологии», которая активно поддерживалась Австро-Венгрией. В середине 1870-х гг. особое совещание по делу «украинофильской пропаганды» постановило, что единство русских, украинцев, белорусов является неразрывным и единым с Россией «великим политическим телом»⁵. Ответом на украинофильскую пропаганду стало всего лишь запрещение печатать книги духовно-нравственного содержания на украинском диалекте. Столь незначительная реакция была вызвана тем, что население Малороссии в большей степени агрессивно относилось к «украинским» агитаторам, и впоследствии данный фактор не позволил значительно дестабилизировать общество [29].

Основной причиной политики унификации в Прибалтике было то обстоятельство, что прави-

⁵ Журнал Особого совещания по делу об украинофильской пропаганде. В кн.: Дякин В. С. Ук. соч. Решения Совещания были утверждены Александром II 18 мая 1876 г.

тельственные круги царской России отрицательно относились к возможной ориентации на Германию проживающих здесь остзейцев. В данном контексте важно, что руководство нашей страны было обеспокоено возникающей вероятностью того, что местным остзейским немцам удастся с помощью онемечивания эстонцев и латышей стать в Прибалтике этническим большинством. В 1877 г. действие общероссийского «Городового положения» 1870 г. было распространено на прибалтийские губернии, и таким образом были упразднены прежние сословные магистраты, где доминировали немцы. Более того, при выборах в органы городского самоуправления вводился имущественный ценз, который открывал возможность участвовать в выборах не только этническим немцам.

С приходом к власти Александра III проводимая по отношению к остзейцам политика стала особенно настойчивой: Александр стал первым из российских правителей, кто при вступлении на царствование не подтвердил привилегии прибалтийской знати. Но, с другой стороны, проведенные царским правительством реформы подорвали средневековый сословный уклад и способствовали модернизации общества, а в совокупности — появлению политических партий, которые отстаивали различные политические интересы.

Политика унификации в Великом княжестве Финляндском началась с момента назначения в 1898 г. Н. И. Бобрикова на должность генерал-губернатора⁶. Однако данная политика существенно осложнялась тем, что начиная с 1809 г., когда Финляндия вошла в состав Российской империи, власти методично поддерживали здесь финноязычные политические элементы, которые противопоставлялись шведам и их экономической и политической гегемонии [30].

В правовом поле политика унификации выразилась в Февральском манифесте 1899 г., где Николай II утверждал авторитет государства в любых вопросах, которые можно было рассматривать как «входящие в сферу действия общего законодательства империи». Принятие манифеста привело к тому, что назначенный императором правитель Финляндии мог издавать законы уже без согласования их с сеймом.

⁶ Высочайше утвержденные «О Всемилодившем назначении генерал-адъютанта, генерала от инфантерии Николая Ивановича Бобрикова Финляндским генерал-губернатором и командующим войсками финляндского военного округа». ПСЗ Российской империи. СПб.; 1898. Собр. III. Т. 19. № 15895. С. 872–873.

ВЫВОДЫ

Подводя итог, отметим, что факторы, формирующие особенности процесса партийного строительства в Российской империи в конце XIX — начале XX в., были связаны с экономическими, социальными и внутривластными событиями. Прежде всего, стоит учитывать стремительное экономическое развитие во второй половине XIX в., а также индустриализацию первой промышленной революции, которая приводила к усложнению социальной структуры общества, а следовательно, к нарастанию межклассовых противоречий. Несомненную роль играла существовавшая структура власти, выражавшаяся в значительном влиянии фигуры монарха и приближенных ему лиц на внутривластное развитие.

Как результат, мы можем наблюдать постоянную смену основной парадигмы развития страны: от либерализации всех основных сфер жизни к консервированию ее устоев с последующими попытками сформировать правовую основу политической жизни. Данные процессы не позволяли выстраивать долгосрочную стратегию действий ни одному политическому классу и приводили к радикализации ее отдельных элементов.

Наконец, проводимая властью политика культурной и социальной ассимиляции в целях унификации системы управления в различных частях империи, которая особенно явно проявилась в конце XIX — начале XX в., дополнительно содействовала процессу партгогенеза. В итоге, именно на окраинах Российской империи были сформированы первые политические партии, которые в дальнейшем оказали влияние на формирование идеологии и методов борьбы общероссийских политических партий.

Процесс культурной унификации был естественен для большинства европейских великих держав, но эти страны не являлись многонациональными. Строительство национальной империи в Европе проходило гораздо раньше. Франция является ярким примером, когда жесткие методы национальной и языковой унификации приводили к усилению народного единства и укреплению власти. Были исключения, такие как Австро-Венгрия и Российская империя, которые имели значительную дифференциацию населения по конфессиональному и национальному признаку. Сильное территориальное влияние «инородцев» не позволяло проводить эффективную политику усиления аппарата русской бюрократии.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Винавер М.М. История выборгского воззвания (Воспоминания). Петроград: Партия народной свободы; 1917. 48 с.
2. Гредескул Н.А. Россия и её народы: Великая Россия как программа разрешения национального вопроса в России. Петроград: Изд-во. Попова; 1916. 79 с.
3. Изгоев А.С. Русское общество и революция. М.: Изд. журнала «Русская мысль»; 1910. 278 с.
4. Милюков П.Н. Год борьбы. Публицистическая хроника 1905–1906. СПб.: Тип. товарищества «Общественная польза»; 1907. 584 с.
5. Набоков В.Д. Временное правительство. М.: Т-во Мир; 1924. 132 с.
6. Петрункевич И.И. Из записок общественного деятеля: Воспоминания. Архив русской революции, изданный И.В. Гессеном. М.: Терра; 1991.
7. Плеханов Г.В. Очерки по истории русской общественной мысли XIX века. Петроград: Рабочее кооперативное издательство «Прибой»; 1923. 311 с.
8. Пуришкевич В.М. Дневник члена Государственной Думы Владимира Митрофановича Пуришкевича. Рига: Изд. Nat. reclama; 1924. 146 с.
9. Струве П.Б. Дневник политика (1925–1935). М.: Изд-во. Русский путь; 2004. 872 с.
10. Гусев К.В. Крах мелкобуржуазных партий в СССР. М.: Знание; 1966. 64 с.
11. Комин В.В. Банкротство буржуазных и мелкобуржуазных партий в период подготовки и победы Великой Октябрьской социалистической революции. М.: Изд-во. Московский рабочий; 1965. 644 с.
12. Рубан Н.В. Октябрьская революция и крах меньшевизма. М.: Издательство политической литературы; 1968. 403 с.
13. Слонимский А.Г. Катастрофа русского либерализма: Прогрессивный блок накануне и во время Февральской революции 1917. Душанбе: Ирфон; 1975. 320 с.
14. Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России (начало XX в. — 1920 г.). М.: Изд. Мысль; 1977. 366 с.
15. Аврех А.Я. Распад третьеиюньской системы. М.: Изд-во. Наука; 1985. 259 с.
16. Думовая Н.Г. Кадетская контрреволюция и ее разгром. М.: Изд-во. Наука; 1982. 416 с.
17. Иоффе Г.З. «Белое дело». Генерал Корнилов. М.: Изд-во. Наука; 1989. 292 с.
18. Соколов А.И. Борьба большевиков Сибири против оппортунизма в 1907 — феврале 1917 г. Автореф. дис. на соиск. учен. степ. канд. ист. наук. Иркутск: Иркут. гос. ун-т им. А.А. Жданова.; 1986. 25 с.
19. Шелохаев В.В. Партия октябристов в период первой российской революции. М.: Изд. Наука; 1987. 157 с.
20. Репников А.В. Консервативные представления о переустройстве России (конец XIX — начало XX века). М.: Изд-во. Готика; 2006. 424 с.
21. Селезнев Ф.А. Конституционно-демократическая партия в 1905–1917 гг.: экономическая программа и отношения с буржуазией. Саарбрюккен: Lambert Academic Publishing; 2012. 440 с.
22. Кустов В.А. Конституционно-демократическая партия и внешняя политика России (1905–1920 гг.). Саратов: Изд-во. «Саратовский источник»; 2012. 268 с.
23. Шандулин Е.В. Партия «Союз 17 октября»: процесс идеологического самоопределения. Ростов-на-Дону; 2004. 218 с.
24. Суни Р.Г. Империя как таковая: Имперская Россия, «национальная» идентичность и теории империи. Государство наций: Империя и национальное строительство в эпоху Ленина и Сталина. М.: РОССПЭН; 2011.
25. Дёмин И.Ю., Шутов А.Ю. Об историческом опыте и традициях русского земства. Земская идея в истории социально-политической мысли России: *Антология*. 2014;(1):7–69.
26. Захарова Л.Г. Земская контрреформа 1890. М.: Изд-во МГУ; 1968. 179 с.
27. Кисляков А.С. Формирование национальных партий на западных окраинах Российской империи. Конец XIX — начало XX в. *Вопросы истории*. 2011;(11):135–143.
28. Дякин В.С. Национальный вопрос во внутренней политике царизма (XIX — начало XX вв.). СПб.: ЛИСС; 1998. 1000 с.
29. Катков М.Н. Совпадение интересов украинофилов с польскими интересами. URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_0050.shtml

30. Кэмпбелл Е.И. «Единая и неделимая Россия» и «Инородческий вопрос» в имперской идеологии самодержавия. Пространство власти: исторический опыт России и вызовы современности. М.: Моск. обществ. науч. фонд; 2001.

REFERENCES

1. Vinaver M.M. History of the Vyborg Appeal (Memoirs). Petrograd: People's Freedom Party; 1917. 48 p. (In Russ.).
2. Gredeskul N.A. Russia and its peoples: Great Russia as a program for resolving the national question in Russia. Petrograd: Publishing House of Popov; 1916. 79 p. (In Russ.).
3. Izgoev A.S. Russian society and revolution. Moscow: Publishing House of the journal "Russian Thought"; 1910. 278 p. (In Russ.).
4. Milyukov P.N. Year of struggle. Journalistic chronicle 1905–1906. St. Petersburg: Type of partnerships "Public benefit"; 1907. 584 p. (In Russ.).
5. Nabokov V.D. Provisional government. Moscow: Partnership Mir; 1924. 132 p. (In Russ.).
6. Petrunkevich I.I. From the notes of a public figure: Memoirs. Archive of the Russian Revolution, published by I.V. Gessen. Moscow: Terra; 1991. (In Russ.).
7. Plekhanov G.V. Essays on the history of Russian public thought of the 19th century. Petrograd: Workers' cooperative publishing house "Priboy"; 1923. 311 p. (In Russ.).
8. Purishkevich V.M. Diary of a member of the State Duma Vladimir Mitrofanovich Purishkevich. Riga: Publishing House. "Nat. Advertising"; 1924. 146 p. (In Russ.).
9. Struve P.B. Diary of a Politician (1925–1935). Moscow: Publishing House "Russian way"; 2004. 872 p. (In Russ.).
10. Gusev K.V. The collapse of the petty-bourgeois parties in the USSR. Moscow: Knowledge; 1966. 64 p. (In Russ.).
11. Komin V.V. Bankruptcy of bourgeois and petty-bourgeois parties during the period of preparation and victory of the Great October Socialist Revolution. Moscow: Publishing House. Moscow Worker; 1965. 644 p. (In Russ.).
12. Ryban H.B. The October Revolution and the collapse of Menshevism. Moscow: Publishing house of political literature; 1968. 403 p. (In Russ.).
13. Slonimsky A.G. The Catastrophe of Russian Liberalism: The Progressive Bloc on the Eve and During the February Revolution of 1917. Dushanbe: Irfon; 1975. 320 p. (In Russ.).
14. Spirin L.M. The collapse of the landlord and bourgeois parties in Russia (the beginning of the 20th century, 1920). Moscow: Publishing House "The Thought"; 1977. 366 p. (In Russ.).
15. Avrekh A. Ya. The collapse of the June 3rd system. Moscow: Publishing House "The science"; 1985. 259 p. (In Russ.).
16. Dumovaya N.G. The Kadet counter-revolution and its defeat. Moscow: Publishing House "The science"; 1982. 416 p. (In Russ.).
17. Ioffe G.3. "White business". General Kornilov. Moscow: Publishing House "The science"; 1989. 292 p. (In Russ.).
18. Sokolov A.I. The struggle of the Bolsheviks of Siberia against opportunism in 1907 — February 1917. Abstract dis. for the competition in Cand. Sci. (Hist.). Irkutsk: Irkutsk State university named. A. A. Zhdanova.; 1986. 25 p. (In Russ.).
19. Shelokhaev V.V. The Octobrist Party during the First Russian Revolution. Moscow: Publishing House "The science"; 1987. 157 p. (In Russ.).
20. Repnikov A.V. Conservative ideas about the reorganization of Russia (late 19th — early 20th centuries). Moscow: Publishing House "Gothic"; 2006. 424 p. (In Russ.).
21. Seleznev F.A. Constitutional Democratic Party in 1905–1917: economic program and relations with the bourgeoisie. Saarbrücken: Lambert Academic Publishing; 2012. 440 p. (In Russ.).
22. Kustov V.A. Constitutional Democratic Party and Russian Foreign Policy (1905–1920). Saratov: Publishing House "Saratov source"; 2012. 268 p. (In Russ.).
23. Shandulin E.V. Party "Union of October 17": The process of ideological self-determination. Rostov-on-Don; 2004. 218 p. (In Russ.).
24. Suni R.G. Empire as such: Imperial Russia, "national" identity and theories of empire. The State of Nations: Empire and Nation-Building in the Age of Lenin and Stalin. Moscow: ROSSPEN; 2011. (In Russ.).
25. Demin I. Yu., Shutov A. Yu. On the historical experience and traditions of the Russian Zemstvo. *Zemstvo idea in the history of socio-political thought in Russia: An anthology*. 2014;(1):7–69. (In Russ.).
26. Zakharova L.G. Zemstvo counter-reform 1890. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1968. 179 p. (In Russ.).

27. Kislyakov A.S. Formation of national parties on the western outskirts of the Russian Empire. Late 19th — early 20th century questions of history. 2011;(11):135–143. (In Russ.).
28. Dyakin V.S. The national question in the domestic policy of tsarism (19th — early 20th centuries). St. Petersburg: LISS; 1998. 1000 p. (In Russ.).
29. Katkov M.N. Coincidence of interests of Ukrainophiles with Polish interests. URL: http://az.lib.ru/k/katkov_m_n/text_0050.shtml. (In Russ.).
30. Campbell E.I. “United and indivisible Russia” and “Foreigner question” in the imperial ideology of autocracy. The space of power: The historical experience of Russia and the challenges of modernity. Moscow: Moscow Societies Scientific Fund; 2001. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Анатолий Сергеевич Кисляков — кандидат исторических наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anatoly S. Kislyakov — Cand. Sci. (Hist.), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-9650-5764>

askislyakov@fa.ru

Егор Алексеевич Кашин — студент факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Egor A. Kashin — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7752-4628>

egork136@yandex.ru

Алина Исмаиловна Кучиева — студентка факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alina I. Kuchieva — student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-2123-5717>

kuchieva.lina@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

А.С. Кисляков — постановка проблемы, разработка общей концепции исследования, описание результатов, формирование выводов исследования.

Е.А. Кашин — описание результатов.

А.И. Кучиева — критический анализ литературы.

Authors' declared contributions:

A.S. Kislyakov — statement of the problem, development of the concept.

E.A. Kashin — literature critical analysis, results description.

A.I. Kuchieva— description of the results and formation of the conclusions of the study.

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare

Статья поступила 19.05.2022; принята к публикации 15.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2022; accepted for publication on 15.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-36-44
УДК 008:304.4(045)

Философские концепции Айн Рэнд как основа дискурса радикальной оппозиции в Российской Федерации

П. С. Селезнев, А. Д. Крамер
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье исследуется специфика использования философских концепций Айн Рэнд в качестве основы политического дискурса радикальной оппозицией РФ в контексте ее политических целей и особенностей восприятия целевой аудитории. В исследовании применены дескриптивный, структурный и сравнительный анализы. Авторы раскрывают предпосылки синтеза элементов либерализма и объективизма в дискурсе оппозиции и дисперсии его результатов среди массовой протестной аудитории.

Ключевые слова: Айн Рэнд; объективизм; философия; дискурс; радикальная оппозиция

Для цитирования: Селезнев П.С., Крамер А.Д. Философские концепции Айн Рэнд как основа дискурса радикальной оппозиции в Российской Федерации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):36-44. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-36-44

ORIGINAL PAPER

Ayn Rand's Philosophical Concepts as the Basis of the Radical Opposition Discourse in the Russian Federation

P.S. Seleznev, A.D. Kramer
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper examines the specifics of using the philosophical concepts of Ayn Rand as the basis of political discourse by the radical opposition of the Russian Federation in its political goals and perceptions of the target audience. The study used descriptive, structural and comparative analyses. The authors reveal the prerequisites for the synthesis of elements of liberalism and objectivism in the opposition's discourse and the dispersion of its results among the mass protest audience.

Keywords: Ayn Rand; objectivism; philosophy; discourse; radical opposition

For citation: Seleznev P.S., Kramer A.D. Ayn Rand's philosophical concepts as the basis of the radical opposition discourse in the Russian Federation. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):36-44. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-36-44

ВВЕДЕНИЕ

Идеи Айн Рэнд остаются востребованными среди представителей неконвенциональной оппозиции в России. К.А. Собчак настаивала на необходимости включения романа «Атлант расправил плечи» в школьную программу по литературе. Ю.Л. Латынина в интервью заявляла о том, что ее воззрения полностью совпадают с идеями Айн Рэнд. Е.А. Чичваркин¹ подарил книгу философа Д.А. Медведеву

на день рождения (вручение состоялось до эмиграции бизнесмена). О своей лояльности философской концепции Айн Рэнд заявляли также А.Н. Илларионов и В.И. Новодворская. Модель взаимодействия государства и бизнеса, описанную в романе «Атлант расправил плечи», публично поддержал А.А. Навальный. Вполне закономерно, что соответствующие идеи находят отражение в их публичном дискурсе. Поэтому перед экспертным сообществом стоит ряд сложных вопросов. Философские концепции Айн Рэнд включают в себя четко выраженный отпечаток

¹ Выполняет функции иноагента.

социал-дарвинизма и носят элитистский характер. За счет этого они напрямую противоречат многим базовым постулатам либерализма и либертарианства. Однако это не препятствует росту их популярности среди носителей соответствующих идеологий, активно поддерживающих оппозицию [1, с. 12].

Очевидным является и другое противоречие. Конечной целью радикальной несистемной оппозиции, так или иначе, является захват политической власти. Последнее предполагает необходимость обеспечения хотя бы кратковременной поддержки со стороны широких масс населения. Последнее необходимо как в рамках использования законных механизмов обретения власти (т.е. достижения победы в рамках электоральных процедур), так и в контексте легитимации власти, приобретенной в ходе госпереворота. Помимо этого, получение массовой поддержки является обязательным условием обретения власти в силу необходимости формирования социальной базы политического режима в лице широких слоев населения, не заинтересованных в смене действующей власти. Однако элитистская философская концепция Айн Рэнд в целом малопригодна для решения этой задачи. Более того, формируемые ею нарративы построены на стигматизации людей, не относящихся к элитам, в силу чего соответствующая картина мира в априорном порядке вызывает отторжение у большинства представителей соответствующей макросоциальной группы и провоцирует агрессию. На практике такого рода модель философского позиционирования общества может существовать только в формате репрессивного политического режима, основанного либо на связях истеблишмента с ресурсообеспеченными внешними акторами, либо на фактической сегрегации общества при наличии у элит монополии на действенные инструменты насилия.

Обозначенные противоречия формируют цель нашего исследования — выявить специфику использования философских концепций Айн Рэнд в качестве основы политического дискурса радикальной оппозицией РФ в контексте ее политических целей и особенностей восприятия целевой аудитории.

ОБЪЕКТИВИЗМ КАК ФИЛОСОФСКАЯ КОНЦЕПЦИЯ

Основным результатом философских изысканий Айн Рэнд является концепция объективизма. В соответствии с ее базовыми положениями физическая реальность существует независимо от сознания человека, который способен познавать ее исключительно при помощи чувственного восприятия.

При этом предполагается, что познающий обладает принципиальной возможностью получить объективное знание посредством формирования дефиниций, описывающих реальность, в ключе формальной логики (за счет индукции). На основании этого концепцию Рэнд можно было бы отнести к числу материалистических, однако прочие ее элементы несут в себе четко выраженный отпечаток идеализма. Материализм предполагает условность, относительность любых оценочных категорий и соответствующих им систем координат. Последнее закономерно предполагает необходимость отказа от абсолютизации ценностей и смыслов. Последние должны рассматриваться исключительно в контексте причинно-следственных связей, с точки зрения системного подхода, как результат воздействия объективных детерминант. Однако в рамках философской концепции Айн Рэнд эти принципы нарушаются [2, с. 15].

Парадигма объективизма выстраивается вокруг разделения людей на две категории — героев-творцов, создающих материальные и культурные блага, и паразитов. Важно отметить, что данный вариант классификации членов общества построен на абсолютизации значения организаторской деятельности и в то же время — игнорировании фактора взаимозависимости между участниками процесса производства. В данном случае автор концепции отрицает то обстоятельство, что для реализации своих планов организатор должен опираться на наличие исполнителей, обладающих релевантными знаниями и навыками. Причем факт наличия последних фактически превращает условных «паразитов» в соучастников творческого процесса, что априорным образом опровергает предположение о паразитизме масс. Следует отметить и наличие иного аспекта, ставящего под сомнение обоснованность предложенной Айн Рэнд системы деления общества. Паразитизм предполагает потребление ресурсов другого организма в отсутствие позитивной обратной связи. Паразит лишь изымает ресурсы у носителя, но не предоставляет ничего взамен. Однако взаимодействие творцов и масс носит, скорее, характер симбиоза. Представители масс потребляют продукцию творцов на возмездной основе, а также выступают в качестве рабочей силы, в том числе, освобождая творцов от необходимости тратить ресурсы на обслуживание своих повседневных нужд. Большая часть материальных благ, потребляемых творцами, также напрямую производится представителями широких масс. Функционирование системы, обеспечивающей творцам возможность

реализовывать свои замыслы (сфера образования, банковская сеть, правоохранительные органы и т.д.), также невозможно при отсутствии активности масс.

Моральной целью жизни героя (которую Айн Рэнд позиционировала как единственно рациональную) является достижение собственного счастья. Также экзистенциональным признаком творца является вовлеченность в производственную деятельность, сочетающаяся с абсолютизацией рациональности и креативности. Творец, согласно данной концепции, получает блага от окружающей действительности только напрямую, без чьей-либо помощи и посредничества (последнее, как уже было отмечено выше, противоречит самой парадигме экономических отношений в любом обществе, поднявшемся выше уровня натурального хозяйства). При этом ключевым критерием успешной творческой деятельности выступает именно коммерческий успех. В конечном счете это отождествляет творца и предпринимателя, ориентируя каждого сторонника объективизма на создание собственного бизнеса. Важно отметить, что данная концепция игнорирует наличие факторов внеэкономической конкурентной борьбы (например, использование социального инструментального капитала либо криминальных методов) и естественных последствий монополизации (т.е. появления у монополиста перманентного конкурентного преимущества, позволяющего в отсутствие должного государственного контроля уничтожать или поглощать альтернативные площадки вне зависимости от качества товара, его стоимости и т.д.) [3, с. 73].

Важно отметить, что объективизм предполагает также наличие специфической формы эгоизма у творца. Последний описывается как человек, «стоящий выше необходимости использовать других» и обходящийся без них. Последнее предполагает, в том числе, отказ от дружбы, семьи и человеческих взаимоотношений в целом в качестве абсолютных ценностей. Они априори должны быть в меньшем приоритете, чем творческий труд [4, с. 365].

Объективизм Айн Рэнд выстраивается на основе стигматизации и демонизации эмпатии (способности к сопереживанию) и альтруизма. (Последнее, необходимо отметить, лишено смысла с точки зрения современной нейрофизиологии, поскольку наличие у человека зеркальных нейронных сетей автоматически программирует его на проявление сопереживания). Согласно мнению философа, единственной рациональной моделью поведения для человека является эгоизм в утрированной форме. Это подразумевает, что человек не должен тратить

свои усилия ради достижения блага другого, а также ожидать или просить помощи у окружающих. Альтруизм, в рамках данной концепции, позиционируется в качестве средства эксплуатации творца паразитами. Даже человек, жертвующий своими интересами ради блага других, выступает, по мысли Айн Рэнд, в качестве «паразита по природе», распространяющего при этом основанную на туеядстве модель поведения в обществе [5, с. 125].

Интересно отметить, что критика альтруизма объективистами выстраивается именно с позиций идеализма и с использованием соответствующего понятийного аппарата (человек не может жить ради другого человека, потому что не может поделиться своей душой) [6, с. 208].

Необходимо подчеркнуть, что в данном случае объективизм фактически выстраивается на отрицании биологических начал и потребностей человека в общении, принятии, заботе и безопасности, признании собственных достижений (фиксируемых исследователями эмпирически). При этом создательница объективизма игнорирует ряд значимых обстоятельств. Признание эгоизма как единственно правильной и рациональной модели поведения предполагает, что представители масс (т.е. условные «паразиты») должны в обязательном порядке подавлять и эксплуатировать «творцов», и их нельзя осуждать за это, поскольку такое поведение является «природосообразным».

Личные права, согласно концепции Айн Рэнд, имеют абсолютный приоритет над общественными. При этом данный принцип фактически доводится до логического завершения, т.е. подвергается абсурдизации. По мнению философа, в идеале человек должен быть лишен чувства ответственности перед обществом. Однако в качестве примера носителя этого качества Айн Рэнд в своих частных записях приводила У. Хикмана. Последний являлся грабителем, в конце своей карьеры преступника похитившим ребенка с целью выкупа. После получения денег У. Хикман отправил родителям расчлененное тело их дочери (данный эпизод приведен не с целью осуждения воззрений философа, а сугубо ради подтверждения тезиса о наличии гипертрофированных элементов в ее концепции) [7, с. 33].

Основной нравственный закон общества, по мнению Айн Рэнд, заключается в том, что человек может делать то, чего желает, но при условии, что его устремления в своей основе не зависят от других людей. В данном случае важно отметить, что философ фактически игнорирует проблемные моменты, заданные еще категорическим императивом И. Канта.

В частности, не дается разъяснений относительно ситуации, при которой личные желания и интересы нескольких людей могут вступать в противоречие. Также следует отметить, что достижение человеком состояния, при котором его устремления не зависят от других людей, возможно лишь в одном случае: если он не проходил процесс социализации, который невозможен без усвоения ценностей и смыслов, продуцируемых общественной средой [8, с. 97].

С точки зрения сторонников объективизма, идеальная политическая модель должна выстраиваться на основе уважения прав личности и построения «государства невмешательства», минимально присутствующего в жизни общества. Важно отметить, что в данном сегменте концепции Айн Рэнд существует значимая лакуна. Противопоставления «творцов» (элиты) и «паразитов» (широких масс) в совокупности с культивацией эгоизма в долгосрочной перспективе закономерно должны привести к началу крупномасштабного конфликта, в рамках которого истеблишмент будет объективно заинтересован в создании сильного государства с развитым репрессивным аппаратом [9, с. 60].

Концепция Айн Рэнд, как правило, игнорируется большинством философов или подвергается обоснованной критике. Во-первых, отмечается, что рациональность разработанной ею поведенческой и ценностной моделей не подтверждается ни на практике, ни в теории. Так, в рамках «дилеммы заключенного» объективизм предписывает обоим игрокам выбрать вариант «предательство» вместо «сотрудничество».

Напомним суть «дилеммы заключенного». Двух подозреваемых в совершении группового преступления задерживает полиция, после чего их помещают в разные камеры. В случае, если оба подозреваемых не сознаются в преступлении (т.е. выберут вариант «сотрудничество»), каждый из них получит по полгода тюрьмы по причине нехватки улик у следствия. Если каждый заключенный сознается в совершении преступления и укажет на другого как на соучастника (выберет вариант «предательство»), то они получают по два года тюрьмы (срок каждого сократят на двенадцать месяцев по причине сотрудничества со следствием). Если же сознается лишь один из них, а второй будет отрицать вину, то сознавшегося немедленно освободят. В то же время его подельника посадят в тюрьму на три года. Таким образом, оптимальным вариантом для заключенных является одновременный выбор варианта «сотрудничество». Рациональное, с точки зрения объективизма, эгоистическое поведение

двух заключенных приводит к тому, что они оба приговариваются к заключению на два года. В рамках повторяющейся «дилеммы заключенного» (где игрок получает возможность наказать подельника за сотрудничество с полицией после освобождения) стимул к «предательству» и вовсе блокируется угрозой наказания [3, с. 77].

Во-вторых, отождествление творческой деятельности и предпринимательства также не соответствует реальной практике. В большинстве случаев бизнесмены выступают в качестве организаторов производства, не занимаясь напрямую разработкой инноваций, либо управляют процессом поиска путей прикладного использования фундаментальных разработок (в сфере последних традиционно доминирует государство, способное позволить себе длительные исследования с большим сроком окупаемости или в отсутствие таковой). Даже руководители крупных технологических компаний предпочитают перекупать перспективные разработки или использовать низкий уровень защищенности авторских прав. Б. Гейтс не разрабатывал операционную систему MS-DOS, а приобрел права на нее у программиста Т. Патерсона. Графический пользовательский интерфейс не является оригинальной разработкой Apple: его скопировали с разработанного, но не запущенного в массовое производство компьютера Alto, созданного командой исследователей компании Xerox. При этом концепция Айн Рэнд фактически отказывает в праве относиться к категории творцов ученым-исследователям, которые создают технологические инновации либо развивают фундаментальную науку, но не коммерциализируют напрямую результаты исследований. Кроме того, как показывает практика, зачастую у большинства представителей бизнес-элит отсутствует долгосрочный горизонт планирования (что и обеспечивает в итоге появление на рынке инноваторов-монополистов, оперативно занимающих свободные ниши).

Модель Айн Рэнд также слабо подходит для описания поведения представителей крупного бизнеса в развивающихся экономиках. Они, как правило, предпочитают действовать в рамках «стратегии выхода». Отсутствие уверенности в собственных перспективах стимулирует бизнес-элиты не инвестировать средства в развитие инновационных производств в собственной стране, а выводить их за рубеж в форме приобретения дорогостоящих активов непромышленного профиля (элитной недвижимости, спортивных клубов и т.д.). Именно поэтому власти зачастую вынуждены прибегать

к «инновационному принуждению» бизнеса [3, с. 80; 10, с. 18].

В-третьих, утрированный индивидуализм объективистов в сочетании с «государством невмешательства» предполагает переход общества к состоянию «войны всех против всех», что не просто блокирует процесс развития материальной культуры, но и обуславливает ее регресс. При этом состояние «идеального эгоизма» противоречит как биологической природе человека, так и главным трендам в его эволюции. Успешность человека как вида обусловлена его способностью к эмпатии, дающей возможность успешной и устойчивой кооперации в рамках решения сверхзадач. Причастность к устойчивой группе налагает на человека не только обязательства, но и открывает ему доступ к коллективным ресурсам, что резко повышает его шансы на выживание. При этом эмпатия и потребность в общении как эволюционные качества тесным образом соотносятся с базовыми представлениями о справедливости, фиксируемыми даже у примитивных приматов. Понятие о справедливости в распределении благ ограничивает доступ к ним со стороны доминирующих особей, а также подталкивает участников процесса добывания благ к репрессиям в отношении членов коллектива, не участвовавших в совместной деятельности без уважительных причин, но претендующих на приобщение к ее результатам [9, с. 62].

СИНТЕЗ ЛИБЕРАЛИЗМА И ОБЪЕКТИВИЗМА

Обозначенные недостатки гипотетически должны были бы отталкивать от философского наследия Айн Рэнд россиян, декларирующих свою причастность к числу либералов. Однако на практике мы наблюдаем иное. Синтез двух идеологических моделей стал возможен благодаря уникальному сочетанию благоприятных обстоятельств.

Во-первых, в массовой культуре уже в период СССР были сформированы условия для выработки у противников существующего (советского) строя модели самоидентификации, которую можно было бы условно обозначить как «демократический элитизм».

Ее носителями выступали обладатели сложных навыков (зачастую — представители интеллигенции), претендовавшие на высокий уровень материального достатка, сопоставимый с качеством жизни в государствах Запада. В качестве первопричины отсутствия у них должного уровня жизни представители данной группы воспринимали именно существующую модель распределения материальных благ. При этом подразумевалось, что до 1917 г. социаль-

но-экономические реалии России соответствовали современной общественно-хозяйственной модели государств Европы и Северной Америки. В качестве своеобразного культурного манифеста (и образца символической политики) данной группы можно привести, например, фильм «Собачье сердце» 1988 г. Условные «советские либералы» в рамках поля символической борьбы противопоставляли себя («коллективного Преображенского») «коллективному Шарикову» (т.е. стигматизированной основной массе населения).

Эта дихотомия предполагала обоснование собственных претензий на высокий уровень жизни интеллектуальным и моральным превосходством, а также большей ролью в создании общественно полезного продукта. В то же время данная модель миропонимания подразумевала как необходимость ограничения правоспособности основной массы населения во избежание охлократии, так и детерминированность их низкого уровня жизни моральным разложением и тунеядством.

Таким образом, широкие слои населения признавались политически недееспособными. Их активное участие в политической жизни рассматривалось сторонниками условно демократических ценностей как фактор риска, что породило в итоге идею отказа от принципа всеобщего избирательного права в среде российских либералов [11, с. 15].

Во-вторых, распространению данной модели мировосприятия способствовала произошедшая во время перестройки ревизия политики памяти советских властей в отношении «мифа основания» СССР — истории Революции и Гражданской войны. Если ранее соответствующие события описывались в ключе героизации масс и демонизации элит, то после начала реформ модель позиционирования поменялась радикальным образом. И она существенным образом расходилась с пониманием роли условного «народа» в рамках классического либерализма. Народ в данном случае позиционировался в том же ключе, что и коренное население Америки, Африки и Азии в рамках концепции «бремени белого человека». Интеллигенция и элиты выступали в качестве актора-«цивилизатора», призванного донести социокультурное наследие коллективного Запада до основной массы населения. Последняя априори лишалась права на политическую и культурную субъектность в силу приписываемых ей инфантилизма и склонности к агрессии в отсутствие внешнего управляющего контура [12, с. 115].

В-третьих, следует учитывать, что значительная часть политиков-демократов рекрутировалась из

числа представителей номенклатуры, т.е. фактически элиты. При этом задача демократизации политической системы в их понимании была тесно увязана с конвертацией административного влияния в контроль за экономическими активами, т.е. укреплением своего положения в качестве представителей истеблишмента. Все это естественным образом нивелировало роль демократической составляющей либерализма и сконцентрировало их внимание на обеспечении экономических прав бизнеса. Кроме того, элитам надо было добиться легитимации результатов проведенных политических и экономических реформ, что предполагало необходимость конструирования соответствующего политического мифа. Также важно отметить, что значительная часть представителей нового истеблишмента рассматривала в качестве своей стратегической задачи не построение демократии, а предотвращение реставрации коммунистического строя. Последнее напрямую предполагало необходимость ослабления влияния на политику широких масс населения, недовольных социально-экономическими последствиями рыночных реформ [13, с. 110].

Таким образом, обстоятельства генезиса российского либерального движения способствовали тому, что его носители отказались от демократических основ данной идеологии, подменив их элитизмом. При этом данная вариация элитизма носила специфическую форму. Основная масса населения не рассматривалась носителями данной картины мира как ведомый субъект, так или иначе органически связанный с истеблишментом. Таким образом, «новый российский элитизм», сформировавшийся к концу 1990-х гг., был выстроен во многом на основе позиционирования широких масс населения как принципиально иной макросоциальной группы, обладающей прямо противоположными интересами и враждебной истеблишменту.

Приход к власти В.В. Путина существенным образом поменял политику действующей власти. Государство начало проводить социальную политику на основе принципа солидаризма, стремясь консолидировать общество. Был запущен процесс реинкорпорирования истеблишмента и широких масс населения. В этих условиях большинство либералов стали оппозиционерами (хотя степень их конфронтации с властью существенным образом варьировалась). Данные обстоятельства увеличили потребность противников действующей власти в развитии либерального элитизма. Его распространение в фундаменталистских формах позволяло

укрепить протестную идентичность и сохранить численность оппозиционеров за счет стигматизации сторонников действующей власти [14, с. 263].

Объективизм Айн Рэнд позволял эффективно решать соответствующие задачи. Оппозиционный «протестный миф» прекрасно вписывался в ее концепцию. Была произведена стигматизация сторонников В.В. Путина как «паразитов-бюджетников», живущих за счет налогов, которые платят в казну государства предприниматели. Социальную базу неконвенциональных либералов начали позиционировать как креативный (т.е. творческий) класс. При этом постулировалось моральное и интеллектуальное превосходство оппозиционеров-творцов, что обеспечивало выработку интрагруппового фаворитизма и аутигрупповой дискриминации — двух основ воспроизводства макросоциальной идентичности [14, с. 45].

Обращение к объективизму позволяло также реабилитировать политические практики реформаторов-либералов. Так, структурная деградация российской экономики по итогам реформ 1990-х гг. объяснялась тем, что слишком сильное государство препятствует развитию бизнеса, который мог бы в необремененном виде за счет собственных ресурсов модернизировать экономику России [16, с. 27].

Соответственно, синтез объективизма и либерализма стал возможен как в силу фрагментарного и элитарного восприятия последнего в российском обществе, так и по причине политической целесообразности. Обращение к гибридной форме данной политической идеологии позволило оппозиции придать ей фундаменталистские черты, сохранив протестную идентичность и обеспечив высокий уровень мотивации ее представителей за счет жесткой конфронтации с демонизируемым большинством.

ДИСПЕРСИЯ ОБЪЕКТИВИЗМА ЗА ПРЕДЕЛЫ ЭЛИТ

Элитистский характер объективизма препятствовал его популяризации в широких массах, однако оппозиционеры сумели грамотно использовать ряд обстоятельств. Во-первых, в активную политическую жизнь начали вовлекаться представители поколений, не имеющие травмирующего опыта 1990-х гг., т.е. не испытывавшие на себе негативные последствия неолиберальной экономической политики допутинского периода. В первую очередь в данном случае речь идет о жителях крупных мегаполисов — выходцев из среднего класса [17, с. 61].

Во-вторых, государство длительное время пропагандировало вовлечение молодежи в организацию

малого и среднего бизнеса. При этом соответствующая социальная реклама (как прямая, так и нативная) была достаточно эффективной и, естественно, не содержала в себе информации о сопутствующих рисках. Ее эффект усиливали как цифровизация экономики (в форме появления популярных блогеров как примера возможности легкого заработка), так и достаточно широкие масштабы распространения потогонной системы эксплуатации в реальном секторе. В итоге многие представители молодежи начали рассматривать себя как реальных или потенциальных представителей креативного класса. При этом объективные трудности при реализации соответствующих планов в рамках протестного дискурса увязывались с существующим режимом. Целевой аудитории внушался тезис о том, что смена политического руководства приведет к проведению «либертарианских» реформ в экономике, благодаря которым будет дан стимул к развитию массового предпринимательства. Низкий уровень экономической грамотности способствовал тому, что оппозиционеры не осознавали противоречий в рамках данной модели (сочетание низкого уровня регулирования конкуренции государством с ограниченностью платежеспособного спроса неизбежно привели бы к «укрупнению» бизнесов за счет вытеснения с рынка либо поглощения конкурентов) [13, с. 112].

В-третьих, представления значительной части молодых россиян об уровне экономического благосостояния и развитии предпринимательства в развитых полиархиях Запада, как правило, заимствуются из сферы зарубежной массовой культуры, для которой лишь относительно недавно стала характерна демонстрация острой социальной проблематики, связанной с переносом производств за рубеж, проблемами с выплатой студенческих кредитов, сокращением доли домохозяйств со средним достатком и т.д. В данном случае наблюдается своеобразный парадокс: в то время как американские социологи фиксируют рост симпатий к социализму и критических настроений по отношению к современной западной модели капитализма, юные россияне скорее склонны его идеализировать [15, с. 43].

Большую роль играет и распространение модели престижного потребления. Последнее превращается в главный способ позиционирования социального статуса, в силу чего материальный успех становится главным критерием оценки человека окружающими. Интеллект, трудолюбие и иные качества обретают значение лишь в контексте того, стали ли они ключом к достижению успеха [12, с. 116].

Наконец, дисперсии объективизма способствует такой просчет в культурной политике властей, как продвижение микросоциальной модели ценностей. Абсолютизация роли «малой семьи» в жизни человека, помимо позитивных последствий, влечет за собой и негативные эффекты. Человек перестает рассматривать себя в качестве части какой-либо социальной корпорации, что в целом снижает его эмпатию по отношению к окружающим. Его интересуется лишь положение ближайших родственников. Как следствие, игнорирование интересов и потребностей людей, не относящихся к числу его кровных родственников, становится нормой. Равным образом нивелируются барьеры в плане эксплуатации и использования окружающих [11, с. 17].

Таким образом, дисперсии объективизма за пределы элит способствовали изменению социальной структуры населения крупных городов (появление второго поколения массового среднего класса), увеличение численности бизнес-ориентированной молодежи, распространение престижного потребления как модели поведения, популяризация микросоциальных ценностей и партикуляризация общества, а также идеализация социально-экономических моделей государств Запада за счет активного проникновения его массовой культуры.

ВЫВОДЫ

Таким образом, использование философских концепций Айн Рэнд как первоосновы политического дискурса радикального сегмента оппозиции в России ориентировано на решение двух взаимосвязанных задач — формирование и консолидацию «активного меньшинства» в крупных городах и его расширение за счет вовлечения молодежи. С целью реализации соответствующих планов противники действующей власти широко эксплуатируют ее просчеты в молодежной и культурной политике, а также специфику мемориального режима. За счет этого «дискурс Рэнд» позволяет позиционировать представителей власти и ее сторонников как «паразитов» (что обеспечивает в том числе эффект дегуманизации), а сторонников оппозиции — как творцов. При этом представители радикальной оппозиции воспринимают идеи Айн Рэнд в качестве эмоционально насыщенного мифа (которым они в сущности и являются). Заведомо упрощенная и потому доступная для восприятия философия объективизма обеспечивает наличие у оппозиционеров позитивной, комплементарной идентичности. Представителям оппозиционных элит она позволяет легитимировать собственные действия,

статус и намерения (одновременно выполняя роль индულгенции), выходцам из «протестных низов» — формировать позитивный образ будущего и претендовать на более высокий статус, чем представители социального окружения. Все это превращает дискурс философских концепций Айн Рэнд в достаточно эффективный инструмент мотивации политических радикалов либерального толка.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Пейкофф Л. Объективизм: философия Айн Рэнд. Пер. с англ. М.: Астрель; 2012.
2. Шляпников В.В. Айн Рэнд и философия объективизма. *Психолого-педагогические проблемы безопасности человека и общества*. 2021;(3):14–17.
3. Зимбули А.Е. Чем меня озадачила книга Айн Рэнд «Добродетель эгоизма. Социальные нормы и практики». 2021;(2):69–101.
4. Григоровская А.В. Размышления об «американской мечте» в творчестве Айн Рэнд (на примере рассказа «Ее вторая карьера»). *Новый филологический вестник*. 2021;(4):363–371.
5. Заостровцев А.П., Ширяева Я.Д. Айн Рэнд: философия свободной экономики. *Вопросы теоретической экономики*. 2021;(1):121–130.
6. Мирасова К.Н. Миф об американском Адаме в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи». *Новое прошлое / The New Past*. 2021;(1):204–214.
7. Рубенко А.С. Образ Дагни Таггерт в романе Айн Рэнд «Атлант расправил плечи» через призму философии объективизма. *Актуальные исследования*. 2021;(32):32–35.
8. Бородин А.В. Влияние философии Нового времени на отношение Айн Рэнд к категории собственности. *Вестник Московского университета. Серия 7: Философия*. 2020;(3):95–102.
9. Федотов А.А. Айн Рэнд и ее творчество: еще одна попытка создания культа поклонения «золотому тельцу». *Актуальные вопросы образования и науки*. 2011;(1–2):58–66.
10. Селезнев П.С. Элиты как инициаторы инноваций в современном мире (на примере Российской Федерации). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2015;(4):13–19.
11. Селезнев П.С., Челнокова М.Л. Несистемная оппозиция в России: особенности формирования и стратегии политической активности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;(1):14–19.
12. Кузнецова Н.А., Орлинская О.М., Молокина Е.Г. Либертарианство в России и США: к вопросу о различиях. *Власть*. 2018;(9):114–116.
13. Большаков И. Несистемная оппозиция. *Свободная мысль*. 2011;(3):109–118.
14. Надскакула-Качмарчик О. Политический капитал несистемной оппозиции в России. Траектории политического развития России: институты, проекты, акторы. Материалы всероссийской научной конференции РАПН с международным участием. М.: Московский педагогический государственный университет; 2019.
15. Пахомова Е.А., Сальников М.В., Фомичев М.Н. Слабости современной российской либертарианской правовой концепции. *Правовое государство: теория и практика*. 2018;(1):43–48.
16. Челнокова М.Л. Образ российской несистемной оппозиции в Рунете: технологии формирования. *Общество: политика, экономика, право*. 2022;(3):25–30.
17. Небогатова А.А. Восприятие феномена несистемной оппозиции российской молодежью: политико-психологический анализ. *Русская политология*. 2020;(1):61–65.

REFERENCES

1. Peikoff L. Objectivism: The philosophy of Ayn Rand. Transl. from Eng. Moscow: Astrel; 2012. (In Russ.).
2. Shlyapnikov V.V. Ayn Rand and the Philosophy of Objectivism. *Psychological and pedagogical problems of human security and society*. 2021;(3):14–17. (In Russ.).
3. Zimbuli A.E. What puzzled me about Ayn Rand’s book *The Virtue of Selfishness*. *Social norms and practices*. 2021;(2):69–101. (In Russ.).
4. Grigorovskaya A.V. Reflections on the “American Dream” in the work of Ayn Rand (on the example of the story “Her Second Career”). *New Philological Bulletin*. 2021;(4):363–371. (In Russ.).
5. Zaostrovstev A.P., Shiryayeva Ya.D. Ayn Rand: Philosophy of a Free Economy. *Issues of Theoretical Economics*. 2021;(1):121–130. (In Russ.).
6. Mirasova K.N. The myth of American Adam in Ayn Rand’s novel *Atlas Shrugged*. *The New Past*. 2021;(1):204–214. (In Russ.).

7. Rubenko A.S. The image of Dagny Taggart in Ayn Rand's novel "Atlas Shrugged" through the prism of the philosophy of objectivism. *Current research*. 2021;(32):32–35. (In Russ.).
8. Borodin A.V. The influence of modern philosophy on Ayn Rand's attitude to the category of property. *Bulletin of Moscow University. Series 7: Philosophy*. 2020;(3):95–102. (In Russ.).
9. Fedotov A.A. Ayn Rand and her work: another attempt to create a cult of worship of the "golden calf". *Topical issues of education and science*. 2011;(1–2):58–66. (In Russ.).
10. Seleznev P.S. Elites as initiators of innovations in the modern world (on the example of the Russian Federation). *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2015;(4):13–19. (In Russ.).
11. Seleznev P.S., Chelnokova M.L. Non-systemic opposition in Russia: features of the formation and strategy of political activity. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;(1):14–19. (In Russ.).
12. Kuznetsova N.A., Orlynskaya O.M., Molokina E.G. Libertarianism in Russia and the USA: On the issue of differences. *Power*. 2018;(9):114–116. (In Russ.).
13. Bolshakov I. Non-systemic opposition. *Free thought*. 2011;(3):109–118. (In Russ.).
14. Nadskakula-Kachmarchik O. The political capital of the non-systemic opposition in Russia. Trajectories of Russia's Political Development: Institutions, Projects, Actors. Materials of the All-Russian scientific conference of RAPS with international participation. Moscow: Moscow Pedagogical State University; 2019. (In Russ.).
15. Pakhomova E.A., Salnikov M.V., Fomichev M.N. Weaknesses of the modern Russian libertarian legal concept. *Legal state: Theory and practice*. 2018;(1):43–48. (In Russ.).
16. Chelnokova M.L. The image of the Russian non-systemic opposition in Runet: Technologies of formation. *Society: Politics, economics, law*. 2022;(3):25–30. (In Russ.).
17. Nebogatova A.A. Perception of the phenomenon of non-systemic opposition by Russian youth: Political and psychological analysis. *Russian political science*. 2020;(1):61–65. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Павел Сергеевич Селезнев — доктор политических наук, доцент, первый заместитель декана факультета социальных наук и массовых коммуникаций, профессор департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel S. Seleznev — Dr. Sci. (Polit.), Associate Professor, First Deputy Dean, Faculty of Social Sciences and Mass Communication, Professor of the Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-5439-8630>
sps@fa.ru

Анна Даниловна Крамер — старший преподаватель департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Anna D. Kramer — Senior Lecturer, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-9710-3633>
neporuscky@gmail.com

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-45-50
УДК 009(045)

Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации

Е.И. Замаева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена проблемам, которые поставлены перед гуманитарным образованием в эпоху глобальной цифровизации. Задачей исследования является подтверждение обоснования значимости гуманитарного знания в формировании понятийного мышления как базового навыка интеллектуальной деятельности человека в современном мире. В исследовании применен сравнительно-аналитический метод, с помощью которого рассматриваются особенности формирования понятийного мышления в современной школе и вузе, обосновывается значение гуманитарного знания как основы формирования понятийного мышления, как аксиологической основы личностного и гражданского воспитания студентов, формирования у них социального интеллекта, патриотизма, гражданской и личной ответственности. Анализируются особенности использования наглядных средств как деформирующего способа при формировании понятийного мышления современных студентов и школьников в эпоху тотальной цифровизации, а также опыт дистанционного обучения гуманитарным наукам в ситуации пандемии. В конце статьи автор делает вывод о том, что гуманитарное знание является важнейшим ресурсом в формировании понятийного мышления как базового компонента интеллектуального развития, социализации и воспитания гражданского и личного самосознания студентов в высшей школе.

Ключевые слова: цифровизация; гуманитарное знание; понятийное мышление; социальный интеллект

Для цитирования: Замаева Е.И. Проблемы гуманитарного знания в эпоху тотальной цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):45-50. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-45-50

ORIGINAL PAPER

Problems of Humanitarian Knowledge in the Era of Total Digitalization

E.I. Zamaraeva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper describes the problems that are posed to humanitarian education in the era of global digitalization. The study's aim is to confirm the substantiation of the significance of humanitarian knowledge in the formation of conceptual thinking as a basic skill of human intellectual activity in the modern world. The study uses a comparative analytical method which examines the features of the conceptual thinking formation in a modern school and university, as well as substantiates the importance of humanitarian knowledge as the basis for the of conceptual thinking formation as an axiological basis for the personal and civic education of students; the formation of their social intelligence, patriotism, civil and personal responsibility. The author analyzed features of the use of visual aids as a deforming method in the conceptual thinking formation of modern students and schoolchildren in the era of total digitalization, as well as the experience of distance learning in the humanities in a pandemic situation. It is concluded that humanitarian knowledge is the most important resource in the formation of conceptual thinking as a basic component of intellectual development, socialization and education of civil and personal self-awareness of students in higher education.

Keywords: digitalization; humanitarian knowledge; conceptual thinking; social intelligence

For citation: Zamaraeva E.I. Problems of humanitarian knowledge in the era of total digitalization. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):45-50. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-45-50

Антиномичность понятий «цифровизация» и «гуманитарное знание» является предпосылкой исследования. Гуманитарное знание — это знание о собственно человеческом в человеке, несущее аксиологические установки и смыслы, лежащие в границах самоидентификации, самоуважения, самопознания, самообразования, самоосуществления. И это пространство человека формируется только при овладении культурой. Что же касается цифровизации, то это не только применение средств вычислительной техники и программного обеспечения, но и замещение человека в определенных сферах искусственным интеллектом, принятие решений без участия человека. Таким образом, возникает логичный вопрос: зачем человеку гуманитарное знание в эпоху тотальной цифровизации? Не является ли эта область знаний избыточной и ненужной для новых цифровых поколений? Каковы результаты социокультурных изменений в условиях современного высшего образования под влиянием всеобщей цифровизации?

Этой проблеме посвящены многие исследования. Большинство авторов обосновывают необходимость реформатирования самого гуманитарного знания, переосмысления роли гуманитарного знания для оптимизации и минимизации отрицательного воздействия современных информационно-коммуникативных технологий [1, 2]. Другие авторы считают, что гуманитарные науки находятся в состоянии «ролевой неопределенности» в стремительно меняющейся цифровой действительности [3], их положение и значение еще предстоит выявить и обосновать или снижение влияние гуманитарного знания, или определить его место и роль в пирамиде знаний.

Анализ источников и собранных данных позволяет выдвинуть гипотезу о приоритетности гуманитарного знания как фундамента формирования понятийного мышления, ценностно-смысловой ориентации и социального интеллекта современных студентов в эпоху цифровизации, о повышающейся значимости гуманитарных наук как знания аксиологически значимого, прежде всего, для современных цифровых поколений, о максимальном расширении гуманитарного контента в средних и высших учебных заведениях, потому что именно нынешние дети определяют будущее как страны, так и мира в целом.

Сложившаяся в средней и высшей школах ситуация, связанная с развалом советской системы образования, с невиданными темпами цифровизации всех сфер нашей жизни, с пандемией коронавируса и переходом на дистанционные формы обучения, ставит перед гуманитарным образованием ряд проблем.

Из года в год исследователи наблюдают снижение интеллектуального и общеобразовательного уровня вчерашних школьников [4]. Мы работаем со студентами, которые подчас плохо говорят и читают на родном языке, не понимают смысла прочитанного, не умеют формулировать свои мысли, выделять главную и второстепенную информацию, не видят причинно-следственные связи, имеют ограниченный кругозор, убогое мышление, примитивный словарный запас. Они плохо знают физику, географию, биологию, историю, литературу. Как расценивать эти изменения? Что является их фундаментальной причиной? И главное: как изменить ситуацию к лучшему?

Представляется, что эти глобальные изменения в когнитивной сфере современных подростков — свидетельство того, что их понятийное мышление как база развития интеллекта и фундамент абстрактного мышления практически не сформировано. Выдающийся советский психолог Л. С. Выготский писал, что только в процессе изучения основ наук формируется понятийное мышление [5].

Как известно, понятийное мышление включает в себя следующие компоненты:

- интуитивный (выделение главного, существенного, приоритетного);
- логический (определение объективных причинно-следственных связей);
- понятийно-категориальный (обобщение, систематизация, структурирование).

Почему же современные первокурсники, в отличие от советских, не обладают основами понятийного мышления? Реформы образования 90-х гг. полностью разрушили советскую систему школьного образования. Выходя из школы, советский школьник получал так называемый «аттестат зрелости», т.е. сдавал экзамены по основным дисциплинам, таким как: русский язык, иностранный язык, литература, алгебра, физика, химия, биология, география, а значит, имел базовые знания в этих областях и представление о целостной картине мира и месте человека в этом мире. Кроме того, обя-

зательным компонентом советской школы было воспитание, она прививала ученикам общечеловеческие ценности: уважение к старшим, трудолюбие, честность и т. д.

В советской школе, как и в вузе, наука стояла во главе угла, ведь она формирует у учащихся понятийное мышление, что Л. С. Выготский считал основной задачей интеллектуального развития подростка, «зоной ближайшего развития» [5].

Образование, как известно, — самая консервативная сфера жизни, система образования (и школьного, и вузовского) всегда транслирует устаревшее знание. Жизнь (в особенности в последние десятилетия) меняется стремительно — это данность. Поэтому задача образования — научить человека мыслить, сформировать у него понятийное мышление. тогда он сможет ориентироваться в нашем стремительно меняющемся мире, сможет сам учиться дальше, работать успешно, прогнозировать, анализировать, делать выводы, обобщать, самообучаться, т. е. самостоятельно жить и работать в своей профессии.

Исходя из этого, образование должно строиться по принципу научной организации информации. Об этом писали и Л. С. Выготский [5], и В. В. Давыдов [6]. Если сформировано понятийное мышление, человек сможет решить любую жизненную и профессиональную задачу, просчитав возможные последствия и сделав необходимые выводы. Несформированность понятийного мышления ведет к социальному инфантилизму, к тому, что молодые люди не умеют и не хотят принимать самостоятельные решения, развиваться, ставить цели; склонны к зависимостям, не способны к адаптации, эгоистичны и эгоцентричны [7].

Сегодня работодатели бьют тревогу, обращаются к специалистам-психологам, к научному сообществу с серьезнейшей проблемой: выпускники вузов не могут полноценно работать, не понимают цели и задачи, не способны обобщить, спрогнозировать, проанализировать ошибки, увидеть причинно-следственные связи в самых разных сферах профессиональной деятельности [8]. Амбициозные проекты, которые через год-два рассыпаются, реформы, о результатах которых можно только сожалеть, техногенные катастрофы, падающие самолеты... А ведь это не только бюджетные средства, но и судьбы людей. Эти хаотичные,

непродуманные, заведомо провальные проекты мы видим во всех сферах нашей жизни: оптимизация здравоохранения, реформы образования... «Если понятийные структуры не сформировались, то человек не замечает ошибок, нелогичности теоретических построений, затрудняется с проверкой или обоснованием собственных выводов, принимает решения, которые не приводят к желаемому практическому результату», — отмечает Л. А. Ясюкова [9].

Причем тревогу по этому поводу бьют люди среднего и старшего возраста, у молодых таких опасений нет. Многие из «поколения ЕГЭ» даже не представляют, что можно мыслить иначе. При этом, как показывают опросы, 78% молодых людей довольны уровнем своего образования, и только 6% недовольны¹. Уходит книжная культура, чтение для современной молодежи — это непосильный интеллектуальный труд. По данным Левада-центра, 47% молодых людей совсем не читают книг².

Таким образом, на гуманитарное знание в вузе возложена важнейшая задача: попытаться сформировать у учащихся понятийное мышление — то, что не сделала общеобразовательная школа. Именно гуманитарные дисциплины формируют категориальный аппарат и выстраивают пирамиду научного знания, а также — целостную картину мира, умение выделять главное, существенное, обобщать, систематизировать, делать выводы.

Фундаментом отношения человека к миру является система ценностей. Именно гуманитарное знание формирует духовно зрелую, полноценную личность: «добродетель» у Сократа, «благо» у Платона, «категорический императив» И. Канта, «всеединство» В. Соловьева... Таким образом не только формируются компетенции, но и воспитывается честь, достоинство, справедливость, сострадание. «Чтобы решать задачи, совесть, к примеру, не надобна. А в постижении смысла поступка без совести не обойтись» [2, с. 9].

В последнее время много говорят об исторической памяти, об уроках Великой Отечественной войны, Нюрнбергского процесса, об информационных и ментальных войнах. Но фальсификация истории, искажение исто-

¹ «Поколение Z»: Молодежь времени путинского правления. URL: <https://www.levada.ru/wp-content/uploads/2020/08/vom1-2020.pdf>

² Там же.

рического сознания, когнитивные деформации возможны только тогда, когда у людей не сформировано критическое мышление, они не могут коррелировать факты, анализировать, систематизировать, видеть причинно-следственные связи и делать выводы, т.е. когда не сформировано понятийное мышление. Кроме того, именно гуманитарное образование в первую очередь воспитывает граждан, патриотов. От того, станут ли студенты гражданами нашей страны, национально ориентированной элитой, зависит социетальная безопасность Российского государства [10].

Гуманитарное знание — это еще и формирование социального интеллекта, который представляет собой систему адаптационных навыков и способностей, позволяющих человеку быть социально успешным, понимать мотивы действий другого человека и анализировать свои поступки. «Социальная зрелость характеризуется тем, что человек полностью берет на себя ответственность за свою жизнь и приоритетными считает свои обязанности. Социальный инфантилизм проявляется тогда, когда человек считает, что государство должно о нем заботиться, и во главу угла ставит свои права» [9].

Цифровизация стала частью нашей жизни, скорости ее столь стремительны, что возникает вопрос: сможет ли человечество управлять этой новой реальностью, останется ли в ней вообще место человеку?

Избыточная цифровизация, которую мы наблюдаем в последние два года, влечет за собой слом традиционных форматов и в школьном, и в вузовском образовании. Отказ от классического формата лекций в вузе приведет к формированию допонятийного, детского мышления, ориентированного на наглядность. Еще Л. С. Выготский резко критиковал наглядность, образность в обучении, так как это закрепляет допонятийный, дефективный вариант мышления [5]. В. В. Давыдов в своих работах доказал, что конкретный образ, закрепленный в памяти, мешает образованию понятий; принцип наглядности не формирует теоретическое, а затем и абстрактное мышление; студент, как дошкольник, мыслит от частного к частному, не выводит общие закономерности [6]. Повсеместное увлечение презентациями, геймификацией, анимацией, видеорядом в образовании убивает понятийное мышление и формирует дефективное.

Как указывает Л. А. Ясюкова, «при понятийном мышлении осмысление информации происходит посредством включения новых представлений в объективные классификационные группы, основаниями которых являются внутренние, сущностные, константные характеристики предметов и явлений, а не любые внешние, изменчивые свойства» [9].

Цифровизация и стремительный переход на дистанционную форму обучения в условиях пандемии со всей определенностью показали, что онлайн-образование — не самостоятельная форма, а лишь дополнительная, она может быть использована в исключительных случаях для отдельных групп учащихся или для того, чтобы совсем не прерывать образовательный процесс. Обучаться онлайн способны только высокомотивированные студенты, а их совсем не много. При дистанционном обучении исчезает элемент соревновательности, живого общения, социализации, стирается грань между учебой и отдыхом. Исследование «Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19)», проведенное под руководством В. Р. Кучмы, показало, что у 83,8% школьников отмечены неблагоприятные психические реакции пограничного уровня и лишь 13,4% адаптировались к дистанционной форме [11]. Психиатры и психологи фиксируют десятки душевных расстройств, которые появились в эпоху информационных технологий [2].

Воспитать личность может только личность, человека — только человек. Как передать это в дистанционном формате? Как воспитывать дистанционно? А ведь гуманитарное знание — это не просто знание, это воспитание, формирование ценностей и смыслов. «Мудрость не зависит от степени технического покорения мира; напротив, последняя предполагает, что необходима первая, особенно тогда, когда прогресс науки и техники ведет к безумным последствиям» [12].

Таким образом, гуманитарное знание выступает обязательным компонентом в структуре высшего образования, который призван взять на себя задачу формирования понятийного мышления у студентов в эпоху широкомасштабной цифровизации. Гуманитарное знание является не только базовым ресурсом для

формирования понятийного мышления, но в приоритетным направлением в современном образовании как инструмент сохранения соци-
 етальной безопасности российского общества в условиях цифровой и геополитической турбулентности.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бестаева Е. В. Социолингвистический аспект развития современных цифровых технологий. Преимущества и риски. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(4):80–84. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-80-84
2. Тюриков А. Г., Большунов А. Я. Информационные технологии как социальный вызов XXI века. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2019;9(2):6–11. DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10
3. Герасимов С. В. Онтология гуманитарного знания в условиях информационного общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(3):52–57. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-52-57
4. Ореховская Н. А. Об общей культуре первокурсника технического вуза. *Высшее образование в России*. 2014;(3):135–139.
5. Выготский Л. С. Мышление и речь. Изд. 5-е, испр. М.: Издательство «Лабиринт»; 1999. 352 с.
6. Давыдов В. В. Теория развивающего обучения. М.: ИНТОР; 1996.
7. Шатилов А. Б. Инфантильность современного общества и проблема электорального возраста: рациональный взгляд. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(6):17–21. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-6-17-21
8. Замараева Е. И. Социокультурные трансформации в эпоху цифровизации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2021;11(1):43–48. DOI: 10.26794/2226-7867-2021-11-1-43-48
9. Ясюкова Л. А. Закономерности развития понятийного мышления и его роль в обучении. URL: <https://textarchive.ru/c-2674601-pall.html>
10. Сучилина А. А. Противоречия формирования исторического сознания современной российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(1):95–99. DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-1-95-99
11. Кучма В. Р., Седова А. С., Степанова М. И., Рапопорт И. К., Поленова М. А., Соколова С. Б., Александрова И. Э., Чубаровский В. В. Особенности жизнедеятельности и самочувствия детей и подростков, дистанционно обучающихся во время эпидемии новой коронавирусной инфекции (COVID-19). *Вопросы школьной и университетской медицины и здоровья*. 2020;(2):4–24.
12. Слотердайт П. Критика цинического разума. Пер. с нем. Екатеринбург: У-Фактория; М.: АСТ МОСКВА; 2009. 800 с.

REFERENCES

1. Bestaeva E. V. Sociolinguistic aspect of the development of modern digital technologies. Benefits and risks. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(4):80–84. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-4-80-84
2. Tyurikov A. G., Bolshunov A. Ya. Information technologies as a social challenge of the XXI century. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2019;9(2):6–11. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2019-9-2-6-10
3. Gerasimov S. V. Ontology of humanitarian knowledge in the information society. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(3):52–57. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2020-10-3-52-57
4. Orekhovskaya N. A. About the general culture of a freshman of a technical university. *Higher education in Russia*. 2014;(3):135–139. (In Russ.).
5. Vygotsky L. S. Thinking and speech. Ed. 5, rev. Moscow: Publishing house “Labyrinth”; 1999. 352 p. (In Russ.).
6. Davydov V. V. The theory of developmental learning. Moscow: INTOR; 1996. (In Russ.).
7. Shatilov A. B. The infantilism of modern society and the problem of electoral age: A rational view. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(6):17–21. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-867-2021-11-6-17-21

8. Zamaraeva E. I. Sociocultural transformations in the era of digitalization. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2021;11(1):43–48. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2021–11–1–43–48
9. Yasyukova L. A. Patterns of development of conceptual thinking and its role in teaching. URL: <https://textarchive.ru/c-2674601-pall.html>. (In Russ.).
10. Suchilina A. A. Contradictions in the Formation of the Historical Consciousness of Modern Russian Youth. *Humanitarian sciences. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(1):95–99. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226–7867–2020–10–1–95–99
11. Kuchma V. R., Sedova A. S., Stepanova M. I., Rapoport I. K., Polenova M. A., Sokolova S. B., Aleksandrova I. E., Chubarovsky V. V. Features of the life and well-being of children and adolescents studying remotely during the epidemic of a new coronavirus infection (COVID-19). *Questions of school and university medicine and health*. 2020;(2):4–24. (In Russ.).
12. Sloterdijk P. Criticism of the cynical mind. Per. with him. Yekaterinburg: U-Factoria; Moscow: АСТ MOSCOW; 2009. 800 p. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Елена Ивановна Замараева — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Elena I. Zamaraeva — Cand. Sci. (Phyl.), Associate Professor, Department of Humanities, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-4799-3834>

zamaraeva_e@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.04.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-51-58
УДК 304(045)

Традиции как фундамент устойчивости общества*

Л.Б. Омарова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В основе жизнедеятельности человека и общества лежит не только материальная составляющая, но и духовная. Духовное состояние общества определяют уровень его устойчивости. Ослабление духовных начал становится причиной деструктуризации общества и усиления напряженности в нем. Разрушение духовности – это детерминанта ухода целых цивилизаций. Поэтому вопрос о духовной безопасности является актуальным для культуры и общества во все времена. **Актуальность** данной темы продиктована тем, что современное общество, в глобальном смысле, имеет тенденции к индивидуализации и потере социальных связей, приверженность инновациям и отказу от основ (традиций), на которых должны быть выстроены эти инновации, что приводит к исчезновению уникальности и вневременности фундаментальных духовных ценностей. Поэтому необходимо определить степень значимости традиций и ценностей в сохранении собственного уникального «Я» и «Мы», с которым себя идентифицирует человек.

Ключевые слова: традиция; духовность; устойчивое общество; культура; преемственность; сохранение культурной целостности; общество; ценность

Для цитирования: Омарова Л.Б. Традиции как фундамент устойчивости общества. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):51-58. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-51-58

ORIGINAL PAPER

Traditions as a Foundation for the Society's Sustainability**

L.B. Omarova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The human life and society are based not only on the material component but also on the spiritual one. The spiritual state of society determines the level of its stability. The weakening of the spiritual principles becomes the reason for the destructuring of society and the strengthening of its tension. The collapse of spirituality is the determinant of the breakdown of entire civilizations. Therefore, the question of spiritual security applies to culture and society at all times. The relevance of this subject is dictated because modern society, in a global sense, tends to individualization and loss of social bonds, commitment to innovation and rejection of the traditional basis on which these innovations should be built. This leads to the disappearance of the uniqueness and timelessness of fundamental spiritual values. Therefore, it is necessary to determine the degree of significance of traditions and values in preserving one's own unique "I" and "We", with which a person identifies himself.

Keywords: tradition; spirituality; sustainable society; culture; continuity; preservation of cultural integrity; society; value

For citation: Omarova L.B. Traditions as a foundation for the society's sustainability. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):51-58. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-51-58

* Статья подготовлена в рамках реализации фундаментальной НИР, выполняемой по теме: «Историческая преемственность духовного опыта поколений в современном российском обществе» (ВТК-ГЗ-ФИ-20-22). (Утверждено заместителем Председателя Правительства Российской Федерации от 28.12.2021 № 14540п-П8).

** The article was prepared as part of implementing fundamental research carried out on the topic: "Historical continuity of the spiritual experience of generations in modern Russian society" (VTK-GZ-FI-20-22). (Approved by the Deputy Chairman of the Government of the Russian Federation dated December 28, 2021 No. 14540p-P8).

Вобновленной в 2015 г. Стратегии национальной безопасности РФ особое место уделяется сохранению и развитию культуры, традиционных духовно-нравственных ценностей как одному из важнейших условий национальной безопасности России. Иными словами, социальная стабильность общества во многом связана с сохранением духовного наследия культуры и народа.

30 декабря 2021 г. Минкультуры России опубликовал проект указа Президента Российской Федерации «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей», где «традиционные ценности определяются как элемент формирующий мировоззрение граждан России нравственные ориентиры, передающиеся от поколения к поколению, обеспечивающие гражданское единство, лежащие в основе российской цивилизационной идентичности и единого культурного пространства страны, нашедшие свое уникальное самобытное проявление в духовном, историческом и культурном развитии многонационального народа России»¹.

Так в чем же значение традиций, какова их роль в сохранении старого и внедрении нового и почему им следует уделять внимание?

Начнем с того, что ядром любой культуры и цивилизации являются «лекала» ценностей и традиций. Ведь культура — это не только произведения искусства, но еще и некое мировосприятие.

Традиция — это социальное явление, и следование им обычно помогает наиболее четко структурировать жизнь общества и самого человека. Детрадиционализированное общество — слабое и нестабильное, оно лишено самобытности и исторической перспективы.

Традиция является одной из первых моделей систематизации и структурирования культурного и социального опыта человека и выступает фундаментом общественно-культурных норм и правил.

Традиции проявляются во всех способах духовного освоения действительности и формах общественного сознания, сплетаясь с общественной идеологией и психологией, а они, в свою очередь, влияют на формирование и развитие традиций. Традиционные ценности представляют собой

комплекс норм, в которых отражаются духовные, экономические, социальные практики, высвечивая социально-культурный код, выработанный многими поколениями.

Мы живем в эпоху стремительных изменений, причиной которых стали научно-технический прогресс, социально-политические трансформации, экономическое переустройство общества, способствующие глобализации и универсализации общества. При этом постмодернисты, фрейдисты, неофрейдисты и марксисты пытались уверить человека в отрицательном влиянии культурных и традиционных ценностей установок, говоря о подавлении ими человеческой свободы.

Современное общество входит в эпоху «новой этики», которая устанавливает свои ценности, отличные от традиционных, и пытается их внедрить во все сферы жизни. Но готовы ли традиционные общества, в число которых, на наш взгляд, входит и российское, принять этот новый «кодекс»? Ведь отказ от традиций, сложившихся в обществе, подразумевает отказ от некоего культурного кода, а также норм и ценностей «старой этики», через призму которых мы воспринимаем бытие.

Логично предположить, что при такой позиции мы подчиняемся прошлому, а это может быть чревато замедлением или вовсе остановкой развития. Но на это можно возразить, что, осваивая традиции и вековые ценности, каждое новое поколение дополняет и трансформирует их, не разрушая основу, которая является главной для сохранения народа, нации, культуры и цивилизации в целом. Традиции и обычаи — это средство закрепления того, что достигнуто обществом в его многовековой истории и они необходимы для его стабилизации.

Актуальность вопроса традиций и ценностей связана с тем, что сегодня происходят процессы глобализации, а цифровая среда создает некую универсальную модель человека, свободно существующего в ней, но при этом все более и более отчуждающегося как от своего «Я», так и от «не-Я».

На этом фоне первостепенной становится задача, связанная с существованием человека, формированием его личностных качеств, ценностных ориентиров, направленных на сохранение и обновление уже имеющегося.

Здесь огромную роль играют духовные традиции, где накоплены вековые знания о человеке, обществе и способах коммуникации, ведущих к взаимной духовной рефлексии. Они являются мощным детерминантом укрепления и сохранения общества и человека, которые необходимы в мире симулякров

¹ Проект указа Президента Российской Федерации от 30.12.2021 «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей». URL: <https://regulation.gov.ru/projects>

и массы, равнодушной к основам цивилизации и культуры.

Современную цивилизацию многие мыслители называют «массовой», так как ее основу составляют высокоразвитая индустрия, массовая информация, цифровизация и культура. Несомненно, все это способствует умножению социальных связей, но и разрушает традиционные — с семьей, друзьями, коллективом. Социализация личности в обществе очень важна, а сегодня сам тип ее связи с социумом трансформируется — человек становится более независимым. Но такая самостоятельность носит негативный характер, так как этот свободный человек пытается найти что-то, проверенное временем и устоявшее, чтобы ликвидировать свою неуверенность, причиной которой является потеря духовной составляющей в процессах мотивации и регуляции человеческого поведения. Увеличение разрыва между индивидуальными и социальными ценностями ведет к двойственному или мозаичному восприятию себя и окружающего мира, что является причиной неудовлетворенности и социальной усталости. Массовая цивилизация нестабильна, также нестабильны и социальные связи в ней, способствующие формированию человека неуверенного и беспокойного, тогда как традиции и традиционные связи вселяют в него уверенность.

Опасность массового общества заключается в обезличивании форм социальной жизни и самого человека. Человек массы оторван от собственной почвы и родины — он житель Земли, легко заменимый, так как является всего лишь «функциональной машиной».

Многие проблемы современного общества преодолимы при концентрации сил, энергии и внимания на духовных ценностях и духовной культуре, сложившейся и проверенной временем и опытом поколений. Первым шагом является осознание кризиса ценностей, и для этого нужно сравнить псевдоценности современного общества, принимаемые массовым человеком за истинные, и традиционные, в которых коренится мудрость, красота и благо в истинной их сущности.

Вопрос сохранения и правильного восприятия духовно-нравственных традиций и ценностей имеет огромную значимость для формирования мировоззренческих ориентиров нового поколения, живущего в обществе, где им не придают должного значения.

Традиционные ценности должны противостоять антитрадиционным структурам массового общества и способствовать глубинному познанию человеком

себя, общества и природы, укрепляя и сохраняя его цивилизационную, культурную и индивидуальную особенности и идентичность.

Следование традиционным ценностям способствует возрождению и укреплению «внутренней матрицы» культуры и народа, которая, в свою очередь, является фундаментом не только духовной, но также экономико-правовой и социально-политической сфер.

Духовные образцы, перенятые новым поколением, усваиваются не в изначальном готовом виде — новое поколение интерпретирует их, адаптируя к современности. В книге «Мой Дагестан» Р. Гамзатов приводит цитату дагестанского поэта А. Гафурова «Если ты выстрелишь в прошлое из пистолета, будущее выстрелит в тебя из пушки» [1]. Это значит, что тот, кто не ценит своего прошлого, остается без будущего. Это имеет прямое отношение к духовно-нравственным традициям и ценностям. Если народ не хранит свою культуру и традиции, он будет следовать чужим, уничтожающим его собственные. Несмотря на то что нововведения могут обогатить культуру, бездумное следование им порождает множество социальных личностных проблем, связанных с потерей самости человека и всего народа. «Начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых ему предшествовавших или современных цивилизаций» [2, с. 257].

Социально-философский анализ феномена традиций и ценностей выявляет такие их качества, как непрерывность и преемственность. Именно они являются ключевыми, так как способствуют сохранению накопленного веками опыта и социальной стабильности.

Передача и усвоение традиционных духовно-нравственных ценностей является основой социального взаимодействия, где прошлое соприкасается с настоящим, формируя будущее.

Русская философия и гуманитарная научная мысль акцентировала внимание на явлениях духовно-нравственной жизни человека и общества, рассматривая их сквозь призму культурных особенностей. Так, отечественный фольклорист К.В. Чистов определил традицию как «сеть связей настоящего и прошлого, с помощью которой совершается определенный отбор опыта и передачи неких стереотипов, воспроизводящихся снова и снова» [3, с. 103].

Многовековая история человечества свидетельствует, что социальные преобразования, экономи-

ческие или политические реформы, направленные на совершенство и прогресс общества, возможны только при наличии объединительной идеи. При этом она должна быть связана духовно-нравственными принципами и нормами, реализация которых может привести к укреплению позиций культуры, народа, государства.

«В то время как общество распадается на ряд групп, отводя их членам различные функции, в нем есть более узкое общество, чья роль заключается как бы в сохранении и поддержании живой традиции: обращенное к прошлому и к тем элементам настоящего, в которых продолжается прошлое, оно участвует в исполнении современных функций лишь постольку, поскольку они сами должны соотноситься с традициями и в своих трансформациях обеспечивать непрерывную преемственность общественной жизни. Действительно, центробежной силе, которая побуждает людей, назначенных исполнять какую-то функцию, поглощаться ею и забывать обо всем, кроме их актуального предмета (о старых предметах той же природы или о современных предметах иной природы), — следует противопоставлять другие силы, связывающие их с той частью общества, где прошлое соединяется с настоящим, а различные функции общества смыкаются и уравнивают друг друга» [4, с. 146].

Эта идея заложена в традиционных ценностях каждой культуры и народа, она может выступать как предпосылка самосохранения общества, реализуемая двумя способами: сохранение и рационализация использования духовного наследия, а также обновление и творческое осмысление его. Имея в виду именно такую идею, Д. С. Лихачев в своей работе «Земля родная» писал: «Народ, создающий высокий национальный идеал, создает и гениев, приближающихся к этому идеалу. А мерить культуру, ее высоту мы должны по ее вершинам, ибо только вершины возвышаются над веками» [5, с. 78].

Действенное внедрение традиций и традиционных ценностей в современное общество возможно через включение их в материальную и духовную сферы жизни. Традиции системно влияют на общественные отношения, реализуя несколько функций: регулирование общественных отношений, аккумуляция и передача опыта, знаний и мудрости, за которыми следует еще одна важная функция — воспитательная.

Что касается атрибутов традиций, то одними из главных являются устойчивость и жизнеспособность. Суть их состоит в том, что, несмотря на постоянную трансформацию традиций, обуслов-

ленную историческими изменениями, сохраняется их постоянное ядро, имеющее непреходящий во времени общечеловеческий характер. Н. Я. Данилевский, подчеркивая это, писал: «Народ — конкретная и существенная действительность. Значение культурно-исторических типов состоит в том, что каждый из них выражает идею человека по-своему, а эти идеи, взятые как целое, составляют нечто всечеловеческое» [6, с. 305].

Социальная значимость феномена традиций обоснована тем, что они исходят из самой сущности человеческих потребностей и свойственны как отдельной личности, так и социуму в целом, что дает нам право говорить о них как об общественном явлении.

Теоретическое осмысление исходит из понимания традиции как культурно-исторической реальности, а традиционализма — как ценностного отношения к ней. По мнению М. Хальбвакса, «методика сохранения прошлого в памяти состоит в том, что человек постоянно реконструирует его заново, исходя из опыта социальной группы, к которой он принадлежит» [7, с. 57].

Традиции и обычаи — одни из ярких и сложных исторических феноменов культуры. Понимание предпосылок их возникновения нужно начать с осмысления и изучения истории, глубокого анализа культуры, психологических особенностей конкретного народа, вырисовывающихся через его уклад и быт. Ведь любые традиции исходят из результатов рационального, духовного и эмпирического познания бытия в целом. Они схожи с ценными алмазами, которые собирались, огранялись и доводились до совершенства на протяжении всей истории. Анализ любой традиции раскрывает перед нами ее практичность и жизненность, скрывающуюся за архаичностью.

Культура, частью которой являются традиции, — это одновременно и явление, и стабильный и поступательный процесс с преодолением препятствий. Традиции поддерживают стабильность культуры, накапливая и транслируя социальный опыт для передачи его новым поколениям в новых формах и видах, а также способствуют ее развитию, выступая в качестве исторической памяти. Этот диалектический процесс одновременно отрицает новшества и включает в себя элемент преемственности. Исходя из чего, мы можем говорить, что проблема традиций состоит не только в их сохранении, но и воспроизводстве нового посредством творческих актов.

Именно творческий акт, имеющий общезначимый характер, отражающий как индивидуальную,

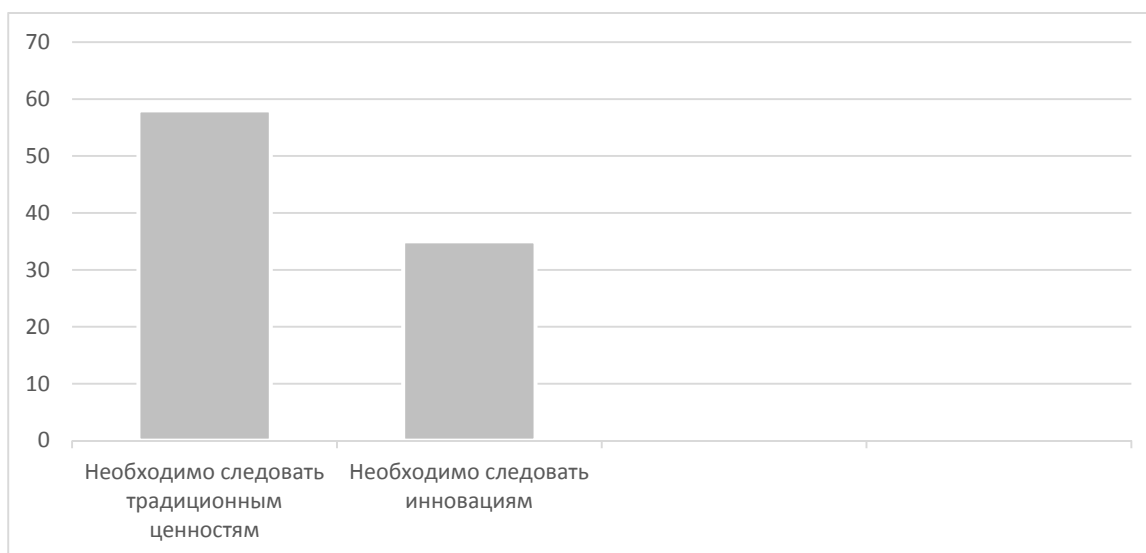

Рис. / Fig. Результаты опроса на тему: «Чему следует уделять внимание для сохранения стабильности общества?» / The results of the survey on the topic: “What is supposed to be the most important to maintain the stability of society?”

Источник / Source: URL: <https://nazaccent.ru/content/21593-vciom-58-rossiyan-orientirovany-na-tradicii.html?>

так и коллективную глубинную сущность, становится частью и ценностью культуры. Любое творчество — это инновационный процесс, связанный с развитием культуры, поэтому продукт творчества, соответствующий общим традиционным ценностям, внедряется и вписывается в культурную матрицу более гармонично, нежели тот, что противоречит им. Свойства вневременности и общезначимости теряются у продукта творчества, если он отрицает традиционные ценности.

Отход от традиционных ценностей опасен и тем, что общество, не имея духовных оснований, не будет моральным, а такой конструкт легко распадается под влиянием гедонистических, потребительских, нигилистических и преступных настроений. Как пример можно привести 90-е гг. XX в., когда разрушались традиционные ценности. Попытки перенять западные ценности привели к небывалому разгулу преступности и отказу от моральных и этических устоев. Идеалы массовой потребительской культуры, символизирующей собой свободу, которая оказалась всего лишь иллюзорной псевдосвободой, разрушительно повлияли на все сферы общественной жизни. Это произошло в результате проекции чуждой нашему обществу псевдокультуры на массовое сознание. Данный исторический факт показывает важность сохранения системы собственных ценностей.

Всероссийский опрос, проведенный ВЦИОМ, в котором участвовало 1600 чел. всех возрастных категорий выше 18 лет из разных регионов России,

показал, что 58% респондентов уверены в важности следования традиционным ценностям для сохранения стабильности общества (см. рисунок). Это говорит о том, что, несмотря на стремление к новому, человек бессознательно признает необходимость фундаментальных основ для стабильного развития общества.

Духовность и ориентированность на нравственные ценности — это основа воспитания ответственного поколения, защищенного от политических манипуляций, которое способно сохранить идентичность и уникальность культуры. Материальная составляющая несет в себе духовно-нравственный подтекст, без которого традиция не может существовать, иначе она становится временной необходимостью и исчезает в лабиринтах времени.

Традиции дополняются и меняются, подстраиваясь под современные реалии, но универсальность, заложенная в них, остается неизменной. Они вместе с духовностью и нравственностью, заложенными в них, определяют ключевые приоритеты социума, способствующие его устойчивому развитию, а также формируют самобытность общества.

Играя конституирующую роль, традиции способны обогащаться за счет поглощения и усвоения некоторых инноваций, которые не противоречат устоявшейся культуре, а гармонично вписываются в нее. Эта способность является условием образования новых социальных связей и модернизации общества в соответствии с вызовами и требованиями времени.

Находясь под воздействием массовой культуры, современное общество не вполне ясно представляет, каким может быть размер потерь при разрушении системы традиционных ценностей. Технологический прогресс увеличивает возможность замены традиционных ценностей на массовые, так как сегодня цифровизация и технологизация входят во все сферы человеческой деятельности, и это необратимый процесс. Массовая культура вносит свои ориентиры, трансформируя под себя духовно-нравственные нормы. Но такая «модернизация» подменяет ценность копией, и стирается изначальный смысл духовности и нравственности как детерминантов общественного развития.

Традиции и духовно-нравственные ценности, имеющие взаимообуславливающий характер, очень важны. В первую очередь это связано с преемственностью, наследованием достижений культуры общества, что, в свою очередь, способствует социальной памяти, предполагающей связь между поколениями.

Глобальные процессы заставляют индивидуума задуматься: кто он есть — один из массы или носитель собственной уникальной культуры? Однако сущность человека такова, что он всегда хочет выделить свое уникальное «Я». Но это возможно только при сохранении собственной культуры, произрастающей из традиций. Человеку нужно осознание себя как некоего воплощения ценностей, которые выстраиваются из сущности «Homo ethikus». «Поиск духовных ориентиров, которыми будет руководствоваться общество в XXI в., по мнению многих исследователей, предполагает анализ и четкое понимание каждым индивидуумом в рамках процесса общественного бытия особого места и роли духовно-нравственных традиций как системообразующих ценностей» [2, с. 1567].

Для формирования полноценной личности сфере образования необходимо в первую очередь обратить пристальное внимание на традиции и духовно-нравственные ценности как инструмент воспитания.

Передача традиций и духовно-нравственных ценностей возможна только благодаря всевозможным социально-коммуникативным практикам.

Если исходить из классического понимания практики, то ее следует определить как осознанную деятельность человека, направленную на преобразование общества и природы. Но современные социально-гуманитарные науки наполняют этот термин новыми смыслами.

Какой подход к понятию «практика» сегодня более всего применим: феноменологический, ут-

верждающий, что социальную действительность человек создает сам, интерпретируя смыслы мира; структуралистский, где главную роль играет структура, которая формирует мыслительные процессы и влияет на деятельность людей, или марксистский, где социальная практика — это целенаправленная преобразующая деятельность субъекта?

Для анализа и исследований современных коммуникативных практик приходится прибегать ко всем трем подходам, потому что основные тенденции изменения общества сегодня в основном связаны с информационно-коммуникационными и цифровыми технологиями, которые изменяют саму структуру социальных связей и образуют новые их виды. Но более глубокий анализ выявляет все новые и новые вопросы, демонстрируя, как информационно-коммуникативные практики образуют структуры, влияющие на мыслительные процессы и деятельность человека. Важно подчеркнуть, что именно информатизация и виртуализация подтверждают правильность феноменологического подхода, где представлены всевозможные интерпретации смыслов мира.

С середины XX в. в научный оборот вошли понятия такие понятия, как «виртуальность», «виртуальная реальность», «виртуальный мир», подразумевающие искусственную среду, созданную новыми технологиями. Виртуальная реальность изучается различными науками: физикой, математикой, социологией, психологией и т.д. Каждая из них находит и выделяет все новые свойства и качества виртуальной реальности.

Сегодня виртуальная реальность, изменяя привычное понимание определенных явлений и актуальных вопросов, стала неотъемлемой частью как повседневной жизни человека, так и общества в целом. Поэтому возникла необходимость изучения этого явления с помощью естественных и социально-гуманитарных наук. В социологии, психологии и философии виртуальная реальность предстает как новый способ видения мира. Исследования взаимодействия человека и киберпространства помогли осмыслить виртуальную реальность как неотъемлемую часть нового мира, которая влияет на мировоззрение и культуру общества. Она, присутствуя во всех сферах современного мира, не только дополняет действительность, но и становится самостоятельной реальностью, которая может выступать в качестве замены объективной действительности. Для современного человека такие понятия, как «виртуальное общение», «виртуальная дружба», «виртуальная любовь» становятся

привычными. Виртуализировались искусство, образование, экономика и т.д. Виртуальное пространство сегодня — это непосредственный «участник» социализации человека.

Под влиянием всех этих процессов трансформируется мировоззренческие позиции человека, так как виртуальная реальность формирует новые ценности, а традиционные адаптирует под новый фокус цифрового мира.

Исследуя тенденции и механизмы изменения сознания индивидуума, мы пытаемся понять, каковы же границы этих изменений, не стоим ли мы перед угрозой радикальной деконструкции внутреннего мира человека. Философский анализ, который включает в себя всестороннее изучение этого вопроса, на наш взгляд, позволит прогнозировать, не грозит ли данный мировоззренческий перелом культурным или антропологическим кризисом.

Реперные точки мировоззренческих ориентиров современного человека «лежат в плоскости дихотомических цепочек, характеризующих сам процесс трансформации как противоречивый, двойственный, находящийся в стадии становления» [4, с. 6]. Дихотомические цепочки включают в себя чаще всего противоречивое отношение к собственному «Я», а также факторам и явлениям, определяющим «Я». Они состоят из реального и виртуального, естественного и имплантированного. Переход от реальности к виртуальности, а следовательно, признание новых, имплантированных цифровым миром в общество и человека ценностей, является той самой реперной точкой нового мировоззрения, связанного с виртуальностью.

Виртуальная среда формирует ценности, которые не имеют свойства иерархичности, их можно сравнить с каскадами. Виртуализация и цифровизация — это уже необратимые и объективные процессы. Мы можем говорить только о правильном использовании этих платформ для того, чтобы они служили не для разрушения духовной и социальной сущности человека, а содействовали сохранению и созиданию.

Неизбежная цифровизация практически всех сфер деятельности жизни современного человека изменяет и его взгляды на собственное (индивидуальное и социальное) бытие, его ценностную систему. Поэтому современную науку должны волновать не только экономические и технические аспекты этого феномена, но и этические, влияющие на формирование нового «цифрового» человека. Неотъемлемой частью цифрового мира априори считаются коммуникативные практики, и именно

в этом вопросе возникает множество антиномий, которые наглядно показывают необходимость разработки или трансформации традиционных этических норм с подстраиванием их под новую реальность. Но, несмотря на то, что данные коммуникативные практики применяются не первый десяток лет, современный человек не всегда эффективно и позитивно использует эту платформу. В обыденном сознании цифровая среда — это свободная зона, где индивидуум может стать «невидимкой», скрываясь за ником. Современная цифровая среда содержит 10% контента, отвечающего этическим принципам. Отказаться от цифровизации современное общество уже не может, поэтому современные коммуникативные практики нужно сделать инструментом трансляции и сохранения ценностных ориентиров. При этом человек, погружаясь в цифровую, виртуальную среду, рискует потерять реальные социальные связи.

Внедряясь в социальные практики общества, каждая технологическая (промышленная) революция трансформировала социальную реальность со всеми ее составляющими. Новые социальные реалии изменяют общественный уклад: появляются новые интересы, новый взгляд на жизнь в целом и в связи с этим новое отношение к ценностям, при котором происходит трансформация уже существующих ценностей или появляются новые. К словам М. Кастельса о том, что «технологическая революция с информационными технологиями в центре заново и ускоренными темпами формирует материальную основу общества» [8, с. 13], можно добавить, что, помимо материальной, формируется и духовная основа.

Четвертая техническая революция усилила роль информации и «цифры» как в формировании общественных идеалов, ориентаций, так и в формировании личности. По прогнозам некоторых современных IT-специалистов, в новом цифровом мире «человеку можно будет предложить нечеловеческий опыт, создавая симуляторы реальности, да и просто реальность с другими принципами взаимодействия между объектами и субъектами, формируемыми правами доступа и законами перемещения. Вслед за этим будут меняться и этические, и эстетические принципы человека, и его способ познания действительности» [9]. Но возникает вопрос: на чем, по сути, будут основаны эти новые реальности, рождающие нового человека? Именно этот вопрос диктует необходимость определения базовых этических ценностей, которые должны составлять фундамент любого общества, в том числе и информационно-цифрового.

В качестве вывода можно привести следующие утверждения: во-первых, традиции и традиционные ценности — это основа духовной жизни общества, объединяющая поколения, сохраняющая социальную и культурную память; во-вторых, они связаны с духовной и материальной сферой человеческой жизни и общества. Следование традициям способствует устойчивости общества в экономическом, политическом, социальном и духовном планах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гамзатов Р. Мой Дагестан. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=54902&p=1&>
2. Гончаров В.Н., Попова Н.А. Духовно-нравственные ценности в системе общественных отношений. *Фундаментальные исследования*. 2015;2(7): 1566–1569.
3. Чистов К.В. Фольклор. Текст. Традиция. М.: ОГИ; 2005. 272 с.
4. Зорина Е.В. Музашвили Д.З. Россия и глобализация: проблемы ценностной трансформации сознания личности. *Гуманитарные науки. Вестник финансового университета*. 2014;4(16):4–9
5. Лихачёв Д.С. Земля родная. М.: Просвещение; 1983. 320 с.
6. Данилевский Н.Я. Россия и Европа. М.: Книга; 1991. 574 с.
7. Хальбвакс М. Социальные рамки памяти. Пер. с фр. М.: Новое издательство; 2007. 348 с.
8. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура: Пер. с англ. под науч. ред. О.И. Шкаратана. М.: ГУ ВШЭ; 2000.
9. Лисовский С. Конец аналогового мира: индустрия 4.0, или что принесет с собой четвертая промышленная революция URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14610-konets-analogovogo-mira-industriya-4-0-ili-cto-prineset-s-soboy-chetvertaya-promyshlennaya-revoljutsiya>

REFERENCES

1. Gamzatov R. My Dagestan. URL: <https://www.litmir.me/br/?b=54902&p=1&>
2. Goncharov V.N., Popova N.A. Spiritual and moral values in the system of public relations. *Fundamental research*. 2015;2(7):1566–1569 (In Russ.).
3. Chistov K.V. Folklore. Text. Tradition. Moscow: OGI; 2005. 272 p. (In Russ.).
4. Zorina E.V. Muzashvili D.Z. Russia and globalization: problems of value transformation of personality consciousness. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2014;4(16):4–9 (In Russ.).
5. Likhachev D.S. Native land. Moscow: Enlightenment; 1983. 320 p. (In Russ.).
6. Danilevsky N. Ya. Russia and Europe. Moscow: Book; 1991. 574 p. (In Russ.).
7. Halbvaks M. Social framework of memory. Transl. from French. Moscow: New Publishing House; 2007. 348 p. (In Russ.).
8. Castels M. The Information Age: Economy, Society and Culture: Translated from English. under the scientific editorship of O.I. Shkaratan. M.: Higher School of Economics; 2000. (In Russ.).
9. Lisovsky S. The end of the analog world: Industry 4.0, or what the Fourth Industrial Revolution will bring with it URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/14610-konets-analogovogo-mira-industriya-4-0-ili-cto-prineset-s-soboy-chetvertaya-promyshlennaya-revoljutsiya> (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Лейла Бунияминовна Омарова — кандидат философских наук, доцент департамента гуманитарных наук, Финансовый университет, Москва, Россия

Leyla B. Omarova — Cand. Sci. (Psychological), Associate Professor, Department of Humanitarian Sciences, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-1150-762X>

lomarova@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.06.2022; принята к публикации 22.06.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.06.2022; accepted for publication on 22.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-59-63
УДК 32(045)

Факторы этнической идентичности как причины современных этнополитических конфликтов

Х.А.М. Мохаммед

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Целью статьи является анализ наиболее важных понятий, связанных с идентичностью (в том числе – этнической), которые являются причинами и факторами, приводящими к этнополитическим конфликтам. Автор стремится дать более глубокое толкование понятию «идентичность», рассматривая ее в контексте общих черт или особенностей, а также отдельно выделяя ее проявления в политическом контексте. Также автор анализирует этническую идентичность и ее составные элементы: религиозные, языковые и культурные связи. Подобный подход позволяет определить те проявления этнической идентичности, которые могут послужить причиной для современных этнополитических конфликтов.

Ключевые слова: конфликты; идентичность; раса; этническая идентичность; язык; религия; культура

Для цитирования: Мохаммед Х.А.М. Факторы этнической идентичности как причины современных этнополитических конфликтов. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):59-63. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-59-63

ORIGINAL PAPER

Factors of Ethnic Identity as Causes of Modern Ethno-Political Conflicts

H.A.M. Mohammed

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper's aim is to analyze the most important concepts related to identity (including ethnic identity), which are the causes and factors leading to ethno-political conflicts. The author seeks to give a deeper interpretation of the concept of identity, considering it in common features or peculiar properties, as well as separately highlighting its manifestations in a political context. The study analyzes ethnic identity and its constituent elements: religious, linguistic and cultural ties. This kind of approach makes it possible to identify those manifestations of ethnic identity that can serve as a cause for modern ethno-political conflicts.

Keywords: conflicts; identity; race; ethnic identity; language; religion; culture

For citation: Mohammed H.A.M. Factors of ethnic identity as causes of modern ethno-political conflicts. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):59-63. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-59-63

The identity has a close connection with the concept (I/me), the role assigned to the individual in society, and the cultural impact on which the personality is based. According to this concept, it is: the traits, characteristics, relationships, and social roles that make up the person – “who I am?” and it also has a connection to the past (what was true according to my own point of view?) and to the present (what is true for me now?), and to the future (what must be true for me – or – what I ought to become – or – what I should not be in the future?).

The self-concepts related to the concept (I/ me) can be considered as cognitive structures that include

judgments and evaluative attitudes according to the individual's view of the world, and focus his goals to promote and protect his basic values [1]. Identity concept expresses a set of characteristics and features that a person possesses, and can be identified through them, and this term it includes many aspects that cannot be controlled, such as skin, color, and the gender of the individual, or even the place in which he was born and raised, beside the aspects that the individual chooses by his own will, such as believes, political affiliations and ideologies. In addition to that, there are some aspects of the personal identity that the individual can show to those around him through

what his/her traditions, practices of customs and beliefs, or through the interaction within the community, in another words; the concept of identity refers to the individual's characteristics, behaviors, and psychological construction that distinguishes him/her from others.

The term identity also includes other concepts associated with it, represented in the values of self-awareness, and everything that is considered being unique to the individual [2]. Identity in its current embodiment has a dual connotation; it refers to social groups and the foundations on which an individual's self-respect and dignity are built, and it can also refer to characteristics or personal traits that cannot be expressed naturally from the perspective of a social group. Also, in some contexts, certain cultural categories can be described as 'identities' even though no one sees them as central to their personal identity. It also ensures recognition and provides basic certainty for all its requirements; individuals and groups feel that recognition is a matter of life and death, and for this reason there are real demands for participation Samuel Huntington describes how each of 'us' realizes its own identity only by establishing 'other than we' as a category of change: then, we do not know ourselves sufficiently except through the existence of another that I know and identify with, and then knowing who I am, "We know who we are only when we know the other, and often only when we know who we are against" [3]. However, identity in its current embodiment reflects and evokes the idea that social groups are linked to the foundations of individual self-esteem, which leads us to a deeper interpretation of identity in generalities, idiosyncrasies and alternatives will be addressed further, besides the political and ethnic identity, and its elements as causes of ethno-political conflicts.

1. In the context of generalities. It is the systems that are closely related to the cultural identity in which all its affiliates subscribe to, are a matter and bound between each other as: religious belief, language, affiliation, common destiny... the concept of (I/ME) that reflects the culture of society and all its religious and educational institutions. Judicial and political institutions, especially institutions of socialization, in which the individual transforms from a biological being into a person who carries the culture of his society and adheres to its values and controls.

2. In the context of idiosyncrasies. If the external view of society gives us a perception of its general cultural character, and its national identity, then a different view from the inside reveals to us the presence of cultural peculiarities that have a strong relationship with some social groups that are determined by age,

gender, profession and geographical area. Hence, if the community members meet in cultural generalities or in some alternatives, they may differ in the peculiarities that appear clearly in large civilized societies, where life is complicated, roles are multiplied, and relationships are varied.

3. In the context of alternatives. It is a set of cultural systems or features that do not apply or distinguish all members of society in the same way, but are optional cultural systems and patterns, such as the system of traditional clothes, or marriage traditions and customs for some ethnic groups that may differ despite the unity of ethnic affiliation to this group, or and the choice of place of residence or craft.¹

Based on the foregoing, cultural identities differ according to the peculiarities of nations and peoples, as we find cultural identities that completely coincide with the homeland and the nation, as for example in Germany. One may bring together a different cultural diaspora in terms of beliefs, languages, and ethnicities, so that the national identity makes up its primary reference. This leads us to realize a basic fact that individuals' upholding to their identity and pride takes place considering interaction with the conditions experienced by its affiliates and the extent to which it has achieved in its quest for justice, freedom and equality, as well as on its ability to enable them to achieve themselves, satisfy their needs, control their behavior and organize their network of relationships. Because it represents the sum of the ideas, beliefs, values and attitudes that each individual has about himself, others, the environment around and a society.

4. Identity in the political context. In terms of the national state, or the system of government, the form of the state and the management system control over the state administration apparatus, citizenship and nationality, the constitutional structure in it, or the ideology oriented to the main and sub-political structure; (government and political organizations such as parties and civil society organizations). These characteristics are variable according to the way they are used and employed, and any of them can express identity, but some add independent others to the identity component, which are immaterial, subjective, moral contents that appear in the unity of interests, destiny, common history, moral and material contents represented in the region [4].

¹ The First International Conference on Identity and Social Domains in the Light of Sociocultural Transformations in Algerian Society, Algeria, 2011.

The literature and academic studies specialized in identity show that the identity of any nation is, in fact, only a historical identity, and history is the one that shapes it, and this means that there is no way to form an identity outside the frameworks of society and history. Provided that its members are identical and fusion in the collective societal existence. Therefore, no individual can be independent outside the general framework of the group, that is, he needs an identity that brings him together with others because he cannot have an identity alone. Nor can any force impose an identity on a group of people, without the free and informed choice of their side. Identity is thus a political and social term that reduces the concepts of dependency, belonging, diagnosis, and loyalties to one community and distinguishing it from another, and exaggeration in this concept leads to a kind of chauvinism, which represents a natural extension of nationalist tendencies, which in turn can lead to radicalism and extremism, and thus to the emergence of internal conflicts between groups that often require the intervention of national governments, which constitute conflicts of an ethnopolitical nature, and in the same context It may develop into a regional or even international if it is internationalized at the media level.

ETHNIC IDENTITY AS A CAUSE OF ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

There is no doubt that the difference between scholars in adopting several scientific and philosophical approaches in order to give a specific definition of ethnicity led to enriching the fields of research on this subject, especially in the field of conflict science. Nevertheless, at the same time it led to the adoption of specific methodological foundations and methods specialized in each field of science concerned with the management and resolution of ethnic, intergroup, political, and even ethno-political conflicts because of its close association with other concepts of identity previously mentioned, and because it contains the elements and causes of both political and ethnopolitical conflicts. Speaking another way, they are mixed conflicts.

While Norman Yetman argues from an un-subjective approach: "It is a product of sensory and mental" [5]. On the other hand, it is defined within the framework of an objective approach; in the sense that it has objective characteristics related to the human needs of the group in a tribal or ethnic framework, and on the basis of some objective material features such as culture, descent, or national origin, in addition to its connection at other times with the relationships and interactions of social

forces [6]. In the context of this proposition, and for a more comprehensive understanding of the subject, it is necessary to clarify the most important conceptual and definitional differences through which the effects of identity-related aspects can be understood as causes of political, ethnic, and ethno-political conflicts.

1. As a cause of political conflicts. Political conflict can be defined as a clash and confrontation between different social and political forces and political subjects in their desire to achieve their goals and interests, primarily related to the struggle for power, its redistribution and change of its political status, with political prospects related to the development of society.² According to this definition it becomes clear the absence of the most important identity factors through which conflicts of an ethnic and ethno-political nature can arise, except in the aspects related to pursuing the goals and political interests of a group, considering that they arise from the denial or derogation of some rights related to participation in power or Political decision for reasons related to cultural affiliations, descent, or national origin.

2. As a cause of ethnic conflicts. The dominant feature of this type of conflict is the steady spread of conflicts between groups of different affiliations. Where this phenomenon has attracted the attention of many researchers and scholars, as it has become a direct threat, which suggests political, economic and social instability, besides the threat of fueling these conflicts with what may have a regional or even international dimension most times. Thus, ethnic conflict can be as an interaction based on the lack of coexistence between at least two groups that differ in the elements of identity, which can be ethnic, racial or minorities, one of which is harmed, and the other deliberately causes this harm or ignores its existence.

According to this trend, the most important reasons for this type of conflict are a state of non-coexistence between two or more ethnic groups, so that the factors of difference must necessarily be present in the "objective and non-objective" elements of identity [7].

ELEMENTS OF IDENTITY AS A SOURCE OF ETHNO-POLITICAL CONFLICTS

The concept of identity depends on a number of links, each of which may represent a specific nationalism³

² Капицына В.М., Мокшина В.К., Новгородцева С.Г. Политология. Учебное пособие. М.: Издательско-торговая корпорация «Дашков и К*»; 2022.

³ In this context, the meaning of nationalism is meant by the Arabic meaning of it according to what was stated in the comprehensive Arabic-Arabic Lexicon/ Al-Maani Al-Jami' Dictionary – Arabic –

that may be in one way or another a cause of conflict, the most important of these links in the focus of the research are: (race — religion — language — culture and common history).⁴

1. Ethnic ties. Race and ethnicity can create nationalism, which is the bond of identity, and this ethnic nationalism may be a majority or a minority. Therefore, if it is a majority, natural problems with minority nationalism can be raised, related to the distribution of power and wealth, and related to equality and justice, and vice versa. Also, if the national minority is the ruling, and the majority is the governed. A conflict may also arise from this, given that the majority is the holder of the right to power in whole or in most of it, and the race is the branch of the dynasty, just as the tribe is the race branch. Seems odd thing is that the races have specific ties represented by several tribes, such as nationalism. For example, the protective Nilotic tribes in Sudan before the secession of the south in 2011, as the group of tribes that belong to one race have become nationalities in themselves. So, we find that the Dinka tribe, although they belong to the same race The indigo protector, but they have come to consider themselves as a separate national Dinka and this is what happens in many conflicts. These multiple tribes, such as the Dinka, the Nuer, and the Sholluk (some tribes in Southern Sudan), can represent one nationalism because they revolted against the rule in the north in many times, in terms of identity issues. Nevertheless, after the south separation every tribe within the same race had its own demands that depend on the tribal basis and not on the race and identity itself. Such perturbations are happening now in southern Sudan, where the Nuer have specific demands, and they are in second place in terms of number as it has become The Sholluk also has specific demands, and they are in

Arabic Dictionary (a social-emotional connection that arises from sharing the homeland, language, unity of history and goals) or an association based on racial participation regardless of principles and content, such as Arab nationalism. And politically it means: a political and social principle with which its owner prefers everything related to his nation over everything else. Relates to others, or is the belief prevailing among the people that they form a distinct group with special characteristics that distinguish it from others, with the desire to protect and advance this distinction within a self-governance. URL: <https://www.almaany.com/ar/dict/ar-ar/%D9%82%D9%88%D9%85%D9%8A%D8%A9/#:-: text=1%2D%20%D9%82%D9%88%D9%85%D9%8A%D8%A9%20%3A%20%D9%85%D8%A8%D8%AF%D8%A3%20%D9%8A%D8%AC%D9%85%D8%B9%20%D8%A3%D9%85%D8%A9,%C2%AB%D9%82%D9%88%D9-%85%D9%8A%D8%A9%20%D8%A7%D9%84%D8%A5%D9%86%D8%B3%D8%A7%D9%86%C2%BB%20%3A%20%D9%82%D8%A7%D9%85%D8%AA%D9%87>

⁴ Ibid.

third place as a tribe, and both are in opposition to the Dinka as the dominant Hamitic Nilotic tribe, in addition to a group of common border tribes. They are neither Hamitic nor Nilotic in the southern borders with the Republics of the Congo and Kenya [8].

2. Religious ties. Religion expresses a certain identity with a specific culture, and it may be the religion of most of the population of a country, or it may be a religious of minority. Here, ethnic nationalism does not coincide with religious nationalism, as there may be multiple religions within ethnic nationalism, and vice versa. Religious, if we take, for example, Arab nationalism as a historical, cultural, and linguistic association, we find that among the Arabs are Christians and Muslims, and this adds another complex dimension of ethnic and religious nationalities, and as mentioned, nationalism may represent the majority of the population, or it may represent a minority of the population, and the demands are consistent if they range from satisfying human needs, and interests, but in most cases we find that the pattern of conflict is often the one that tends towards separation.

3. Linguistic ties. The language has ethnic roots and religious demands in most cases, especially for Muslim minorities. The races speak languages and it may multiply the languages within the same race according to the tribe. Although the group of these tribes has one race, but the dialects varied according to the tribes. Hence, this language has demands, whether it is a tribe or ethnic group, must publish it, learn it, write it, and teach it in order to preserve identity. A good example is that we find that there are common cross-border identities such as the Nubian groups divided between southern Egypt and northern Sudan, and although they differ in dialect according to tribal affiliation, but they are sheltered by the Nubian tribe, especially since there is a common history link before that division where they had known kingdoms in the history of Sudan, which are the kingdoms of Nubia before and after Christmas.

Another example can be seen is in Belgium, where there are two nationalities, and the basic manifestation of them is the language and not the tribe, because the tribes in Europe have dissolved, but nationalities are based on language such as German, Italian, and Slavic.

4. Cultural ties. It is closely related to language, as there is no culture without language, for it is language that carries and transmits cultural legacies. Islamic culture, for example, is linked to the Arabic language as a source. The Holy Qur'an, as all hadiths and the interpretations of the Companions have been written in the Arabic language. Therefore, we find that

Muslims, because of their affiliation to the Islamic religion as a multinational religious, demand their societies to teach the Arabic language, which is the most important and the only way to understand their religion correctly.

CONCLUSION

The concept of identity bonded to several ethnic ties that can create nationalities with demands related to the fair distribution of wealth or the sharing of power and political decision, or equality and social justice in cases, and in other cases where these nationalities are a minority or a majority. Besides religious ties, the

multiplicity of religions in ethnic nationalism can make up a factor causing conflicts if it expresses a specific nationalism with a particular culture, or that the religion is for a majority or a minority. On the other hand, it has linguistic and cultural ties with a complex series of overlaps in the hereditary aspects that it bears. This case, there is a necessity to arise of publishing, learning, writing and teaching the language and using it at the official level of the state to preserve the identity and these demands collide with a government or popular rejection if the language was not a minority language, not mentioning the attempts to suppress it and as a result the committed violations.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ / REFERENCES

1. Oyserman D., Elmore K., Smith, G. Self, self-concept, and identity, *The Handbook of Self and Identity*, 2nd ed., J. Tangney and M. Leary (Eds). NY: Guilford Press; 2012.
2. Fayyad M. Identity or Identities, Supplement to the Peacebuilding Project in Lebanon. Lebanon, Beirut; 2016. (In Arab.).
3. Huntington S.P. The clash of civilizations and the remarking of the world order. New York: SIMON 6-SCHUSTER, Rockefeller Center, USA; 1996.
4. Al-Tayyeb Abdul-Jalil Hussain Mahmoud. The Problem of Identity and Building the Contemporary National State: The Complex of Identity, Hybridization of Cultures, Convergence of Interests and Unity of Destiny — An Analytical point of view by Examining the State of Al-Gedaref State community, new key concepts in political science and strategic studies, PhD thesis in political science, unpublished, Text`s language: Arabic, translated by the author. Khartoum, Sudan; 2008. (In Arab.).
5. Birch J. Ossetia: A Caucasian Bosnia in Microcosm. *Central Asian Survey*. 1995;(1):45–46.
6. Monalisha A. Ethnic conflict in North Caucasus. *Comparative politics of Russia*. 2020;(3):184–187.
7. Тишкова В., Степанова В. Феномен этнического конфликта: междисциплинарный подход и общественные практики. М.: ИЭА РАН; 2018.
Tishkova V., Stepanova V. The phenomenon of ethnic conflict: An interdisciplinary approach and social practices. Moscow: IEA RAN; 2018. (In Russ.).
8. Абдель Гаффар М.А. Переговоры и разрешение конфликтов — первопричины и современные причины конфликтов. Пер. с араб. Суданская академия наук SAS, Хартум, Судан; 2015.
Abdel Gaffar M.A. Negotiation and conflict resolution — root causes and modern causes of conflicts. Transl. from Arabic. Sudanese Academy of Sciences SAS, Khartoum, Sudan; 2015. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Хуссейн Абдальвахид Мохаммед Мохаммед — аспирант 1-го года обучения департамента политологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Hussain Abdalwahid Mohammed Mohammed — 1st year postgraduate student, Department of Political Science, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-0067-661X>

KMokhammed2021@edu.fa.ru

*Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.*

Статья поступила 14.06.2022; принята к публикации 10.07.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 14.06.2022; accepted for publication on 10.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-64-70
УДК 159.9:331.546(045)

Модели профпригодности в управлении персоналом, профориентации и самоменеджменте

Н.С. Пряжников, Е.В. Камнева

Финансовый университет Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье дается сравнительный анализ разных моделей профотбора, которые условно разделены на несколько групп, и уточняется значение самого понятия «профотбор». Авторами выделены внешние и внутренние барьеры (осложняющие факторы и условия), препятствующие совершенствованию профотбора, а также поиску и практическому внедрению его новых, более эффективных моделей. Отмечается важность данной проблемы в контексте кадровых ошибок, совершаемых на современном этапе, и необходимость совершенствования всей системы управления человеческими ресурсами на уровне страны и персоналом – в конкретных организациях.

Ключевые слова: профотбор; психологическая профдиагностика; профконсультация; «профессиональные пробы»; самоменеджмент

Для цитирования: Пряжников Н.С., Камнева Е.В. Модели профпригодности в управлении персоналом, профориентации и самоменеджменте. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):64-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-64-70

ORIGINAL PAPER

Models of Capability in HR-Management, Vocational Guidance and Self-management

N.S. Pryazhnikov, E.V. Kamneva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper provides a comparative analysis of different models of professional selection, which are conditionally divided into several groups, and clarifies the meaning of the very concept of “professional selection”. The authors have highlighted external and internal barriers (complicating factors and conditions) that impede the improvement of professional selection, as well as the search and practical implementation of the new and more effective models. The study noted the importance of the problem in personnel errors made at the present stage, and the need to improve the entire system of human resource management at the country level and personnel in specific organizations.

Keywords: professional selection; psychological professional diagnostics; professional consultation; professional tests; self-management

For citation: Pryazhnikov N.S., Kamneva E.V. Models of capability in HR-management, vocational guidance and self-management. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):64-70. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-64-70

ВВЕДЕНИЕ

Существует множество работ, где описываются разные модели оценки профпригодности — как самоопределяющихся школьников, так и взрослых претендентов на те или иные вакансии [1–3].

Профпригодность предполагает готовность человека к конкретной профессиональной деятельности. Но само понятие «профессия» на сегодняшний день является настолько противоречивым, что некоторые авторы считают, что

оно во многом себя исчерпало¹. Мы не согласны с таким категоричным мнением, но все же вынуждены признать, что это понятие во многом утратило свою прежнюю определенность [4]. Это связано с тем, что часто профессия рассматривается как группа родственных специальностей, которые, тем не менее, могут быть весьма разными.

¹ URL: <http://newtonew.com:81/opinion/iskopaemyy-yazyk-professiy>

Например, профессия «психолог» конкретизируется в таких специальностях, как «педагогический психолог», «возрастной психолог», «клинический психолог», «психофизиолог», «организационный психолог», «психолог-методолог», «психотерапевт» и др. Если говорить о пригодности к профессии «психолог» в целом, то как быть с такими характеристиками потенциального претендента, как вспыльчивость или замкнутость (необщительность) и т.п.? Для работы с людьми в качестве психолога-практика или психотерапевта эти качества, скорее всего, не подойдут, но вряд ли станут серьезной помехой для психофизиолога или методолога. Таким образом, корректнее говорить не о профпригодности, а о пригодности к конкретной специальности. Но и здесь могут возникать серьезные сомнения, связанные с тем, что даже в рамках одной специальности может быть большое разнообразие деятельности. Недаром, Е.А. Климов особое внимание уделял понятию «трудоустройство», которое уже можно конкретизировать с точки зрения требований к претенденту. Следовательно, еще более корректно говорить о пригодности к работе на определенном трудовом посту.

Конечно, можно при этом выделить какие-то инвариантные требования к профессии (например, мотивационная готовность к данной сфере деятельности и т.п.) или к конкретной специальности (например, информированность о перспективах карьеры и личностного развития в рамках данной специальности и др.). Но сложности возникают тогда, когда требуется комплексная оценка готовности к определенной деятельности, а это возможно, как уже отмечалось выше, только применительно к трудовому посту.

И появляются проблемы, связанные со средствами оценки профпригодности, особенно с часто используемыми в этих целях тестами. Как известно, качество теста определяется корректностью психометрических норм, а если настоящая профпригодность должна определяться применительно к конкретному трудовому посту, то сразу возникает вопрос: на каких выборках делать такие психометрические нормы? Очень сложно набрать тестовые нормы для редких работ, да еще и с учетом специфики небольших организаций. А как быть с требованием систематически обновлять эти нормы и составлять новые в разных регионах?

Огромные трудности, возникающие при получении корректных психометрических норм, ставят под сомнение многие используемые в целях профотбора методики. Кроме того, даже при относительно грамотно составленных нормах важно правильно интерпретировать полученные результаты, что требует хорошего знания особенностей данного человека и его поведения в знаковых ситуациях. Это позволяет выделять важные характеристики претендента, что, в свою очередь, приводит к парадоксу, когда традиционно используемые психодиагностические методики становятся ненужными.

К этому можно добавить, что часто сложные психические характеристики человека вообще не поддаются точному измерению. По этому поводу В.Н. Дружинин писал, что применительно к личности и индивидуальности многие измерительные шкалы вообще не работают, и даже номинативные шкалы не всегда помогают. Изучать личность следует на основе анализа конкретного случая и в конкретной ситуации. Обычно так и делают многие психологи-практики (психотерапевты, психологи труда и др.) [5].

Если говорить о предварительном самоопределении школьников, то многие традиционно используемые методы профессиональной психодиагностики (включая тесты) также вызывают серьезные сомнения (например, в прогностичности таких обследований и оценок). Ведь школьникам еще многие годы придется учиться, и к моменту начала работы могут произойти существенные изменения по разным аспектам профпригодности и к профессии вообще, и к конкретным специальностям, и к еще более конкретным трудовым постам. Часто профессиональная психодиагностика в школе оправдывается лишь тем, что она позволяет формировать мотивацию на самопознание, а главное — реализовывать диагностико-развивающую или диагностико-корректирующую схему профориентации, когда на основе обследований появляется дополнительный стимул подготовки к профессии. Такая предварительная диагностика имеет смысл, если на ее основе обнаруживаются явные противопоказания к тем или иным видам труда (например, связанные с неизлечимыми заболеваниями или другими непреодолимыми обстоятельствами).

Есть еще одно слабое место, касающееся школьников или уже взрослых претендентов: часто специалисты определяют пригодность к определенной работе, для подготовки к которой требуется время, но при этом не исследуют готовность к обучению. Конечно, существует ЕГЭ и конкурсные испытания, но серьезной психодиагностики, на основании которой могла бы оцениваться готовность к самой учебно-профессиональной деятельности, практически нет. В идеале данная психодиагностика должна строиться на предварительном изучении особенностей данной учебно-профессиональной деятельности с последующим выделением параметров такой готовности (учебно-профессиональных качеств, по аналогии с профессионально важными качествами, как это делается применительно к отбору на профессиональную деятельность). Это также предполагает построение психометрических норм (если использовать традиционные модели психодиагностики), но уже применительно не к будущей профессии, а к учебной деятельности в конкретном вузе или колледже.

Но, несмотря на огромное количество проблемных вопросов и сомнений в традиционных моделях и средствах профотбора, в дальнейшем мы будем анализировать возможные модели оценки готовности именно к профессиональной деятельности. Заметим, что какие-то модели и методы достаточно распространены, при их применении накоплен немалый опыт, и они стали привычными и даже обязательными во многих организациях. Поэтому быстро отказаться от них будет трудно, и на данном этапе развития переходить к новым моделям надо осторожно и осмысленно.

ОСНОВНЫЕ МОДЕЛИ ПРОФПРИГОДНОСТИ (СРАВНИТЕЛЬНАЯ ОЦЕНКА)

Все модели профотбора условно можно разбить на две основные группы: 1) ориентированные на четко выделенные требования к претендентам на определенную работу; 2) ориентированные на менее четкие требования к претендентам (в первую очередь применительно к новым работам, где еще не накоплен опыт).

Профотбор по заранее выделенным требованиям к работнику

1. *Диагностико-рекомендательная модель профотбора*, во многом опирающаяся на трех-

факторную модель Ф. Парсонса, предложенную еще в начале прошлого века, включает в себя следующие основные факторы эффективной профконсультации: 1) предварительное изучение особенностей профессии (профессиография) и выделение на этой основе главных требований к претенденту на эту профессию (психография); 2) обследование конкретного претендента с помощью тестов, т.е. оценка его характеристик, значимых для данной профессии; 3) сопоставление требований профессии с характеристиками претендента и вынесение решения о пригодности или непригодности к данной профессии. Данная модель имеет понятную и вполне убедительную логику, и потому именно она воспринимается многими как наиболее популярная.

К сожалению, проблемы возникают из-за качества некоторых тестов, а также в связи с тем, что получаемые результаты достаточно абстрактны. Если провести строгое исследование по конкретным методикам применительно к конкретной трудовой деятельности, то данная модель оказывается вполне успешной, особенно если ее применить для оценки психофизиологических и поведенческих характеристик претендента, которые, в отличие от личностных, в гораздо большей степени поддаются объективному измерению. Некоторым обогащением данной модели, по сути диагностико-рекомендательной, могла бы стать диагностико-развивающая модель. Данная схема предполагает не вынесение окончательного «приговора» о пригодности/ непригодности претендента, а дает ему возможность поработать над своими характеристиками (развить их), чтобы больше соответствовать требованиям работодателя.

2. *Модели, предполагающие четкие требования к претенденту:*

- Готовность написать грамотное резюме, соответствующее всем ожиданиям представителей организации.

- Умение правильно вести себя на собеседовании. Для этого существуют специальные тренинговые группы или обучающие пособия, а иногда и «карьерные» консультации. В данном случае акцент делается не на саму работу, а на умение «продавать себя», о чем с сожалением писал Э. Фромм [6].

- Соответствие некоторым условиям, например по возрасту и полу, месту проживания

ния, прописке (часто, чтобы не обеспечивать претендента общежитием или съемной квартирой); по национальности [там, где слишком ревностно относятся к «чужим» (в первую очередь на руководящие и престижные должности)] и т.п. Заметим, что обозначенные выше предпочтения иногда имеют в своей основе чуть ли не нормативные предписания (обычно по инициативе местных властей), что вынуждает некоторых «неправильных» претендентов мигрировать в более «приветливые» регионы. Несмотря на то что ограничения по возрасту и полу в современном производстве уже не играют большого значения (так как многие работы автоматизированы и не предполагают прежних физических нагрузок), на законодательном уровне они по-прежнему действуют. Понятно, что при этом реальные деловые качества претендентов учитываются лишь косвенно.

- Соответствие субъективным предпочтениям работодателя или каких-то лидеров коллектива. Часто это не связано с особенностями труда, но необходимо для психологической совместимости. С одной стороны, приоритет личных симпатий и субъективных оценок над деловыми качествами претендента нарушает принцип справедливости при приеме на работу (а иногда может даже спровоцировать человека на обращение в суд по поводу необоснованного отказа в приеме на работу), но, с другой стороны, его личные качества могут лучшим образом повлиять на деятельность организации. Здесь можно было бы выделить определенную закономерность. Если работа по-настоящему сложная и требует особой квалификации, то больше вероятности, что примут не по субъективно-личностным предпочтениям, а именно из-за деловых качеств. Если же работа примитивная, т.е. роль обычных работников ничтожна, то и требования к претендентам менее ориентированы на их деловые качества. Данная модель является реальностью нашего времени, и потому ее следует изучать и искать более совершенные ее воплощения.

3. *Модель профотбора, выдвигающая конкретные требования на разных этапах профессиональной карьеры.* Например, карьера офицера часто предполагает не только военные достижения, но и выслугу лет, успешное прохождение различных аттестаций и т.п. Это в какой-то степени сопоставимо с типом ка-

рьереры, получившим название «лестница» [7]. Нередко довольно строгие и четкие требования к прохождению этапов карьерного развития имеются и в организациях, когда сотрудники точно знают, что они получают при выполнении четко обозначенных требований. Особенностью данной модели является то, что ее правила могут меняться, например, при смене начальников (кадровиков, психологов) или при изменении у них предпочтений и соответствующих ожиданий к претендентам.

Правда, в рамках такой модели требования для некоторых людей при приеме на работу и дальнейшем продвижении могут отличаться от тех, которые предъявляют остальным.

Требования к работнику, уточняемые по мере развития деятельности (в новых профессиях, организациях, коллективах)

1. *Диагностико-развивающая модель профотбора* применима не только к претендентам, но и к людям, оформляющимся и устроенным на работу. Здесь уместно вспомнить слова Е.А. Климова о том, что настоящая профпригодность формируется в самом труде. Сам факт развития претендента в процессе труда согласуется с идеями этапа профадаптации и испытательного срока, выделяемыми многими авторами в качестве важного условия профессионального развития. Особое преимущество данной модели в том, что она позволяет не только проверить претендента в деле, но и дать ему возможность развить некоторые свои качества, чтобы соответствовать имеющимся требованиям. При этом возможна ситуация, когда на каком-то этапе вхождения в профессию работник, имея больше степеней свободы по сравнению с более жесткими вариантами профотбора, может вырабатывать индивидуальный стиль трудовой деятельности. Это способствует более высокой производительности труда, но одновременно выходит за рамки многих формальных требований, так как человек не столько приспособливается к работе, сколько приспособливает ее под себя, что и позволяет ему добиваться больше впечатляющих результатов. Если в ходе развития индивидуального стиля работник демонстрирует высокие результаты, профотбор может преобразоваться в профподбор, когда важно не только соответствие человека работе, но и наоборот.

В. С. Мерлин и Е. А. Климов, много сделавшие для изучения индивидуального стиля трудовой деятельности, отмечают, что он не является набором психических качеств и характеристик работника, а выступает особым, целостным системным образованием, поэтому его диагностика должна проводиться не по отдельным качествам, а также целостно и системно. Но таких методик почти нет, хотя практика оценки эффективности труда показывает, что на уровне здравого смысла или с использованием герменевтического подхода оценивать целостную деятельность удается лучше, чем посредством апробированных методик. Здесь уместно привести слова известного психолога В. П. Зинченко: «Я предпочитаю определять коэффициент интеллектуальности не с помощью тестов, а по выражению лица. Несмотря на огромные усилия по повышению валидности тестов, многие из них так и остаются инвалидными» [8].

2. *Модель «взаимосоответствия»*. Е. А. Климов указывал, что профпригодность — это как минимум взаимное соответствие человека и его работы. Наверное, можно было бы назвать такую модель двусторонним или многосторонним профотбором, если учитывать социально-психологическую или моральную атмосферу в большой организации. При приеме претендента на важную для организации работу надо думать об условиях для самореализации нового специалиста. Высококвалифицированный претендент может найти выход даже не в самых лучших условиях, а для новичков лучше все же создавать благоприятную атмосферу. Следует отметить, что слишком хорошие (щадящие) условия могут расслабить даже опытного специалиста и снизить его производительность труда.

Интересные варианты реализации данной модели могут быть, когда организация находится в состоянии реформирования, что предполагает поисковую активность всего коллектива. В этих условиях сложно говорить о четких требованиях не только к претендентам, но и к уже работающим специалистам. Именно в таких случаях чаще формируются индивидуальные стили труда и появляются новые эффективные команды работников. Заметим, что традиционно принято рассуждать о пригодности к определенной работе конкретных претендентов или специалистов,

но существует еще понятие профпригодности для целых коллективов. Важно отметить, что в таком случае могут предъявляться специфические требования и к уже работающим специалистам, и к новым, что предполагает некоторое перенесение (или более оптимальное распределение) ответственности за профотбор с руководителей, кадровиков и психологов на эти «эффективные команды».

3. *Отбор, выявляющий наиболее достойных в ходе конкуренции между сотрудниками (или между претендентами, поступающими на работу)*. С одной стороны, в условиях высокого конкурса конкуренция неизбежна. Но с другой стороны, нередко она порождает не только сильные стрессы и обиды, но и ошибки при отборе. Ранее уже говорилось о вариантах профотбора в условиях более-менее четких требований к претендентам. Но в данном случае речь идет о конкуренции, которая превращается в самоцель и для претендентов, и для лиц, осуществляющих профотбор, когда требования к самой будущей трудовой деятельности уходят на второй план и зависят от случайных обстоятельств (например, меняется состав комиссии, определяющей «победителей»). Можно, конечно, рассчитывать на то, что наиболее талантливые все равно пробьются, но в большинстве случаев вместо деловой (и даже прагматичной) направленности профотбора на первое место выходят интриги и с той и с другой стороны.

4. *Профотбор в ходе «профессиональных проб» как условие развития самоменеджмента в карьере*. Данная модель основана на идее практической проверки своих мотивов и навыков. Наиболее известна система «Фукуяма-тест», предложенная профессором Фукуямой для японских старшеклассников, которые в течение трех лет в обязательном порядке не просто знакомились с основными сферами японской экономики, но и проверяли свою готовность к соответствующей деятельности в специальных профильных мастерских. Таким образом, к моменту окончания школы выпускники имели представление о своих наклонностях и о готовности к овладению той или иной профессией. Результаты таких проб вполне можно рассматривать как предварительный профотбор. Фактически и период профадаптации, и испытательный срок в какой-то мере также относятся к профессиональным пробам, только, в отличие от «Фукуяма-теста», в данном

случае они проходят в рамках одной конкретной работы.

Идея расширить диапазон таких проб перекликается с мнением авторитетных специалистов в области карьеры. Например, Б. Ливехуд утверждает, что и для школьника, и молодого специалиста самым нежелательным было бы долгие годы заниматься только одной работой [9]. Другие авторы [5, 10, 11] указывают, что именно одна и та же длительная (многолетняя) деятельность является главным фактором развития профессиональных и личностных деструкций работника. Мы считаем, что, по возможности, следует создать такие условия и при отборе, и на этапе адаптации, чтобы новый работник смог проявить себя в разных видах деятельности, даже в рамках той вакансии, на которую он претендует. При этом появятся более благоприятные условия для преобразования профотбора в профподбор, когда вместо приспособления к конкретной деятельности работник (при помощи организации) сможет подобрать себе такую, в рамках которой смо-

жет трудиться наиболее продуктивно. В этом случае претендент будет заниматься *самоменеджментом*, что в дальнейшем поможет ему самостоятельно выбирать важные для себя трудовые функции и совершенствоваться в их исполнении.

ВЫВОДЫ

Само понятие «профотбор» нуждается в конкретизации. Важно учитывать, что в контексте карьеры можно говорить о разной степени готовности (пригодности) человека к различным стадиям развития в профессии (поступлению в вуз или колледж, успешному обучению, трудоустройству, успешной работе и дальнейшим карьерным продвижениям).

Имеется множество моделей организации и проведения профотбора, которые условно можно разделить на ориентированные на четкие и менее четкие требования к претендентам. Анализ разных моделей показал, что все они обладают как особыми преимуществами, так и определенными ограничениями.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Климов Е. А. Дальнейшие шаги в разработке проблем психодиагностики. *Вопросы психологии*. 1982;(2):152–154.
2. Михайлов И. В. О профориентационной работе во Франции. *Вопросы психологии*. 1977;(5):158–163.
3. Пряжников Н. С., Васякин Б. С., Дебердеева Н. А. Перспективные подходы к решению проблемы учета индивидуального вклада работника. *Нормирование и оплата труда в промышленности*. 2016;10(160):18–25.
4. Пряжников Н. С. Проблема переосмысления понятия «профессия» в меняющихся социокультурных реалиях. *Организационная психология и психология труда*. 2018;3(1):4–22.
5. Дружинин В. Н. Структура и логика психологического исследования. М.: ИП РАН; 1994. 144 с.
6. Фромм Э. Человек для себя. М.: Астрель; 2012. 348 с.
7. Могилевкин Е. А. Карьерный рост: диагностика, технологии, тренинг. Монография. СПб.: Речь; 2007. 336 с.
8. Зинченко В. П. Аффект и интеллект в образовании. М.: Тривола; 1995. 64 с.
9. Ливехуд Б. Кризисы жизни — шансы жизни. Развитие человека между детством и старостью. Калуга: Духовное познание; 1994. 217 с.
10. Пряжников Н. С., Полевая М. В., Камнева Е. В. Парадоксы в понимании профессиональных деформаций личности. *Вестник Финансового университета*. 2016;6(96):170–177.
11. Карловская Н. Н., Камнева Е. В., Моргунов Е. Б., Полевая М. В., Пряжников Н. С. Принцип «цикличности» в карьерном самоопределении личности. *Организационная психология*. 2021;11(2):169–193.

REFERENCES

1. Klimov E. A. Further steps in the development of problems of psychodiagnostics. *Questions of Psychology*. 1982;(2):152–154. (In Russ.).
2. Mikhailov I. V. On Career Guidance in France. *Questions of Psychology*. 1977;(5):158–163. (In Russ.).
3. Pryazhnikov N. S., Vasyakin B. S., Deberdeeva N. A. Perspective approaches to solving the problem of accounting for the individual contribution of a worker. *Rationing and wages in industry*. 2016;10(160):18–25. (In Russ.).

4. Pryazhnikov N. S. The problem of rethinking the concept of “profession” in the changing socio-cultural realities. *Organizational psychology and labor psychology*. 2018;(1):4–22. (In Russ.).
5. Druzhinin V. N. Structure and logic of psychological research. Moscow: IP RAN; 1994. 144 p. (In Russ.).
6. Fromm E. Man for himself. Moscow: Astrel; 2012. 348 p. (In Russ.).
7. Mogilevkin E. A. Career growth: diagnostics, technology, training. Monograph. St. Petersburg: Rech; 2007. 336 p. (In Russ.).
8. Zinchenko V. P. Affect and intelligence in education. Moscow: Trivola; 1995. 64 p. (In Russ.).
9. Livehud B. Crises of life — the chances of life. Human development between childhood and old age. Kaluga: Spiritual knowledge; 1994. 217 p. (In Russ.).
10. Pryazhnikov N. S., Polevaya M. V., Kamneva E. V. Paradoxes in the understanding of professional personality deformations. *Bulletin of the Financial University*. 2016;6(96):170–177. (In Russ.).
11. Karlovskaya N. N., Kamneva E. V., Morgunov E. B., Polevaya M. V., Pryazhnikov N. S. The principle of “cyclicity” in the career self-determination of the individual. *Organizational psychology*. 2021;(2):169–193. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Николай Сергеевич Пряжников — доктор педагогических наук, профессор, профессор департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Nikolay S. Pryazhnikov — Dr. Sci. (Pedagogic), Professor, Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-9909-7372>
nsp-22@mail.ru

Елена Владимировна Камнева — кандидат психологических наук, доцент, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет, Москва, Россия
Elena V. Kamneva — Cand. Sci. (Psychology), Docent, Associate Professor, Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-6165-1339>
ekamneva@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 30.05.2022; принята к публикации 15.06.2022.
Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.
The article was received on 30.05.2022; accepted for publication on 15.06.2022.
The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76
УДК 32(045)

Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа

А.Б. Шатилов

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Статья посвящена анализу состояния пиар- и агитационно-пропагандистской работы российской стороны в ходе первого этапа (февраль-май 2022 г.) специальной военной операции на Украине. В частности, автор, отмечая несомненные боевые успехи российской армии («базис»), тем не менее, полагает, что в плане «надстройки» наше военное и политическое руководство недорабатывает, проигрывая как западным, так и украинским оппонентам. Особое беспокойство вызывают проблемы позиционирования СВО в российском обществе, имиджевая работа по формированию пула героев и культовых персон, контрпропаганда и взаимодействие с «информационными волонтерами». **Ключевые слова:** PR; пиар-сопровождение; спецоперация; СВО; Украина; креатив; имидж; образы; информационно-пропагандистская война; «диванные войска»; патриотизм

Для цитирования: Шатилов А.Б. Информационное и PR-сопровождение специальной военной операции России на Украине: основные тренды и уроки первого этапа. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):71-76. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76

ORIGINAL PAPER

Information and PR Support of Russia's Special Military Operation in Ukraine: Major Trends and Lessons of the First Stage

A. B. Shatilov

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper analyzes of the state of PR and propaganda work of the Russian side during the first stage (February – May 2022) of the special military operation (SMO) in Ukraine. In particular, the author emphasizes the undoubted combat successes of the Russian troops (“basis”). Nevertheless, he considers that in terms of the superstructure, Russian military and political leadership is underperforming, conceding to both Western and Ukrainian opponents. The specific concerns are about the problems of positioning the SMO in Russian society, image work to form a pool of heroes and cult people, as well as the counter-propaganda and interaction with information volunteers.

Keywords: PR; PR support; special operation; SMO; Ukraine; creative; image; forms; information and propaganda war; sofa troops; patriotism

For citation: Shatilov A. B. Information and PR support of Russia's special military operation in Ukraine: Major trends and lessons of the first stage. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):71-76. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-71-76

Несмотря на то что специальная военная операция России на Украине, начавшаяся 24 февраля 2022 г., имеет своей основной целью принуждение Киева к денацификации и демилитаризации, и задачи, которые решают компетентные органы, в основном являются практическими и конкретными (в диапазоне от ведения боевых

действий до гуманитарного обеспечения освобожденных территорий), тем не менее, не стоит забывать об имиджевом и пиар-сопровождении СВО. Де-факто Спецоперация относится к числу гибридных войн XXI столетия, которые подразумевают не столько противостояние на театре боевых действий, сколько выполнение целого ряда сопутству-

ющих задач. К их числу относятся, прежде всего, следующие:

- Выстраивание отдельно как для внутренней, так и внешней аудитории убедительной легенды и аргументации ведения боевых действий.

- Создание своей стране, ее руководству и ее вооруженным силам позитивного имиджа в соответствии с международными правилами ведения военных конфликтов и политико-культурными приоритетами своего общества.

- Формирование негативного имиджа противника, вплоть до его демонизации.

- Стимулирование роста патриотических настроений в обществе за счет мобилизационной агитационно-пропагандистской работы.

- Привлечение широких общественных сил к содействию СВО, формирование у граждан ощущения сопричастности и общего дела.

- Работа с лидерами общественного мнения (ЛЮМами) и экспертным сообществом.

- Создание культового ряда запоминающихся героических образов и персон, которые способствовали бы популярности специальной военной операции.

Анализируя ситуацию первого этапа СВО, можно сказать, что ее пиар-сопровождение оставляет желать лучшего. В первые месяцы (февраль-май) оно было крайне неэффективным, а на данный момент (август 2022 г.), хотя и произошли определенные позитивные изменения, все равно остается слабым звеном в деятельности власти (как военной, так и гражданской). Для оправдания такого рода ошибок были привлечены различного рода эксперты и специалисты, которые убеждали российское общество в том, что «все идет по плану». Более того, был придуман и вброшен в информационное пространство следующий незамысловатый анекдот:

Два русских танкиста сидят в парижском кафе, пьют кофе с круассанами, а рядом «припаркована» колонна российских танков. Мимо идут армейские обозы. И один танкист говорит другому: «Об одном я сожалею — проиграли мы информационную войну»¹.

Однако, чем дольше продолжается СВО, тем более очевидной становится потребность борьбы за умы и симпатии как своей аудитории, так и мирового сообщества.

Почему же PR-обеспечение было таким слабым на первом этапе проведения спецоперации? Мне видится целый ряд причин.

Во-первых, несмотря на то, что уже более 30 лет назад наша страна «отказалась» от марксизма, в среде элиты очень устойчивым является тезис о базисе и надстройке в плане того, что именно «базис определяет надстройку». Причем такая точка зрения доминирует как у тех, кто получал образование и профессиональную подготовку во времена СССР, так и у «рыночников», которые, по аналогии с марксистами, также считают, что «бабло (сиречь ресурсное обеспечение) решает все», и надстройка является не более чем вспомогательным антуражем серьезной политики и серьезного бизнеса. В современную эпоху информационных и гибридных войн подобное категоричное утверждение как минимум представляется спорным.

Во-вторых, злую шутку с руководством Российской Федерации сыграло то обстоятельство, что в последние годы ему достаточно легко удавалось реализовывать масштабные проекты и отражать атаки оппонентов. Поэтому возникло определенное «головокружение от успехов», ощущение того, что любую ситуацию можно «продать» без необходимого PR-сопровождения. В этом плане можно вспомнить хотя бы провальную пенсионную реформу 2018 г., которая в этом плане была проведена исключительно неэффективно и некреативно. Такое пренебрежение «коммуникативностью» привело к резкой «просадке» рейтингов власти в целом и президента России в частности. Более того, крайне неудачно было выбрано время для такой спорной инициативы — практически сразу после триумфальной победы В. В. Путина на президентских выборах, когда его поддержало рекордное число избирателей. И вот вместо «бонусов» и благодарности власть неожиданно реализует непопулярную и необязательную реформу (именно так это было воспринято в российском обществе), которая породила фактически на ровном месте рост протестных и оппозиционных настроений. А ведь даже такую спорную «новеллу» можно было предварительно смягчить соответствующими информационной и PR-кампаниями [1].

¹ URL: <https://www.anekdot.ru/id/690252/>

Откровенно беспомощной оказалась PR-реакция официальных лиц (в том числе, «профильных») и на развязанную против России «допинговую войну». И если своих граждан удалось утихомирить достаточно невнятной патриотической риторикой, то для внешнего мира PR-аргументов вообще не нашлось. В итоге все завершилось крайне болезненным для отечественного национального самосознания выступлением российских спортсменов в «нейтральном» статусе под олимпийским флагом.

Несмотря на то, что уже более 30 лет назад наша страна «отказалась» от марксизма, в среде элиты очень устойчивым является тезис о базисе и надстройке в плане того, что именно «базис определяет надстройку». Причем такая точка зрения доминирует как у тех, кто получил образование и профессиональную подготовку во времена СССР, так и у «рыночников», которые, по аналогии с марксистами, также считают, что «бабло (сиречь ресурсное обеспечение) решает все», и надстройка является не более чем вспомогательным антуражем серьезной политики и серьезного бизнеса.

Еще одной серьезной «надстроечной» недоработкой российской власти последних лет стало слабое информационное сопровождение чемпионата мира по футболу 2018 г. Причем в данном случае претензии можно предъявить не столько по поводу основной части мундиала (здесь все было сделано практически безукоризненно), сколько в плане постэффектов. Чемпионат мира был проведен на таком высоком уровне, что его итоги можно было бы с выгодой «смаковать» в информационном пространстве минимум год. Однако практически сразу после

церемонии закрытия главного футбольного фестиваля планеты тема чемпионата мира парадоксальным образом исчезает из медийных потоков. Таким образом, Российская Федерация недополучила значительную часть PR-эффектов, в том числе пропагандистского плана, которые явногодились бы в рамках начавшейся «новой холодной войны» с Западом. Тем не менее в 2018–2021 гг. такого рода «звоночки» не насторожили российскую власть и не привели к кадровым и содержательным оргвыводам.

В-третьих, пренебрежение PR-составляющей в обеспечении первой фазы СВО было обусловлено неверием профильных руководителей в эффективность деятельности отечественных СМИ и политтехнологов, особенно на внешнем контуре. Многие представители российской элиты считали (да и считают), что западные оппоненты имеют колоссальное преимущество перед российскими массмедиа, и пытаются противодействовать им в международном масштабе — абсолютно бесперспективно. В то же время упускается из вида тот факт, что российские СМИ и соцсети до сих пор являются весьма значимыми источниками информации на постсоветском пространстве, а именно в отношении населения ближнего зарубежья в первую очередь должна вестись разъяснительная и имиджевая работа.

В-четвертых, слабость, а в некоторых случаях и отсутствие вменяемой PR-поддержки российской СВО на Украине были обусловлены кадровыми раскладами сил в отечественном истеблишменте. Традиционно сфера СМИ, политтехнологий и PR в условиях многосоставной путинской элиты была «закреплена» за системными либералами, которые в большинстве своем являются западниками и противниками «мобилизационного общества»². До определенного момента Кремлю удавалось «покупать» их лояльность, однако начало СВО многими из них было воспринято как переход командой Владимира Путина внутриэлитных «красных линий». Поэтому часть из них открыто выразила свое несогласие с линией власти, а другая предпочла вести подпольную работу, фактически саботируя информационное и PR-сопровождение спецоперации. И лишь

² URL: <https://publications.hse.ru/mirror/pubs/share/folder/fvctzlmuhq/direct/117034469>

ряд жестких оргвыводов³ руководства страны привел к тому, что российская информационно-пропагандистская машина стала работать хотя бы относительно продуктивно.

Какие основные ошибки «пиаровского» и «коммуникативного» плана, допущенные российской стороной в ходе первой части СВО, можно выделить?

Во-первых, это уже упомянутая кадровая неготовность к информационному, пропагандистскому и PR-обеспечению масштабной военной операции. Помимо уже упоминавшегося саботажа данных направлений частью фрондирующей бюрократии и «четвертой власти», сюда можно отнести также фактическое отсутствие на 24 февраля 2022 г. пула военкоров (далее он был создан, но в авральном режиме и с определенными издержками). Также недостаточным оказался ресурс «ольгинцев», которым на первом этапе СВО с успехом противодействовали центры информационно-психологических операций (ЦИПО) и ряд других украинских «ботоферм»⁴. Тем не менее данное информационно-пропагандистское противостояние в сети Интернет в целом завершилось победой российской стороны, которой оказало существенное содействие непрофессиональное волонтерское сообщество так называемых «диванных войск» [2], инициативно сформированное еще в 2014 г.

В то же время информационные «диванные» волонтеры СВО не получили поддержки со стороны власти, которая сконцентрировалась на официальной пропаганде и (особенно в начале СВО) всячески купировала неформальную агитационно-пропагандистскую и информационную работу. Так, например, российским военным было запрещено размещать «неуставные» фото- и видеоматериалы в соцсетях, причем к таковым относился не только «неосторожный» контент, способный «слить» позиции наших войск, но также контент «провоцирующий», к которому на тот момент отнесли материалы о нанесении ударов по вражеским позициям, съемки убитых противников, видео о захвате пленных. В итоге на первом этапе лишь кадры, игнорировавшие такого рода запреты, выступили (и весьма успешно) в качестве

источника живой информации с театра боевых действий. Несколько позже запрет был снят, но некоторые ограничения все равно сохранились. В частности, в информационном поле СВО до сих пор цензурятся свидетельства об издевательствах и пытках в отношении наших военнопленных со стороны украинских силовиков, хотя дозированный пробор этой темы, с одной стороны, позволил бы дополнительно обосновать проведение спецоперации и перетянуть на свою сторону колеблющиеся слои российского общества, а с другой — развеял бы панические и алармистские слухи «сарафанного радио».

Во-вторых, на редкость вялыми и некреативными были меседжи, слоганы и образы, которые использовала российская сторона в информационно-пропагандистской борьбе с оппонентами. Причем в этом плане она нередко проигрывала не только западным, но даже украинским пиарщикам. Например, ощущался и до сих пор ощущается дефицит жизненных и запоминающихся образов СВО. Так, наивная старушка с красным флагом (при всем к ней уважении)⁵, вышедшая встречать освободителей, была явно не выигрышным персонажем для раскрутки в качестве символа спецоперации в силу архаики и нехаризматичности. Опять же, умильным, но не мобилизующим является образ мальчугана Алёшки (Алёши Павличенко из Белгородской области), который регулярно бегаёт приветствовать проходящие российские воинские части⁶. При этом собственно герои СВО подаются как в традиционных СМИ, так и на официальных ресурсах российской власти в сети Интернет очень казенно и буднично. Даже фотографии, на которых изображены как живые, так и павшие солдаты и офицеры, берутся из «парадных» официальных баз данных. Что же касается выигрышных моментов, то они либо являются случайными (например, обыгрывание букв «О», «V», «Z», изначально предназначавшихся лишь для обозначения направлений ударов наших войск), либо, опять же, спонтанно возникали «снизу» в ходе народного информационного творчества (вроде культовой раскрутки командира российских

³ URL: https://polit.ru/news/2022/03/15/cantlieguys/?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop

⁴ URL: <https://ria.ru/20220513/tsipso-1788372942.html>

⁵ URL: <https://memepedia.ru/babushka-z-kto-takaya-babushka-s-krasnym-flagom/>

⁶ URL: <https://memepedia.ru/shokolad-aleshka-i-malchik-z/>

морпехов с позывным «Струна», более известного как «Красный рюкзак» и завоевавшего симпатии аудитории своими профессиональными действиями во время штурма Мариуполя). Но даже со своими раскрученными символами и образами российская сторона обращается крайне небрежно. Так, «бабушку с Красным флагом» преждевременно «засветили» и позволили СБУ вывезти ее на подконтрольную Украине территорию⁷, а командира морских пехотинцев не уберегли от вражеской мины, в результате чего он стал инвалидом⁸. Более того, эта кампания запомнилась также гибелью некоторых знаковых персон, ставших символами сопротивления на Донбассе. В частности, в начале августа 2022 г. в результате обстрела Горловки погибла Ольга Качура (позывной «Корса»), один из культовых персонажей «Русской весны» 2014 г., единственная в ДНР женщина-полковник, которая очень эффективно командовала дивизионом РСЗО «Град»⁹.

В-третьих, российская военная кампания ведется (за редким исключением) чисто технически, без нанесения по противнику информационных, имиджевых и психологических ударов. Понятно, что существует определенная дипломатическая и гуманитарная составляющая противостояния, что исключает, например, нанесение массированных ударов по украинским крупным городам или же атаки на реальные центры принятия решений. Однако возникает вопрос: что мешает, по образцу югославской операции США 1999 г., разрушить фактически пустующий административный квартал в Киеве, чтобы создать у киевлян (в большинстве своем — сторонников войны с Россией) ощущение безысходности и обреченности? И это при том, что украинская сторона не стесняется извлекать такого рода пропагандистские и пиар-дивиденды: взять хотя бы атаку на штаб ВМФ России в Крыму [3], обстрел Запорожской АЭС¹⁰, провокацию

в Буче или террор в отношении пророссийских общественников на освобожденных территориях Украины.

В-четвертых, крайне неубедительно обстоит дело с формированием образа врага. Конечно, основной целью российской СВО является не борьба с братским украинским народом (о чем неоднократно говорил В. Путин [4]), а денацификация и демилитаризация бандеровского режима. Однако даже при этом российская пиар- и информационная политика является очень противоречивой и непоследовательной. Так, например, нет четкой, однозначной и убедительной оценки русофобской политики Украины начиная с 1991 г.; нет единства в оценке современной «незалежной» элиты (с одной стороны, «нацисты и наркоманы», с другой — «украинские партнеры»); не сформулированы (хотя бы в диапазоне «программа-минимум» и «программа-максимум») цели и задачи СВО. Все это приводит к тому, что в определенные моменты (например, во время латентных стамбульских переговоров¹¹) наше общество «лихорадит», патриотическая общественность (а именно она является в настоящий момент «стержнем» общественной поддержки власти) начинает «пожарить», а российская бюрократия (как гражданская, так и силовая) замирает в раздумьях относительно «генеральной линии» власти. Более того, даже в отношении открытых нацистов (например, из «Азова» и других нацбатов) и иностранных наемников нет единой и четкой сформулированной позиции. Изначально заявлялось о том, что это военные преступники, которые не подлежат обмену и заслуживают самой суровой кары, однако потом начались определенные «маневры» и «исключения», результатом чего стало освобождение под благовидным предлогом даже культовых для украинской стороны персон, вроде убежденной нацистки Юлии Паевской (позывной «Тайра») [5].

Справедливости ради, необходимо отметить, что в последние месяцы (начиная с июня 2022 г.) в PR-сопровождении СВО наблюдаются некоторые позитивные подвижки, хотя в информационно-пропагандистском плане мы все равно пока продолжаем проигрывать нашим оппонентам.

⁷ URL: https://www.1tv.ru/news/2022-05-08/428319-babushka_kotoraya_vyshla_k_ukrainskim_voennym_s_krasnym_znamenem_zhiva_i_nahoditsya_v_harkove

⁸ URL: <https://kovi.ru/morpeh-s-pozyvnyim-struna/>

⁹ URL: <https://www.5-tv.ru/news/396666/legendarnaa-artilleristka-olga-korsa-pogibla-pri-obstrele-vdnr/>

¹⁰ URL: https://ria.ru/20220812/zaes-1809185486.html?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

¹¹ URL: <https://inforuss.info/chto-dejstvitelno-proizoshlo-v-stambule/>

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Шатилов А. Б. Пенсионеры 2.0. URL: <https://iz.ru/715184/aleksandr-shatilov/pensionery-20>.
2. Шатилов А. Б. «Диванные войска» как новая форма информационно-пропагандистского сопровождения политических и военных конфликтов в начале XXI в. *Власть*. 2014;(7):56–58.
3. Вадатурский Г. Атака на штаб ЧФ в Севастополе: кто, как и зачем это сделал. URL: <https://sevastopol.su/news/ataka-na-shtab-chf-v-sevastopole-kto-kak-i-zachem-eto-sdelal>
4. Путин В. Об историческом единстве русских и украинцев. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>
5. Джерелиевский Б. Операция «Обмен». URL: https://img.segodnia.ru/content/258651?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D

REFERENCES

1. Shatilov A. B. Pensioners 2.0. URL: <https://iz.ru/715184/aleksandr-shatilov/pensionery-20>. (In Russ.).
2. Shatilov A. B. Sofa troops as a new form of information and propaganda support for political and military conflicts at the beginning of the 21st century. *Power*. 2014;(7):56–58. (In Russ.).
3. Vadatursky G. Attack on the headquarters of the Black Sea Fleet in Sevastopol: Who, how and why did it. URL: <https://sevastopol.su/news/ataka-na-shtab-chf-v-sevastopol-kto-kak-i-zachem-eto-sdelal>. (In Russ.).
4. Putin V. On the historical unity of Russians and Ukrainians. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/news/66181>. (In Russ.).
5. Dzherelievsky B. Operation “Exchange”. URL: https://img.segodnia.ru/content/258651?utm_source=yxnews&utm_medium=desktop&utm_referrer=https%3A%2F%2Fyandex.ru%2Fnews%2Fsearch%3Ftext%3D. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Александр Борисович Шатилов — кандидат политических наук, профессор, декан факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Aleksandr B. Shatilov — Cand. Sc. (Political), Professor, Dean of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-4776-0934>
ashatilov@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.08.2022; принята к публикации 13.08.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 01.08.2022; accepted for publication on 13.08.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-77-81
УДК 32.327.83(045)

Перспективы развития политико-экономических аспектов экологической повестки в условиях антироссийских санкций

К.Т. Лукьяненко

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В последние годы растет количество проблем, сопряженных с экологией и соответствующими политико-экономическими эффектами. Данная тенденция наблюдается как во внутрироссийской среде, так и в рамках международных отношений. В условиях современной геополитической обстановки и новых реалий, связанных с внешним санкционным давлением на Российскую Федерацию, вопросы экологической повестки как инструмента политико-экономического воздействия на общество и государства приобретают особую значимость, однако до настоящего времени они слабо раскрыты в российской политической науке. В статье рассматриваются основные тенденции и перспективы развития некоторых сторон экологической повестки в условиях антироссийских санкций.

Ключевые слова: экология; внешнеэкономические отношения; международные отношения; суверенитет; санкции; социальные протесты; экономический кризис; гражданское общество; СНГ

Для цитирования: Лукьяненко К.Т. Перспективы развития политико-экономических аспектов экологической повестки в условиях антироссийских санкций. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):77-81. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-77-81

ORIGINAL PAPER

Development Prospects of Political and Economic Aspects of the Environmental Agenda in Anti-Russian Sanctions

K.T. Lukyanenko

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

In recent years, the number of problems associated with the environment and the corresponding political and economic effects has been growing. The author observed this trend both in the internal Russian environment and within the framework of international relations. The current geopolitical situation and new realities associated with external sanctions pressure on the Russian Federation faces issues of the environmental agenda as a tool of political and economic impact on society and states are of particular importance. So far, they have been poorly disclosed in Russian political science. The paper considers the dominant trends and prospects for the development of some aspects of the environmental agenda in anti-Russian sanctions.

Keywords: ecology; foreign economic relations; international relationships; sovereignty; sanctions; social protests; economic crisis; civil society; CIS

For citation: Lukyanenko K.T. Development prospects of political and economic aspects of the environmental agenda in anti-russian sanctions. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):77-81. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-77-81

В последние годы тема экологии стала популярной во всем мире. Данная тенденция имеет различные проявления: от активизации экологических правозащитников на местных уровнях до введения экономических ограничений в отношении

отдельных стран, которые не соответствуют экологическим стандартам отдельных государств или надгосударственных образований (например, Европейского союза).

Проявление активизации экологической повестки в последние годы наглядно проявляется

в ее политизации, социальных настроениях общества, экономических аспектах (в том числе, в рамках осуществления внешнеэкономической деятельности).

Рассматривая изменения социальных настроений в данном контексте за последние годы в России, стоит в первую очередь отметить возрастающую численность различных правозащитных общественных объединений, которые в рамках своей деятельности сосредоточены на вопросах экологии. Причем, временами данные объединения возникают стихийно, за счет консолидации населения вокруг решения конкретной или потенциальной экологической проблемы (митинги против вырубки леса, строительства мусоросжигающего завода и т.д.).

Ярким примером служит волна неополитических экологических протестов, которые периодически возникают в стране начиная с 2017 г., связанных с так называемым «мусорным кризисом»¹ (например, протесты на станции Шиес, начавшиеся в 2018 г. против строительства мусорного полигона²). В рамках данных протестных акций граждане объединяются и коллективно выступают против строительства на прилегающих к местам их проживания территориях каких-либо объектов по хранению или переработке мусорных отходов различных классов. В данных ситуациях примечательно то, что указанные протесты носили преимущественно неполитический характер и фактически являлись проявлением активной позиции гражданского общества, будучи направленными на решение или привлечение внимания к проблематике местного или регионального характера.

Следует отметить, что, с учетом «естественного» происхождения указанных социальных протестов и зачастую низкого уровня экологической и правовой грамотности участвующих в данных акциях лиц, существует определенный риск возможного манипулирования общественным мнением со стороны заинтересованных сил и последующего обострения (радикализации) ситуации в конкретном ре-

гионе или вокруг конкретного предприятия за ее счет политизации.

При указанных тенденциях данные протесты становятся одним из составляющих элементов процесса политизации экологической повестки, что в настоящее время активно происходит в общемировом формате. Так, например, увеличивается число различных экологических партий в парламентах стран Европейского союза. Количество мандатов Европейской партии зеленых в Европарламенте увеличилось с 11 в 1984 г. до 67 в 2022 г.³ Если же говорить о политизации экологического движения в России, то она проявляется как в существующих политических партиях («Единая Россия»⁴, «Справедливая Россия — Патриоты — За Правду»⁵), так и в структурных переменах непарламентских партий («Партия Зеленых», в которой в 2021 г. был сменен председатель⁶), а также в повышении внимания к экологическим вопросам со стороны Администрации Президента Российской Федерации в части проведения массовых медийных мероприятий по данной теме⁷.

Вместе с тем политизация экологической повестки может оказывать деструктивное воздействие на российское общество и государственную систему при соответствующем стимулировании социальных и политических настроений со стороны сил, заинтересованных в дестабилизации внутривнутриполитической ситуации в Российской Федерации.

Так, например, можно наблюдать преувеличенно негативное освещение последствий каких-либо событий, произошедших в России, связанных с экологией, со стороны некоторых зарубежных СМИ, которые затем активно тиражируются в социальных сетях лидера-

³ Интернет-ресурс «Википедия»: «Европейская партия зеленых». URL: <https://ru.wikipedia.org/wiki/>

⁴ Официальный сайт Всероссийской политической партии «Единая Россия» — «Народная программа — Экология для жизни». URL: <https://er.ru/party/program?page=9>

⁵ Официальный сайт Всероссийской политической партии «Справедливая Россия — Патриоты — За правду» — «Народная программа — Экология для жизни». URL: <https://er.ru/party/program?page=9>

⁶ Официальный сайт издания «РБК»: «Партия зеленых выбрала нового председателя». URL: <https://www.rbc.ru/rbcforenews/60a0246a9a79475c75a71fae>

⁷ Официальный сайт издания «РИА Новости»: «Кириенко возглавил оргкомитет форума Экосистема». URL: <https://ria.ru/20220425/kirienko-1785387843.html> (дата обращения: 28.04.2022).

¹ Официальный сайт газеты «Ведомости»: «Мусорный кризис». URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/03/13/753286-musornii-krizis>

² Официальный сайт издания «Новая Газета»: «Ну-ка тихо, устроили тут Шиес». URL: <https://novayagazeta.ru/articles/2021/12/07/nu-ka-tikho-ustroili-tut-shies>

ми общественного мнения оппозиционного толка с целью формирования последующей политической платформы на базе протестного электората. Иными словами, за счет внешнего информационного нагнетания ситуации с целью формирования соответствующего общественного мнения (а иногда и фэйковых вбросов в медиапространство умышленно дискредитирующей информации по экологической повестке) заинтересованные стороны пытаются активизировать протестный потенциал российского населения. В этом контексте важно отметить, что экологические проблемы являются такой темой, которая вовлекает в себя даже пассивные группы населения. Это происходит из-за того, что вопросы экологии связаны со здоровьем самих граждан и благополучием окружающей среды.

Обозначенные экономические тенденции могут иметь ряд негативных последствий в контексте их использования в отношении Российской Федерации. Вместе с тем современные реалии вынуждают комплексно пересмотреть текущую роль экологической повестки, как в рамках внутривнутриполитических, так и внешнеполитических блоков.

Также одним из направлений политизации экологической темы является активное использование данной проблематики в рамках предвыборных кампаний и политических заявлений отдельных должностных лиц, в том числе в рамках обоснования необходимости тех или иных действий со стороны представителей органов государственной власти, например в части законодательства⁸. Причем, данные заявления и действия можно наблюдать как со стороны как представителей органов государственной власти Российской Федерации, так

и должностных лиц иностранных государств, что также имеет множество различных проявлений как политического, так и экономического характера, которые затрагивают, в том числе, вопросы международных экономических отношений и экспортно-импортных межстрановых процессов.

Рассматривая проблемы, связанные с экономическими аспектами экологической повестки (в том числе, в рамках осуществления внешнеэкономической деятельности), стоит отметить наличие устоявшихся тенденций, которые до настоящего времени находились в стадии стабильного развития, но в рамках антироссийских санкций со стороны отдельных иностранных государств стали претерпевать все большие институциональные изменения.

Так, например, последние события в сфере введения трансграничного углеродного регулирования⁹, акцептованные государствами — членами Европейского союза, создали новые реалии, к которым многие суверенные государства не были готовы, в частности те, чья экономика является экспортной и сырьевой.

Другим примером экономического воздействия может быть введение дополнительных требований к экологическому соответствию товаров, поставляемых в ту или иную страну, что на какое-то время вынуждено прервет существующий производственный цикл или сделает их поставку невыгодной для экспортеров. При этом важно отметить, что данные дополнительные критерии могут быть введены с пониманием технологических особенностей функционирующих производственных циклов в тех или иных странах. Например, для стран бывшего советского блока можно выделить ряд характерных технологических особенностей, в том числе в части выброса загрязняющих веществ при осуществлении производства на оборудовании того времени, что позволяет ввести такие требования, которые фактически будут оказывать экономическое давление исключительно эти страны. Данная технология экономического давления может осуществляться не только в рамках соблюдения интересов отдельных государств, но и в интересах

⁸ Официальный сайт Российского совета по международным делам — экологические заявления ЕС. URL: <https://russiancouncil.ru/analytics-and-comments/analytics/novaya-ekologicheskaya-povestka-es-ekologicheskii-populizm-versus-ekologicheskaya-praktika/>

⁹ Официальный сайт консалтинговой компании «EY»: «Механизм трансграничного углеродного регулирования». URL: https://www.ey.com/ru_ru/tax/tax-alert/2021/07/ey-mehanizm-transgranichnogo-uglerodnogo-regulirovaniya-20-july-2021-tax-rus

крупных финансово-промышленных групп и национальных корпораций.

Таким образом, экологическая повестка в последние годы активно используется в качестве инструмента экономического воздействия на международные рынки и отдельные государства.

Обозначенные экономические тенденции могут иметь ряд негативных последствий в контексте их использования в отношении Российской Федерации. Вместе с тем современные реалии вынуждают комплексно пересмотреть текущую роль экологической повестки, как в рамках внутривнутриполитических, так и внешнеполитических блоков.

Рассматривая указанные экологические вопросы с точки зрения Российской Федерации в условиях внешнего санкционного давления, в первую очередь стоит выделить следующие вероятные тенденции:

- В части перспектив дальнейшего развития социальных настроений на фоне вызовов, связанных с экологией, может произойти обострение и учащение локальных протестов на муниципальном и региональных уровнях с активным медиасопровождением российских оппозиционных блогеров и средств массовой информации (в том числе, зарубежных) с целью оказания точечного воздействия как на конкретные отрасли/предприятия/должностных лиц, так и на повышение общего протестного потенциала российского населения. В этом случае перед профильными государственными структурами Российской Федерации встанет задача создания механизма оперативного устранения потенциальных точек «экологической напряженности» в регионах. Потенциально действенным механизмом здесь могут быть социально ориентированные некоммерческие организации, профильные пророссийские общественные объединения которых могут в такой ситуации выступать в качестве независимых медиаторов и способствовать выстраиванию конструктивного диалога между гражданами и представителями власти на местах. Также для предотвращения возникновения точек напряженности необходимо повысить уровень доверия населения к профильным органам государственной власти за счет создания прозрачного механизма (в том числе, в рамках общественного контроля) принятия

решений по проблемным вопросам, последствия решения которых могут иметь общественный резонанс.

- Что касается дальнейшей политизации экологической повестки, то во всем мире происходит усиление данного процесса: зачастую экологические проблемы используются в качестве обоснования целесообразности принятия тех или иных политических и управленческих решений. Российские оппозиционные силы при поддержке СМИ, спонсируемых из-за рубежа, используют экологическую тематику для создания протестных настроений среди населения. При этом важно отметить, что органы государственной власти и парламентские политические партии зачастую поступают аналогичным образом, однако их деятельность освещается в средствах массовой информации в недостаточной мере. Политизация экологической тематики, к сожалению, не приводит к действенной экологической политике, поэтому государству важно улучшать качество информационного сопровождения, чтобы повысить уровень доверия со стороны населения. Важно, чтобы стихийные экологические протесты на фоне социального недовольства не перерастали в несистемные политические акции и движения, что является особенно опасным в условиях внешнего санкционного давления в отношении Российской Федерации и антироссийской информационной кампании, которая проводится рядом иностранных СМИ.

- Необходимо развивать практику надгосударственного регулирования экологических требований, предъявляемых к импортируемым товарам и ресурсам: от введения дополнительного налогообложения в формате экологических сборов до запрета на поставку отдельных видов товаров и ресурсов из конкретных государств. При этом важно, что внешние ограничения будут в значительной мере отражаться на внутренних экономических процессах и непосредственном функционировании тех или иных предприятий. Наглядный пример представляет собой декарбонизация в рамках «Зеленой сделки»¹⁰ Европейского союза. В настоящий момент

¹⁰ Официальный сайт ИМЭМО РАН: «Европейская зеленая сделка — первая годовщина». URL: <https://www.imemo.ru/publications/relevant-comments/text/evropeyskaya-zelenaya-sdelka-pervaya-godovshtina>

многие государства перестали отрицать декарбонизацию на ключевых рынках сбыта у регуляторов и компаний, но некоторые вопросы в рамках надгосударственного регулирования экологических проблем остаются открытыми:

- необходимость оперативной и своевременной выработки согласованных решений по экономическим аспектам в области экологии и климата в условиях стремительно меняющихся реалий;

- высокий уровень риска возникновения деструктивных экономических последствий от «вынужденной» декарбонизации национальных экономик и транснациональных проектов, в том числе, по сырьевому экспорту;

- высокая степень неопределенности функционирования механизма распределе-

ния транснационального углеродного квотирования, в том числе, в условиях производства и развития международной кооперации;

- большая дифференциальность в уровне технологической готовности предприятий и национальных экономик к переходу на «зеленую повестку».

Указанные вопросы отражают часть тех рисков, которые возникают и сохраняют свою актуальность, в том числе, перед Российской Федерацией и рядом государств СНГ. Вместе с тем важно отметить, что в условиях антироссийских санкций требуется осуществление соответствующих мер оперативного реагирования со стороны профильных органов государственной власти в целях нивелирования негативных социальных, политических и экономических эффектов.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Кирилл Тимурович Лукьяненко — студент 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Kirill T. Lukianenko — 2nd year Master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2556-7295>

Lukianenko0817@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.04.2022; принята к публикации 15.05.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 22.04.2022; accepted for publication on 15.05.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-82-88
УДК 330.322(045)

Многосторонняя цифровая инвестиционная платформа – новый институт развития инфраструктуры отечественного бизнеса

И.Г. Прохорова^а, П.В. Разов^б, К.В. Вольф^с, В.А. Гамза^д, Н.В. Кривошеин^е

^{а, б, с} Финансовый университет, Москва, Россия;

^{с, д} ТПП РФ, Москва, Россия;

^е Инвестиционно-консалтинговая компания «Центр-регион», Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье говорится о проекте по цифровой трансформации отечественного инвестиционного рынка. Торгово-промышленная палата Российской Федерации, Центр изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста» и Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации приступили к его реализации, что позволит осуществить беспрецедентное по масштабу вовлечение денежных средств владельцев частных, государственных и зарубежных капиталов в деятельность по финансированию реального сектора отечественной экономики.

Ключевые слова: инвестиционные проекты; инвестиции; российский инвестиционный рынок; цифровизация; национальная инвестиционная экосистема; экономическая социология

Для цитирования: Прохорова И.Г., Разов П.В., Вольф К.В., Гамза В.А., Кривошеин Н.В. Многосторонняя цифровая инвестиционная платформа – новый институт развития инфраструктуры отечественного бизнеса. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):82-88. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-82-88

ORIGINAL PAPER

Multilateral Digital Investment Platform: A New Institution for the Domestic Business Infrastructure Development

I.G. Prokhorova^а, P.V. Razov^б, K.V. Wolf^с, V.A. Gamza^д, N.V. Krivoshein^е

^{а, б, с} Financial University, Moscow, Russia;

^{с, д} Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russia;

^е Center-Region Investment and Consulting Company, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper describes the project for the digital transformation of the domestic investment market. The Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, the Center for the Study and Monitoring of the Effectiveness of Measures of Socio-Economic Support for Industry and Entrepreneurship “Locomotives of Growth” and the Financial University under the Government of the Russian Federation have launched a project on the digital transformation of the domestic investment market, which will allow for unprecedented scale involvement of funds of owners of private, state and foreign capital in the activity of financing the real sector of the domestic economy.

Keywords: investment projects; investments; Russian investment market; digitalization; national investment ecosystem; economic sociology

For citation: Prokhorova I.G., Razov P.V., Wolf K.V., Gamza V.A., Krivoshein N.V. Multilateral digital investment platform: A new institution for the domestic business infrastructure development. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):82-88. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-82-88

ВВЕДЕНИЕ: ЛОГИКА ЦИФРОВИЗАЦИИ ИНВЕСТИЦИОННОГО РЫНКА

Многолетний опыт деятельности различных финансовых институтов развития Российской Федерации позволил накопить сравнительно большой объем информационно-методических, научных и организационных подходов к развитию отечественного инвестиционного рынка. Объясняется это тем, что на сегодняшний день все еще сохраняется высокая степень вероятности утраты конкурентоспособности и инвестиционной привлекательности национального бизнеса как на мировом, так и на внутреннем рынке, в силу отставания в темпах и масштабах развития, а главное — готовности к внедрению новых технологий [1]. Практическая работа по привлечению инвестиций для финансирования проектов (особенно региональных) в реальном секторе отечественной экономики пока еще только набирает необходимые обороты. Так, в доковидном 2019 г., по результатам традиционных презентационных сессий, проводимых Торгово-промышленной палатой Российской Федерации и ее региональными отделениями, на рассмотрение инвесторам удалось передать всего около 100 проектов. Соизмеримые результаты имеют и другие структуры, занимающиеся массовым продвижением инвестиционных проектов, например фонд «Сколково» и тесно связанный с ним проект «Разведка боем», который за четыре года существования рассмотрел порядка 600 проектов (стартапов) и только 150 довел до потенциальных инвесторов. Фонд развития промышленности, имеющий в управлении государственные ресурсы, из 400–500 поступивших на рассмотрение проектов инвестирует в год всего 130–150. У основателя и руководителя венчурного фонда Draper Fisher & Jurvetson Тима Дрейпера (США) еще более скромные показатели процесса отбора проектов для инвестирования: из нескольких десятков тысяч бизнес-планов на «первую встречу» с инвестором выходят 700, из них 150 доходят до этапа Due diligence, и только 12–24 выходят на инвестирование — это называется «ракета Дрейпера» [2].

Ежегодно в нашей стране формируются десятки тысяч инвестиционных инициатив (бизнес-планов) предприятий реального сектора. В лучшем случае только десятая часть из них дойдет до потенциального инвестора, и только десятая часть этой десятой части получит средства для финансирования проектов. А как быть с остальными проектами?

Многие из них — вполне привлекательные как с организационной, так и с финансовой точки зрения, и не получили своего инвестора по причине слабой документальной проработки и отсутствия доступа к эффективным каналам продвижения. В этом потоке, безусловно, есть интересные, возможно, прорывные направления, в том числе стратегически важные для нашей страны — их нельзя пропустить в массе локальных инициатив. Решить эту проблему можно только с использованием современных масштабируемых цифровых технологий, которые позволят найти интересные проекты даже в самых отдаленных уголках нашей страны.

В последнее время все субъекты отечественного инвестиционного рынка объявили о стратегическом продвижении в сторону цифровизации и создании собственных информационных систем, предназначенных для работы с обращениями предпринимателей, включая содействие в привлечение инвестиций. Однако на практике (за редким исключением) они по-прежнему рассматривают эту деятельность как консультационную услугу по экспертизе и корректировке проекта, бизнес-планированию и рассылке потенциальным инвесторам информации о проектах, фактически выполняя функции консультационной фирмы или агентства по привлечению инвестиций, что требует решения на принципиальном уровне, так как является комплексным проектом национального значения.

Отечественное деловое сообщество имеет ресурсные возможности (финансовые, кадровые, научные) и способно путем внедрения новых цифровых технологий оптимизировать сложные процессы привлечения инвестиционных ресурсов, вывести их на качественно новый уровень, расширить источники инвестиций за счет технологий краудфандинга и блокчейна, распространить электронные платежные системы как альтернативы традиционным, обеспечить переход к персонализированным финансовым и инвестиционным стратегиям, агрегировать фрагментированные региональные инвестиционные рынки и большинство их игроков в единую, саморазвивающуюся систему, которую, следуя современным терминологическим тенденциям, можно назвать Национальной инвестиционной экосистемой.

Площадкой для формирования и развития Национальной инвестиционной экосистемы может стать виртуальный гибрид инвестиционного рынка — сетевая многосторонняя цифровая платформа, обладающая набором необходимых

инструментов — программных приложений и сервисов, ориентированных на обеспечение прямого взаимодействия и осуществления транзакций между инициаторами инвестиционных проектов и потенциальными инвесторами.

КЛЮЧЕВОЕ ПЛАТФОРМЕННОЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЕ

Главной привлекательной формой активности на проектируемой платформе является процедура «купли-продажи» инвестиционного проекта, которую осуществляют ключевые пользователи: инициаторы проектов и потенциальные инвесторы. Основными единицами при обмене ценностями являются: с одной стороны, визуализированный пакет документов, раскрывающий содержание и подтверждающий статус инвестиционного проекта, позволяющий потенциальным инвесторам принять решение, стоит ли его поддержать, а с другой стороны, формализованное в виде соглашения об обязательствах намерение инвестора финансировать выбранный проект. Контакт между сторонами взаимодействия осуществляется через видеоконференцию во время регулярных презентационных онлайн-сессий. Кроме того, потенциальный инвестор может выбрать заинтересовавший его проект на постоянно действующей виртуальной выставке и самостоятельно выйти на личную связь с его инициаторами по персональным каналам.

Материалы инвестиционного проекта доставляются до «покупателя» после прохождения 4-уровневой системы фильтров, включающей:

- поисковый запрос инвестора, автоматизированную рейтинговую экспертизу и выбор наиболее перспективных проектов по формальным признакам; систему автоматизированной упаковки проекта, унифицированную под единый стандарт (важное значение здесь приобретает наличие цифровых копий правоустанавливающих и иных документов, в том числе соглашения с подрядными организациями);
- заключения различных экспертиз;
- документы о предоставлении налоговых льгот и преференций;
- рекомендательные письма авторитетных партнеров и т. п. и документально подтвержденные рекомендации региональных администраций, местных корпораций развития и деловых сообществ.

Покупателям и продавцам инвестиционного проекта, которые нашли друг друга на платфор-

ме, в дальнейшем удобнее будет перенести свои дальнейшие отношения в оффлайн для личного общения, так как они не могут далее развиваться удаленно. Однако это характерно для средних и крупных проектов, а малые проекты, включая стартапы на первых стадиях фильтрации, отбора и экспертизы, вполне могут получить финансирование, используя удаленные инструменты.

МАСШТАБИРОВАНИЕ ВЗАИМОДЕЙСТВИЙ

Для успешного роста и удержания пользователей на платформе большое значение имеют и другие типы взаимодействия. В настоящее время проектируются шесть модулей:

- *базовый*, обеспечивающий ключевое взаимодействие инициаторов и потенциальных инвесторов по «купле-продаже» инвестиционного проекта, включая 4-уровневую систему фильтров, стоящих на виртуальном пути продвижения проекта;

- *информационный*, в котором содержатся следующие базы данных: потенциальных инвесторов (с созданием аккаунтов для каждого инвестора); соискателей инвестиций (с созданием аккаунтов для каждого соискателя); государственных институтов финансовой и нефинансовой поддержки бизнеса; презентаций экономического потенциала и инвестиционного климата регионов РФ; частных лиц — специалистов, значимых в сфере инвестиций; инвестиционных предложений. Отдельный блок включает в себя выставку инвестиционных проектов, отраслевую библиотеку, методические рекомендации по упаковке инвестиционного проекта с образцами требуемых документов и пр.

- *рекламный*, обеспечивающий внутриплатформенную рекламу отдельных инвестиционных проектов («проект дня») и регионов РФ («регион дня»), а также продвижение платформы через публикацию новостей и рассылку актуальной информации, включающий: внутренние рекламные баннеры инвестиционных проектов и регионов РФ, опыт успешных инвестиционных сделок, рассылку актуальной информации о деятельности Национальной инвестиционной экосистемы, новостной блог инвестиционного рынка, прогнозы и аналитику инвестиционного рынка;

- *консультационный*, предлагающий помощь по администрированию бизнес-проектов пользователей платформы, включая услуги штатных консультантов платформы, а также других про-

фильных и сервисных компаний и организаций, обитающих на платформе;

- *коммуникационный*, состоящий из следующих приложений: система текстовой коммуникации с возможностью вложения файлов, система визуальной коммуникации (онлайн-конференции и др.), социальная сеть участников инвестиционной экосистемы;

- *образовательный* — виртуальный инвестиционный университет, предлагающий регулярные лекции и мастер-классы ведущих профильных преподавателей и ученых, специалистов инвестиционного рынка, руководителей государственных институтов развития, государственных и частных структур финансовой и нефинансовой поддержки бизнеса, частных банков, фондов и т.д.

Кроме вышесказанного, масштабирование платформы будет достигаться также интегрированием с информационными ресурсами государственных и негосударственных институтов финансовой и нефинансовой поддержки бизнеса, региональных властных структур, отраслевых сообществ, профильных учебных заведений.

ОРГАНИЗАЦИОННО-ТЕХНОЛОГИЧЕСКАЯ СТРУКТУРА ПЛАТФОРМЫ

В технологическом плане цифровая платформа представляет собой сетевую информационную систему для накопления, обмена и управления данными в структурированном виде, а также для вызова бизнес-функций с подключенными к ней через технологические интерфейсы информационными системами участников платформы.

По мере развития дополнительных сервисов и открытия доступа к платформе независимым компаниям через интерфейс программирования приложений (инструменты API), платформа становится многосторонней [3]. Термин «многосторонность» в данном случае означает возможность доступа к платформе для различных групп участников, а не ее тематическое разнообразие.

Схематично архитектура цифровой платформы представлена на *рисунке*.

Все взаимодействия на проектируемой платформе осуществляют пять основных групп пользователей: собственники и менеджеры; сервисные поставщики; обычные пользователи платформы; потенциальные инвесторы; независимые пользователи платформы, заинтересованные в развитии инвестиционных процессов. В последнюю, пятую группу, входят представители

властных структур, специалисты профильных и сервисных компаний и организаций, отраслевые сообщества, преподаватели и студенты профильных вузов и др.

Организационная структура этой экосистемы носит сетевой характер и очень близка структуре кластера, хотя, в отличие от последнего, не локализована на ограниченной территории, а имеет масштабное экономико-географическое влияние. Автор термина «бизнес-экосистема» Джеймс Ф. Мур дает его определение: «Расширенная система взаимодействующих организаций, сообщества клиентов, поставщиков, ведущих производителей и других заинтересованных сторон, финансовые сообщества, торговые ассоциации, профсоюзы, государственные и квазигосударственные институты, которые сосредоточены вокруг ключевого продукта» [4].

УПРАВЛЕНИЕ ПЛАТФОРМОЙ И ЕЕ РЕАЛИЗАЦИЯ

Управление многосторонней цифровой платформой, несмотря на ее способность к саморазвитию в условиях беспрецедентной прозрачности генерируемых бизнес-процессов, все-таки необходимо, потому что абсолютно свободные рынки обречены на сбой. Сбой рыночного механизма в целом порождается информационной асимметрией, внешними обстоятельствами, властью монополий и различными финансовыми рисками, а грамотное управление помогает предотвращать и ослаблять его [5].

Для нашей платформы, вероятно, наиболее оптимальным является двойное решение: открытый вариант для высокотехнологичных стартапов, малого бизнеса, администраций регионов РФ, преподавателей и студентов профильных вузов и закрытый — для традиционных и дорогостоящих бизнесов средних и крупных предприятий. Здесь уместно было бы использовать стратегию «большого взрыва» — традиционный маркетинговый ход, привлекающий моментальное внимание и практически сразу подключающий большое количество участников экосистемы [6].

Реализация данного проекта на практике выглядит так: сначала реализуется оффлайновая (неплатформенная) часть проекта, затем, по мере успеха, создается цифровая платформа, куда переходят целевые клиенты и начинают пользоваться предложениями партнеров (гибридная стратегия). Здесь наиболее интересным является возможность использования участников партнерств, созданных ТПП РФ и проектом «Локомотивы роста» на базе

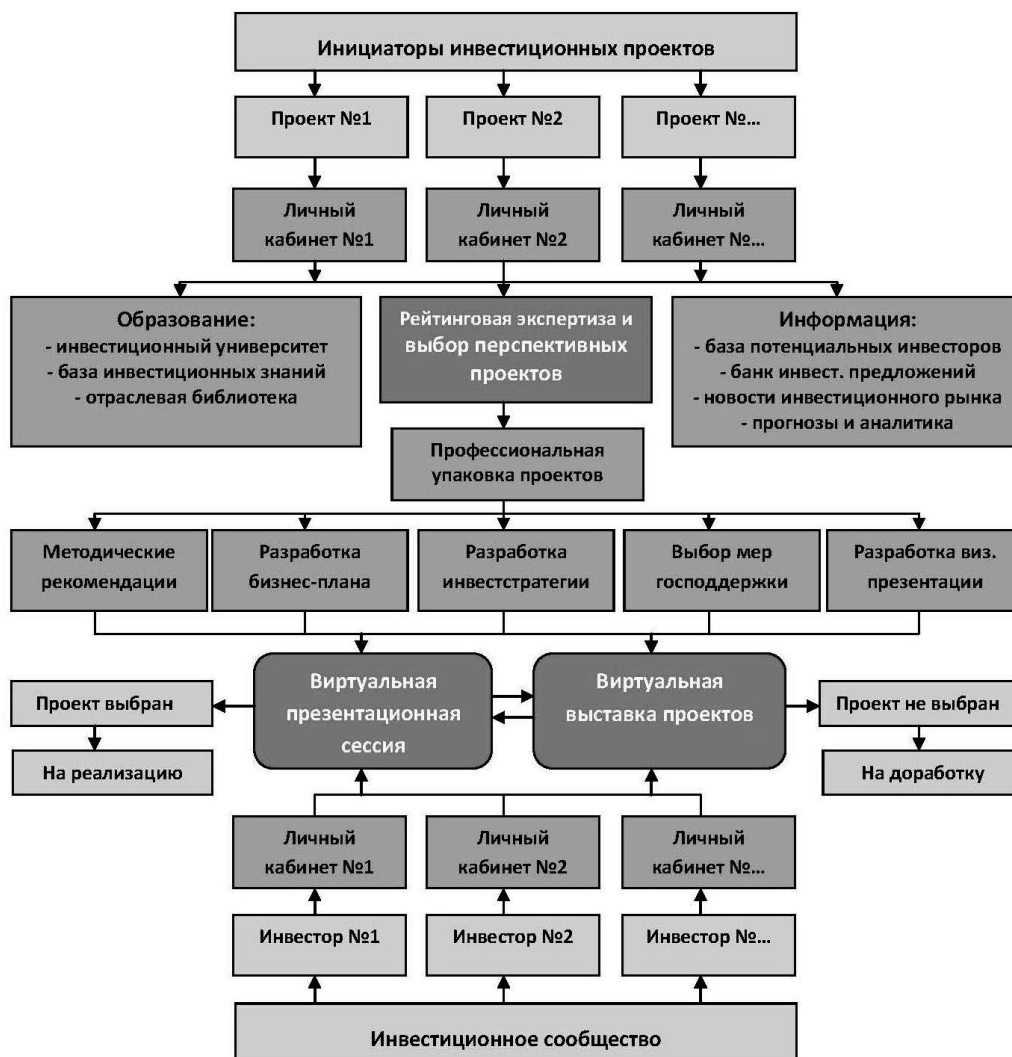

Рис. / Fig. Пользовательская база платформы: Национальная инвестиционная экосистема / Platform user base: National investment ecosystem

Источник / Source: составлено авторами / compiled by the authors.

Финансового университета. Также это могут быть известные инвестиционные структуры (ВЭБ РФ, Роснано, Сколково, РВК и др.), федеральные структуры нефинансовой поддержки бизнеса (АСИ и др.) или крупные общественные предпринимательские организации (ТПП РФ, РСПП и др.).

ВЫВОДЫ

Подводя итог, необходимо отметить, что взрывной рост рыночной капитализации

цифровых платформ и размеров созданных на их основе экосистем — мировая тенденция настоящего времени. Платформы повышают эффективность бизнес-процессов, обеспечивают быстрые коммуникации, создают возможности для развития экономики совместною пользования, снижают роль географических, временных и иных факторов, влияющих на социально-экономические процессы.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Черкасова Т.П., Бандурин И.А., Черкасов Е.Л. Инвестиционная привлекательность бизнеса в контексте банковской политики создания цифровых экосистем. *Государственное и муниципальное управление. Ученые записки.* 2020;(1):160–164.
2. Наумова Г.А., Ахременко О.Ю. Современные модели оценки эффективности инновационных проектов с учетом инвестиционных рисков на ранних стадиях Pre-seed и Seed. *Вестник ВГУ. Серия 10.* 2013;2(9):27–33.

3. Маркова В.Д. Бизнес-модели компаний на базе платформ. *Вопросы экономики*. 2018;(10):127–135.
4. Moore J.F. The rise of a new corporate form. *Washington Quarterly*. 1998;21(1):167–181.
5. Паркер Д., Альстин М., Чаудари С. Революция платформ. М.: Манн, Иванов и Фербер; 2017.
6. Моазед А., Джонсон Н. Платформы. Практическое применение революционной бизнес-модели. М.: Альпина Паблишер; 2019.

REFERENCES

1. Cherkasova T.P., Bandurina I.A., Cherkasov E.L. Investment attractiveness of business in the context of the banking policy of creating digital ecosystems. *State and municipal administration. Scientific notes*. 2020;(1):160–164. (In Russ.).
2. Naumova G.A., Akhremenko O. Yu. Modern models for evaluating the effectiveness of innovative projects, taking into account investment risks at the early stages of Preseed and Seed. *Bulletin of VSU. Series 10*. 2013;2(9):27–33. (In Russ.).
3. . Markova V.D. Business models of companies based on platforms. *Questions of Economics*. 2018;(10):127–135. (In Russ.).
4. Moore J.F. The rise of a new corporate form. *Washington Quarterly*. 1998;21(1):167–181.
5. Parker D., Alstin M., Chaudari S. Platform revolution. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. (In Russ.).
6. Moazed A., Johnson N. Platforms. Practical application of a revolutionary business model. Moscow: Alpina Publisher; 2019. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ирина Геннадьевна Прохорова — ассистентка департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет; главный специалист центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста», Финансовый университет, Москва, Россия

Irina G. Prokhorova — Assistant of the Department of Sociology of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University, Chief Specialist of the Center for Studying and Monitoring the Effectiveness of Measures of Socio-economic Support of Industry and Entrepreneurship “Locomotives of Growth”, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-2703-2569>

IGProkhorova@fa.ru

Павел Викторович Разов — доктор социологических наук, профессор, заместитель руководителя департамента социологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций по учебно-методической работе, Финансовый университет, Москва, Россия

Pavel V. Razov — Dr. Sci. (Soc.), Professor, Deputy Head of the Sociology Department of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications of the Financial University for Educational and Methodological Work, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7884-4973>

PVRazov@fa.ru

Константин Владимирович Вольф — директор центра изучения и мониторинга эффективности мер социально-экономической поддержки промышленности и предпринимательства «Локомотивы роста», Финансовый университет; член Совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты РФ, Москва, Россия

Konstantin V. Wolf — Director of the Center for the Study and Monitoring of the Effectiveness of Measures of Socio-Economic Support for Industry and Entrepreneurship “Locomotives of Growth”, Financial University; Member of the Council for Financial, Industrial and Investment Policy of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0003-3360-9448>

KVVolf@fa.ru

Владимир Андреевич Гамза — председатель Совета по финансово-промышленной и инвестиционной политике Торгово-промышленной палаты РФ, член правления Торгово-промышленной палаты РФ, Москва, Россия

Vladimir A. Gamza — Chairman of the Council on Financial, Industrial and Investment Policy of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Member of the Board of the Chamber of Commerce and Industry of the Russian Federation, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5775-9494>

KVWolf@fa.ru

Николай Викторович Кривошеин — генеральный директор инвестиционно-консалтинговой компании «Центр-регион», Москва, Россия

Nikolay V. Krivoshein — General Director of the Center-Region Investment and Consulting Company, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0981-8218>

krivoshein@yandex.ru

Заявленный вклад авторов:

И.Г. Прохорова — разработка общей концепции статьи и раздела «Ключевое платформенное взаимодействие».

П.В. Разов — разработка общей концепции статьи и раздела «Масштабирование взаимодействий».

К.В. Вольф — разработка общей концепции статьи и раздела «Управление платформой и ее реализация», выводы.

В.А. Гамза — разработка вступительной части статьи «Введение: логика цифровизации инвестиционного рынка».

Н.В. Кривошеин — разработка общей концепции статьи и раздела «Организационно-технологическая структура платформы».

Authors' declared contributions:

I. G. Prokhorov — development of the paper's general concept and the section "Key platform interaction".

P. V. Razov — development of the paper's general concept and the section "Scaling interactions".

K. V. Wolf — development of the paper's general concept and the section "Platform management and its implementation", Conclusion.

V. A. Gamza — development of the introductory part of the paper "Introduction: The logic of digitalization of the investment market".

N. V. Krivoshein — development of the paper's general concept and the section "Organizational and technological structure of the platform".

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 05.06.2022; принята к публикации 25.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 05.06.2022; accepted for publication on 25.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96
УДК 32(045)

Современные исследования политической идентичности российской молодежи*

С.В. Расторгуев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье представлен обзор современных исследований политической идентичности российской молодежи. Под молодежью понимаются представители поколений миллениалов и зумеров. Концепт политической идентичности определен как отождествление индивида с группой с общими политическими ценностями, историческими нарративами, предпочтениями в моделях поведения. Определено, что авторы уделяют значительное внимание исследованию молодежного онлайн-активизма. Это обусловлено значительной ролью социальных медиа в жизни молодежи. Установлено, что для большинства молодых людей в повседневной жизни политические вопросы не являются приоритетными. Авторы отмечают интерес молодежи к проблемам социальной справедливости и гарантий социально-экономических прав. В период высокой политической динамики молодежь активно включается в различные политические процессы. Вопрос о наличии межпоколенческого разрыва в политических ценностях и поведении остается дискуссионным. Лояльность молодежи политической системе страны непосредственно связана с концептом легитимности политического режима. Автором обозначены перспективные направления исследований политической идентичности молодежи в современных условиях.

Ключевые слова: молодежь; политическая идентичность; онлайн-активизм; политические ценности; поколенческий разрыв

Для цитирования: Расторгуев С.В. Современные исследования политической идентичности российской молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):89-96. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96

ORIGINAL PAPER

Modern Studies of the Political Identity of Russian Youth**

S.V. Rastorguev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper presents an overview of modern studies of the political identity of Russian youth. Youth refers to representatives of millennials and zoomers. The concept of political identity is defined as the identification of an individual with a group united by political values, historical narratives, preferences in behavior models. It is determined that the authors pay considerable attention to the study of online youth activism. It caused this the significant role of social media in the lives of young people. The research established that political issues are not a priority for most young people in everyday life. The authors noted the orientation of young people on issues of social justice and guarantees of socio-economic rights. During the period of high political dynamics, young people are actively involved in various political processes. The matter of the existence of an intergenerational gap in political values and behavior remains debatable. The loyalty of young people to the political system of the country is directly related to the concept of the legitimacy of the political regime. The author identifies promising areas of research on the political identity of young people in modern conditions.

Keywords: youth; political identity; online activism; political values; generational gap

For citation: Rastorguev S.V. Modern studies of the political identity of Russian youth. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):89-96. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-89-96

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансового университета.

** The article was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University.

Проблемное поле политической идентичности включает в себя такие темы, как национальная, конфессиональная, информационная, молодежная, образовательная политика; политика памяти; конструирование образа будущего; технологии управления общественным сознанием; политическое участие и политическая культура. Состояние и тенденции политической идентичности представляются значимым фактором коммуникации институтов государства и общества. С другой стороны, сама политическая идентичность является сложным, многосоставным явлением, аккумулирующим в себе разнообразные векторы стихийных и целенаправленных процессов. В эпоху глобальной информатизации и постмодерна концепт политической идентичности переосмысливается в контексте широкой вариативности индивидуального и группового выбора, «мягкого» и «жесткого» маркетинга альтернативных ценностей, символов. Ставятся под сомнение идеи территориального суверенитета, ориентация на традиционные институты культуры, права государства санкционировать и оценивать историческое прошлое. Особую актуальность теме исследования придает полиэтничный, поликонфессиональный характер России, наличие полярных позиций по поводу оценки некоторых исторических фактов и персоналий, противоречивые, кризисные последствия постсоветского периода. Можно утверждать, что процесс диалога о доминирующей политической идентичности России продолжается с 1991 г. в консенсусной и конфронтационной формах.

Концепт политической идентичности можно рассматривать по-конструктивистски — как проект коллективного сообщества, отличающегося от других значимых сообществ, со своими ценностями, языком, историческими маркерами [1]. Идентичность предполагает универсальное разделение по линии «свой-чужой» (трайбализм), определение и выстраивание приоритетов в ценностях и практиках (иерархия), формирование картины мира и желаемого образа будущего (мифотворчество). Политическая идентичность связывается с процессом отождествления индивида с коллективом с такими же символами и ценностями, придающими смысл текущим и историческим событиям, формирующими модели поведения [2]. Среди отечественных исследователей тематика политической идентичности не является приоритетной. Проведенный С. Н. Федорченко

метаанализ российских публикаций показал, что наибольшее внимание уделено изучению социального, национального, культурного и этнического типов идентичности [3].

Сложившиеся приоритеты объясняются следующими причинами. Во-первых, социальная и культурная идентичности являются общемировым исследовательским мейнстримом, открывающим широкие возможности изучения разнохарактерных меньшинств, выделенных по демографическим, гендерным, символическим, поведенческим характеристикам. Поскольку социальная сфера и культура являются предельно универсальными понятиями, то их конкретное содержание может включать практически неограниченное количество классификационных множеств. Во-вторых, национальная (национально-государственная идентичность) представляет основной интерес для государства как основного политического института общества, стремящегося разрабатывать и применять разнообразные политики для интеграции многочисленных социальных групп в относительно единое сообщество — российское общество. В-третьих, полиэтничный и поликонфессиональный характер российского общества естественным образом стимулирует значительное внимание к изучению сюжетов схожести и различия этнических групп, самоидентификации на основе примордиализма, конструктивизма, инструментализма. В-четвертых, политическая идентичность представляется многосоставным конструктом, актуализируемым в специфическом политическом поле, которое само по себе уступает по объему повседневным практикам социальных и культурных полей.

Фокусирование проблематики политической идентичности на демографической группе молодежи происходит по нескольким причинам. Во-первых, в большинстве европейских стран, так же, как и в России, данная категория становится относительно малочисленной на фоне сокращения рождаемости и увеличения продолжительности жизни. Это оказывает воздействие на рынок труда, пенсионные планы, систему социального страхования, миграционную политику. А указанные факторы влияют на политическую самоидентификацию молодежи. Впервые в истории человечества возникает проблема обеспечения нетрудоспособного старшего поколения за счет практически равного по численности трудоспособного населения, что приводит к перераспределению ресурсов. Место классовых

и межэтнических конфликтов может занять межпоколенческое противостояние в форме разнообразных возрастных дискриминаций. Органы государственной власти, политические партии, общественные организации находятся в поисках новых форм интеграции поколений.

Во-вторых, молодежь — это, прежде всего, представители поколений миллениалов (поколение Y) и зумеров (поколение Z), сформировавшиеся под влиянием процессов глобализации и цифровизации, привычные к высоким стандартам потребительского общества, плюрализму во всех сферах общественной жизни. Молодежь поколений Y и Z принципиально отличается от более старших поколений отсутствием опыта жесткого идеологического противостояния конкурирующих общественно-политических систем, дефицита и узкого ассортимента товаров и услуг. В силу возрастных характеристик молодежь наиболее ориентирована на модернизацию и поиск своего места в настоящем и будущем [4, 5]. Современные молодые люди характеризуются относительно высокой толерантностью к представителям аутгрупп, с которыми сами себя не идентифицируют. Данная характеристика сказывается как на политической самоидентификации молодого поколения, так и на технологиях политических антрепренеров, стремящихся оказать влияние на политические взгляды и поведение молодежи. В качестве политических антрепренеров выступают органы государственной власти, стремящиеся направить политическую активность молодых людей в конвенциональные формы, а также представители несистемной оппозиции, делающие ставку на социальные сети как инструмент мобилизации молодежи на неконвенциональные акции [6, 7]. В современном обществе конвенциональные и неконвенциональные формы активности в ряде случаев оказываются взаимоперекрещивающимися. Взгляды, сформированные в рамках образовательных учреждений, получают практическое воплощение в формах вооруженного экстремизма, уличных протестов, кибербуллинга, навязывания корпоративных правил политической корректности на рабочем месте, требований толерантности в общественных пространствах.

В-третьих, закон эволюции общества в целом и отдельных сфер в частности предполагает «генетическую передачу» наиболее адаптивных идей и практик по наследству. Именно молодежь выступает крайним звеном в цепи культурно-

го развития, которое, в свою очередь, передаст культурный потенциал следующим поколениям. Поэтому политическая идентичность современной молодежи является индикатором не только в среднесрочном периоде 15–20 лет (когда она станет основой трудоспособного и политически активного населения), но и в долгосрочном, когда будет осуществляться трансляция политических ценностей будущему поколению. Вместе с тем политическая самоидентификация индивида не предполагает раз и навсегда выбранную политическую позицию, поскольку в процессе вторичной социализации человек становится членом новых групп, меняет статусы и роли. На политическую идентичность также оказывают воздействие факторы, формирующиеся и влияющие на индивида не только из политического, но и экономического, социального, культурного полей.

В работе В.В. Титова показано различие в онлайн-активизме представителей поколений миллениалов и зумеров. Если более старшее поколение — миллениалы — достаточно рационально критикуют конкретные проблемы внутренней политики правительства в социально-экономической сфере и в управлении на различных уровнях, то более молодое поколение — зумеры — концентрируются на эмоциональном выражении недовольства абстрактной социальной несправедливостью и неясностью перспектив в будущем. Онлайн-активисты поколения Z не только более критичны к старшему поколению, чем миллениалы (что можно объяснить традиционным противостоянием отцов и детей), но и менее лояльны к представителям своего поколения, не разделяющим их иррациональный протестный порыв [8]. Возрастные особенности зумеров приводят к максимизации радикализма, что может быть использовано для онлайн-мобилизации различными политическими силами. Исторический опыт протестных действий — от классических до цветных революций и студенческих выступлений — свидетельствует о значительном потенциале молодежного радикализма, особенно в случае увеличения доли молодежи в структуре населения. Российские кейсы участия молодежи в протестных акциях 2017–2021 гг. показали наличие ядра активистов именно из поколения зумеров [9].

Степень вовлеченности современной российской молодежи в политику измеряют посредством социологических опросов, которые в среднем показывают отсутствие интереса к политике

примерно у 58% респондентов [10, 11]. У более старших поколений интерес к политическим вопросам выражен значительно сильнее [12]. Полученные результаты интерпретируются, прежде всего, не как сознательная аполитичность молодежи, а как естественное преобладание других интересов: общение, досуг, спорт, профессиональные коммуникации. Исследователи цифровых следов в социальных медиа подтверждают результаты социологических опросов и фокус-групп: неполитические темы наиболее соответствуют стремлениям молодого поколения к развитию личностных качеств, инновационности, достижению поставленных целей [13, 14]. При этом в отдельные периоды молодые люди демонстрируют всплеск политической активности, например, на выборах Президента России 2018 г. процент проголосовавшей молодежи несколько превысил процент электорального участия других возрастных групп¹. Исследование мотивов участия молодежи в избирательных кампаниях выявило, что они весьма разнообразны и ситуативны: от желания хорошо провести время до принципиальной идеологической приверженности [15]. На степень политической активности молодежи влияют как объективные внутренние российские и внешние международные события, так и мода, задаваемая лидерами общественного мнения в социальных сетях. Осознание государственными органами власти значимости влияния на молодежь лидеров общественного мнения привело к активизации политики, нацеленной на профилактику радикализма, экстремизма, зарубежного воздействия на информационные потоки в сети Интернет.

Наиболее политизированной молодежной темой в социальных медиа оказалась экология, поскольку она достаточно приближена к локальным практикам повседневности. Проверка конкретными кейсами показала, что экологический активизм в социальных сетях не конвертируется в масштабные офлайн-акции [16, 17]. Это отчасти объясняется структурой и периодичностью экологической повестки — она включает в себя конвенциональные формы поведения (раздельный сбор мусора, экомониторинг, отказ от использования продуктов, загрязняющих окружающую среду), конкретные проблемы защиты

природы в период аварий, выбросов в результате хозяйственной деятельности. Вместе с тем онлайн-активизм может выступать в качестве средства политической мобилизации для уличных протестов [18]. Проактивные протестные действия на ранних стадиях реализации одобренных властями экологически опасных проектов хотя и несут в себе наибольшие риски на муниципальном или региональном уровнях, однако имеют незначительный потенциал распространения на общенациональный уровень. Суммарно менее 10% современной российской молодежи проявляет высокий уровень политической активности как на стороне органов власти, так и на стороне оппозиции [19].

На основе обработки результатов массового опроса молодежи Е. В. Бродовской и Т. Хуанга в 2019 г. были выявлены следующие типы субъектов протестного потенциала: «зрители» (самая многочисленная категория, более 50%), «вовлеченные» (треть выборки), «активисты» (7%), «лидеры» (5%) [20]. «Зрители» и «вовлеченные» характеризуются нацеленностью в первую очередь на частную жизнь, общение, семью, друзей, досуг, интересную работу. И только 12% «активистов» и «лидеров» демонстрируют готовность к протестной активности, что обусловлено, прежде всего, наличием у них ценностей самореализации в публичном пространстве.

На основе опроса, глубинных интервью, социально-медийного анализа, когнитивного картирования, проведенных в 2020 г., группа исследователей предложила следующую классификацию современной молодежи России по отношению к гражданскому активизму. «Лояльные акторы» и «оппозиционные акторы» (суммарно самая многочисленная группа — более одной трети) представлены субъектами с лидерскими качествами и опытом участия в реализации гражданских инициатив. При этом лояльные акторы нацелены на партнерство с органами власти, а оппозиционные ориентированы на протесты. Группа «вовлеченных» характеризуется конвенциональностью, критическим отношением к отдельным элементам внутренней политики страны, готовностью поддерживать гражданские инициативы и неготовностью участвовать в политических акциях. «Зрители» полностью сосредоточены на частной жизни и не проявляют желания участвовать в политических акциях, готовы в онлайн-формате поддержать гражданские инициативы. Количество «вовлеченных»

¹ Гражданский активизм. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf

и «зрителей» оказалось примерно равным. Самая малочисленная категория «выключенные» (15%) характеризуется неотзывчивостью к агитации на участие в гражданских инициативах в силу удовлетворенности жизнью [21].

Лояльность политической системе в целом и политическому режиму в частности тесно связана с концептом легитимности. Именно готовность населения признавать право органов государственной власти на монополии законного насилия, налогообложения, законотворчества характеризует способность системы адекватно отвечать на вызовы, поддерживать равновесие, модернизировать институты и практики. А.С. Буров предложил классификацию российской молодежи по критерию «степень политической лояльности» по четырем группам. Первая состоит из лояльных сложившейся политической системе активистов; вторая включает тех, кто критикует отдельные элементы политической системы, но готов к конвенциональным формам провластного политического участия; третья, наиболее многочисленная, включает аполитичную молодежь; в четвертой находятся нелояльные политической системе сторонники системной и несистемной оппозиции [22]. Для определения готовности группы к неинституциональным действиям в поддержку или против политической системы применяется объясняющая теория Дж.Т. Джоста, которая гласит, что групповая идентичность напрямую связана с верой в способность преодолеть несправедливость и изменить положение группы к лучшему [23].

Сравнительное исследование социально-политических взглядов российской и американской молодежи В.Н. Попова показало, что в России молодые люди ориентированы в первую очередь на гарантии соблюдения органами власти социально-экономических прав, решение вопросов неравенства, бедности. Они ожидают от государства активной социальной политики в целом и в отношении молодежи как наиболее уязвимой группы, в частности. Отдается предпочтение государственной форме собственности на крупные предприятия и солидарности вместо конкуренции [24]. Региональные исследования показывают, что в картине мира современной российской молодежи европейские стандарты, с одной стороны, рассматриваются как желанные (высокий уровень жизни, гражданские и политические свободы), а с другой стороны, как не соответствующие экономике, культуре и социуму современной России [25]. Ю.А. Пустовойт

посредством применения методов киберметрии обосновал на примере конкретных кейсов отсутствие межпоколенческого разрыва в ценностях молодежи и более старшего поколения. Были выявлены общие для двух поколений политические темы — запрос на социальную справедливость и проблема национальной идентичности [26].

Таким образом, можно констатировать, что политическая идентичность современной российской молодежи представляет значительный интерес для исследователей. В содержательном плане наибольший интерес вызывают выводы о готовности молодежи к активным политическим действиям, о доминирующих ценностях политической культуры. В методологическом плане представляется перспективным исследование политической идентичности молодежи посредством методов киберметрии, поскольку молодое поколение активно использует мессенджеры и социальные сети. В ближайший период следует ожидать новые исследования политической идентичности российской молодежи в связи со значительными внешнеполитическими изменениями, произошедшими после начала специальной военной операции 24 февраля 2022 г.

Можно предложить следующие актуальные сюжеты исследования политической идентичности современной российской молодежи:

- Социологические измерения отношения молодежи к внутренней и внешней политике России и зарубежных стран в аспектах проведения специальной военной операции, антироссийских санкций, реформирования информационных, миграционных, образовательных, экономических потоков.
- Изменение поведения в средствах массовой коммуникации в связи с ограничением деятельности ряда социальных сетей и интернет-ресурсов, признанием отдельных лидеров общественного мнения иностранными агентами.
- Поиск идеологических конструктов для интерпретации происходящих глобальных изменений и формирования новых рамок «картины мира».
- Государственные и партийные стратегии в отношении молодежи с целью политической мобилизации для решения масштабного междивизиационного вызова.
- Пересмотр целей и образцов образовательной и воспитательной работы и гармонизация их с интересами молодежи как отдельной социальной группы, общества и государства.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Тимофеев И. Н. Политическая идентичность России в постсоветский период: альтернативы и тенденции. М.: Издательство МГИМО-Университет; 2008.
2. Дробижева Л. М. Смыслы общероссийской гражданской идентичности в массовом сознании россиян. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(4):480–498. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>.
3. Федорченко С. Н. Формирование новых идентичностей на постсоветском пространстве: между реальным и цифровым миром. *Журнал политических исследований*. 2021;5(3):3–15. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389079>.
4. Зубок Ю. А. Молодежь: жизненные стратегии в новой реальности. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):9–10. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>.
5. Петухов В. В. Российская молодежь и ее роль в трансформации общества. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;3(157):119–138. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>.
6. Пырма Р. В. Теоретические аспекты исследования политических предпочтений российской молодежи. *Власть*. 2020;(4):157–160.
7. Митрахович С. П. Актуальные тенденции во внутривнутриполитических и внешнеполитических настроениях российской молодежи. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2021;(2):61–68.
8. Титов В. В. Стратегии социального протеста молодежи в Рунете: сравнительный анализ поколений Y и Z. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2020;(3):149–150. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.16>.
9. Васильева Е. И., Зерчанинова Т. Е., Никитина А. С. Протестная активность молодежи: опыт сравнительного анализа возрастных групп. URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-172-182>
10. Попов Н. П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(1):126–152. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>
11. Гудков Л., Зоркая Н., Кочергина Е., Пипия К., Рысина А. Российское поколение Z: установки и ценности 2019–2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>
12. Гусев А. С. Формирование политической идентичности в современной России (на примере Санкт-Петербурга и Амурской области). Дисс. на соискание ученой степени канд. полит. наук. СПб.: Санкт-Петербургский государственный университет; 2014.
13. Шамионов Р. М., Суздальцев Н. В. Соотношение приверженности молодежи к социальной активности в интернете и физическом пространстве. *Вестник РУДН. Серия психология и педагогика*. 2022;19(1):21–38.
14. Григорьева М. В., Шаров А. А., Заграничный А. И. Структура и мотивация социальной активности и ее соотношение с гражданским самосознанием молодежи. *Социальная психология и общество*. 2022;13(1):146–152. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>
15. Гражданский активизм. Июль 2021. С. 136. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf (дата обращения: 11.06.2022).
16. Барсукова С. Ю., Звягинцев А. В., Лаптиева Л. С., Сафиуллина Э. И. Мотивы участия молодежи в избирательных кампаниях. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(4):300–318. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>
17. Гольбрайх В. Б. Экологические конфликты в России и цифровое сетевое участие. *Социологические исследования*. 2019;(6):74–85. URL: <https://doi.org/10.31857/S013216250005483-4>
18. Расторгуев С. В., Тянь Ю. С. Протестный экоактивизм в цифровой среде (на примере «Красноярского кейса»). *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2021;(6):53–75. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>
19. Ахременко А. С., Стукал Д. К., Петров А. П. Сеть или текст? Факторы распространения протеста в социальных медиа: теория и анализ данных. *Полис. Политические исследования*. 2020;(2):87–88. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>
20. Бродовская Е. В., Хуанг Т. Цифровое поколение: гражданская мобилизация и политический протест российской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: Экономические и социальные перемены*. 2019;(5):3–18.

21. Бродовская Е. В., Пырма Р. В., Домбровская А. Ю. Гражданский активизм молодежи России: структура ролей, факторы формирования установок, триггеры роста протестного потенциала. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2020;10(6):39–48.
22. Буров А. С. Перспективные технологии формирования политически лояльной молодежи в современной России. *PolitBook*. 2021;(4):31–46.
23. Гулевич О. А., Гусева В. В. Оправдание системы, групповая идентификация и политическое поведение: протесты в Хабаровском крае. *Социальная психология и общество*. 2021;12(3):9–22. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>
24. Попов Н. П. Сравнительный анализ социально-политических взглядов российской и американской молодежи. *Мониторинг общественного мнения: экономические и социальные перемены*. 2019;(1):135–136. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>.
25. Самаркина И. В., Морозова Е. В., Мирошниченко И. В. Восприятие Европы в молодежной среде в контексте новых реалий мировой политики (на материалах Краснодара). *Полис. Политические исследования*. 2018;(3):110–129. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08>
26. Пустовойт Ю. А. Мобилизационная повестка поколений в зеркале системы «IQBUZZ» (опыт анализа протестов в Сибирских городах). *Журнал политических исследований*. 2021;5(2):102–116.

REFERENCES

1. Timofeev I. N. Russia's Political Identity in the Post-Soviet Period: Alternatives and Trends. Moscow: MGIMO-University Publishing House; 2008. (In Russ.).
2. Drobizheva L. M. The Meanings of All-Russian Civil Identity in the Mass Consciousness of Russians. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(4):480–498. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.4.1261>. (In Russ.).
3. Fedorchenko S. N. Formation of new identities in the post-Soviet space: between the real and digital world. *Journal of Political Studies*. 2021;5(3):3–15. URL: <https://znanium.com/catalog/document?id=389079>. (In Russ.).
4. Zubok Yu. A. Youth: Life strategies in the new reality. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):9–10. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1688>. (In Russ.).
5. Petukhov V. V. Russian youth and its role in the transformation of society. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2020;3(157):119–138. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.1621>. (In Russ.).
6. Pyrma R. V. Theoretical aspects of the study of the political preferences of Russian youth. *Power*. 2020;(4):157–160. (In Russ.).
7. Mitrahovich S. P. Actual trends in the domestic and foreign policy moods of Russian youth. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*. 2021;(2):61–68. (In Russ.).
8. Titov VV Strategies of social protest of youth in Runet: A comparative analysis of generations Y and Z. *Monitoring of public opinion: Economic and social changes*. 2020;(3):149–150. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2020.3.16>. (In Russ.).
9. Vasilyeva E. I., Zerchaninova T. E., Nikitina A. S. Protest activity of youth: Experience of comparative analysis of age groups. URL: <https://doi.org/10.24412/2070-1381-2022-90-172-182>. (In Russ.).
10. Popov N. P. Comparative analysis of socio-political views of Russian and American youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(1):126–152. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>. (In Russ.).
11. Gudkov L., Zorkaya N., Kochergina E., Pipia K., Rysina A. Russian generation Z: Attitudes and values 2019–2020. URL: <https://library.fes.de/pdf-files/bueros/moskau/16135.pdf>. (In Russ.).
12. Gusev A. S. Formation of political identity in modern Russia (on the example of St. Petersburg and the Amur region). Diss. for the degree of Cand. Sci. (Pol.). St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2014. (In Russ.).
13. Shamionov R. M., Suzdaltsev N. V. The ratio of young people's commitment to social activity on the Internet and physical space. *Bulletin of RUDN University. Series psychology and pedagogy*. 2022;19(1):21–38. (In Russ.).
14. Grigor'eva M. V., Sharov A. A., Zagranichny A. I. The structure and motivation of social activity and its relationship with the civic consciousness of youth. *Social psychology and society*. 2022;13(1):146–152. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2022130109>. (In Russ.).
15. Civic activism. July 2021. P. 136. URL: https://sociodigger.ru/wp-content/uploads/2021/07/Grazhdanskij-aktivizm_july-2021.pdf. (In Russ.).

16. Barsukova S. Yu., Zvyagintsev A. V., Laptieva L. S., Safiullina E. I. Motives for youth participation in election campaigns. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2021;(4):300–318. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.4.1841>. (In Russ.).
17. Golbraikh V. B. Environmental conflicts in Russia and digital network participation. *Sociological research*. 2019;(6):74–85. URL: https://doi.org/10.31857/S_013216250005483-4. (In Russ.).
18. Rastorguev S. V., Tyan Yu. S. Protest eco-activism in the digital environment (on the example of the Krasnoyarsk case). *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2021;(6):53–75. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2021.6.2017>. (In Russ.).
19. Akhremenko A. S., Stukal D. K., Petrov A. P. Web or text? Drivers of Protest Spread in Social Media: Theory and Data Analysis. *Policy. Political studies*. 2020;(2):87–88. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2020.02.06>. (In Russ.).
20. Brodovskaya E. V., Huang T. Digital generation: civil mobilization and political protest of Russian youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(5):3–18.
21. Brodovskaya E. V., Pyrma R. V., Dombrovskaya A. Yu. Civil activism of the youth of Russia: the structure of roles, factors of formation of attitudes, triggers of growth of protest potential. *Humanities. Bulletin of the Financial University*. 2020;10(6):39–48.
22. Burov A. S. Promising technologies for the formation of politically loyal youth in modern Russia. *PolitBook*. 2021;(4):31–46. (In Russ.).
23. Gulevich O. A., Guseva V. V. Justification of the System, Group Identification and Political Behavior: Protests in the Khabarovsk Territory. *Social psychology and society*. 2021;12(3):9–22. URL: <https://doi.org/10.17759/sps.2021120302>. (In Russ.).
24. Popov N. P. Comparative analysis of socio-political views of Russian and American youth. *Monitoring public opinion: Economic and social changes*. 2019;(1):135–136. URL: <https://doi.org/10.14515/monitoring.2019.1.06>. (In Russ.).
25. Samarkina I. V., Morozova E. V., Miroshnichenko I. V. Perception of Europe among the youth in the context of the new realities of world politics (on the materials of Krasnodar). *Policy. Political studies*. 2018;(3):110–129. URL: <https://doi.org/10.17976/jpps/2018.03.08>. (In Russ.).
26. Pustovoit Yu. A. The mobilization agenda of generations in the mirror of the IQBUZZ system (the experience of analyzing protests in Siberian cities). *Journal of Political Studies*. 2021;5(2):102–116.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Сергей Викторович Расторгуев — доктор политических наук, профессор департамента политологии факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия
Sergey V. Rastorguev — Dr. Sci. (Pol.), Professor of the Department of Political Science, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow Russia
<https://orcid.org/0000-0003-1185-9374>
SRastorguev@fa.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 22.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.
Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.
The article was received on 22.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.
The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103
УДК 323(045)

Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации*

Д.Д. Осинина

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Данная статья посвящена анализу политической самоидентификации современной российской молодежи. Автор подчеркивает особую роль ценностно-смысловой сферы для процесса самоидентификации, так как она продуцирует политические символы и формирует отношение к ним. В статье доказывается, что из двух способов восприятия информации – когнитивного и оценочного – в процессе политической самоидентификации превалирует последний. Данный тренд активно поддерживается социальной средой, в которой живет молодежь. В итоге общий характер процессов политической самоидентификации современной российской молодежи носит незавершенный характер и обладает «контекстуально-лабильными» чертами. **Ключевые слова:** политическая идентичность; политическая самоидентификация; молодежь; социальная онтология; ценностные ориентации

Для цитирования: Осинина Д.Д. Базовая социальная онтология и ценностные ориентации современной российской молодежи: проблема политической самоидентификации. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):97-103. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103

ORIGINAL PAPER

Basic Social Ontology and Value Orientations of Modern Russian Youth: Political Self-Identification Problem**

D.D. Osinina

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

This paper considers the analysis of the political self-identification of modern Russian youth. The author emphasizes the special role of the value-semantic sphere in the process of self-identification, as it produces political symbols and forms an attitude towards them. The study proves that of the two ways of perceiving information – cognitive and evaluative – the latter prevails in the process of political self-identification. The social environment in which young people live actively supported this trend. As a result, the processes of political self-identification of modern Russian youth are incomplete and have contextually labile features. **Keywords:** political identity; political identity; youth; social ontology; value orientations

For citation: Osinina D.D. Basic social ontology and value orientations of modern russian youth: Political self-identification problem. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):97-103. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-97-103

Политическая идентичность населения является одним из ключевых маркеров устойчивости политической системы любого государства, отражая результат самоопределения индивидов в системе политических ориентаций.

При этом политические ориентации определяют допустимые для индивида поведенческие паттерны в рамках политических отношений.

Само понятие «идентичность» является многогранным, что связано с его междисциплинарностью. Если в середине прошлого столетия вопросами идентичности занимались в основном психологи, а «отцом» классического определения считался немецкий психолог Э. Эриксон, то к началу XXI в. идентичность стала объектом исследования философов, социологов, антропологов и, конечно,

* Статья подготовлена по результатам исследований, выполненных за счет бюджетных средств по государственному заданию Финансовому университету в 2022 г.

** The paper was prepared based on the results of research carried out at the expense of budgetary funds on a state order to the Financial University in 2022.

политологов. Принимая во внимание объект исследования — политическую самоидентификацию современной российской молодежи — в рамках данной работы мы сфокусируемся на двух социологических подходах к идентичности: конструктивистском и постмодернистском. Первый представлен британским социологом Э. Гидденсом, согласно которому индивид конструирует свое «я» путем саморефлексии, анализируя предлагаемые символическими системами варианты и стратегии [1, 2]. Постмодернистский подход к понятию «идентичность» пришел на смену конструктивистскому и представлен британским социологом З. Бауманом. Согласно его концепции, индивиды стоят перед необходимостью постоянного принудительного самоопределения, затрагивающего все сферы человеческого бытия [3]. При этом З. Бауман подчеркивает, что высокая динамика социально-политических процессов вкупе с трансформацией социокультурного пространства и сменой ценностных «стандартов» требуют от индивида «гибкости» и открытости в вопросах самоидентификации, что, в свою очередь, приводит к отсутствию целостности и завершенности данного процесса [3]. В итоге любая идентичность, включая политическую, становится «фрагментированной и атомизированной», а сам процесс самоидентификации остается незавершенным. В таком контексте на смену самоидентификации приходит выбор модели репрезентации согласно установленным среди социальной группы или всего населения ценностно-мировоззренческим стандартам [4].

Таким образом, самоидентификация — это процесс выбора и формирования индивидом своей идентичности через отождествление себя с определенной общностью [5]. Политическая самоидентификация связана с выбором политической идентичности на основе отождествления себя с символическим рядом и ценностной системой определенной политической общности, которые индивид может охарактеризовать как свои.

Исходя из всего вышесказанного, можно заключить, что важность анализа политической идентичности определяется выполняемыми ею функциями, а именно функцией политического самоопределения (на индивидуальном уровне) через поиск собственного «политического «я»»; функцией обеспечения «социального порядка» (на коллективном уровне); функцией интеграции и воспроизводства основных элементов политической системы. При этом особое значение процесса самоидентификации было описано еще в теории А. Маслоу и связыва-

лось с особенностями психики человека¹. Людям свойственна потребность чувствовать себя членом какой-то общности, т.е. быть в кругу единомышленников, ощущать духовную близость. В иерархии потребностей А. Маслоу она занимает третий уровень и является частью социальных потребностей наравне с любовью. Более того, концепция А. Маслоу коррелирует с подходом З. Баумана в части особой роли социального признания в жизни индивида. Так, признание и принятие со стороны сообщества или «братства» мотивирует человека на дальнейшие действия. Желание быть «принятым» особенно характерно для молодых людей, которые хотят найти свое место в обществе, а для этого необходимо соответствовать ценностным стандартам социальной общности, даже если они идут врозь с собственными убеждениями. Данный тезис можно перенести и на принципы политической самоидентификации современной молодежи, которая осуществляется в условиях «вполне определенной символической культурной среды», что подводит нас к анализу ценностных ориентаций молодежи [6], а они, в свою очередь, являются «продуктом» того социального пространства, в котором живет молодежь.

Поэтому выявление проблем политической самоидентификации современной российской молодежи связано с анализом социальной среды, которая задает рамки для этого процесса, — социальной онтологией. В этом контексте необходимо отметить следующее.

Во-первых, социум сталкивается с высоким темпом трансформации социальной структуры общества, в условиях которой «самоидентификация предстает в качестве проблемы самодетерминации» [3]. Примером может послужить систематическое повышение верхней возрастной границы социальной группы «молодежь»: если в соответствии с Конвенцией ООН от 1981 г. под молодежью подразумевались индивиды в возрасте 15–24 лет², то теперь Всемирная организация здравоохранения относит к молодежи людей в возрасте от 18 до 44 лет³. В таких условиях психологи отмечают удлинение периода взросления и поиска себя, оформленных в модную концепцию вечной молодости и эйдждизма.

¹ Теория развития личности Абрахама Маслоу. URL: <http://xn-108-iddybtxbgw3cxi.xn--p1ai/articles/maslow-theory/>

² Мир взрослеет, старость отступает. URL: <https://econs.online/articles/details/mir-vzrosleet-starost-otstupaet/>

³ Молодость продлили — классификация возрастов по ВОЗ. Посмотрите на свою жизнь по-новому. URL: <https://vgr.by/2021/02/10/molodost-prodlili-klassifikaciya-vozrastov-povoz-posmotrite-na-svoyu-zhizn-po-novomu/>

Данный тренд приводит к конфликту социального взросления и физиологического созревания, нарушающему естественные процессы психологического развития индивида, включающие появление собственной позиции, выраженного «я» вместо «мы», ответственности за свои поступки и свою жизнь и т.д. В итоге вслед за американским социологом Н. Постманом следует отметить, что для современного социума четко можно определить только две возрастные границы — «младенчество» и «старость», все остальное можно назвать «молодость» [7].

Для России указанный выше тренд длительное время оставался чем-то далеким и чуждым, прежде всего, благодаря сложившейся в СССР системе становления и развития индивида через поэтапную социализацию и приобщение к общественной жизни, за которую отвечала выстроенная система социальных институтов: октябрята, пионеры, комсомольцы и т.д. Взрослея, ребенок наделялся определенным уровнем обязанностей, вместе с которыми возрастал и уровень ответственности. Подобная система влияла на ценностно-мировоззренческие установки индивидов, отношение к Родине, семье и т.д. С распадом СССР наступила трансформация социокультурной системы, а развитие интернета и популяризация западной массовой культуры вылились в продвижение моды на вечную молодость, свободу и беззаботность, которые сегодня все чаще проявляются в виде инфантилизма и гедонизма. Так, среди ценностных установок старшекласников социологи выделяют гедонизм как стремление к наслаждению и удовольствию⁴. Несмотря на то что в России эйджизм пока распространен в меньшей степени, чем на Западе, обозначенные выше тенденции вкуче с изменением институциональной среды (повышением верхней возрастной планки для определения молодежи с 30 до 35 лет⁵) оказывают влияние на процессы культурной и цивилизационной самоидентификации индивидов. А они, в свою очередь, — на выработку ценностно-мировоззренческих ориентаций в социуме.

Во-вторых, современная социальная среда ставит индивида перед необходимостью постоянного выбора — будь то социальная роль, самодетерминация или самоидентификация. Выбор начинает возношаться в культ, его представляют как уникальное право человека, приравнивая к ценностям свободы

и демократии. В настоящее время, когда «ничто больше не дано раз и навсегда», выбор пронизывает всю человеческую жизнь, затрагивая те ее аспекты, которые раньше были непререкаемыми истинами (например, пол человека) [3]. Причем любой выбор сопровождается серьезным общественным давлением, и перед индивидом постоянно встает вопрос, насколько его выбор коррелирует с общественными стандартами. Сильнее всего такого рода давление ощущает молодежь, взросление и становление которой происходит в условиях подобной «нестабильности». Более того, вмняемый индивидам принцип вечного поиска своего «я», стремление к самосовершенствованию ведут к заикливание человека на самом себе. В итоге индивид «онтологически и нравственно предшествует обществу», его интересы и потребности становятся выше и важнее общественных [8]. А постоянное педалирование темы свободного и многообразного выбора, перед которым современных детей ставят с самого детства, зачастую приводит к обратному процессу — стремлению отгороженности от реального мира и построению собственного индивидуального пространства. Подобные тенденции выливаются в смещение социальных ориентиров и ценностей молодежи, которые фиксируют социологи. Так, если для абсолютного большинства представителей предыдущего поколения в число приоритетов входила карьера и материальный достаток, а молодые люди в хорошем смысле назывались «карьеристами», то сегодня молодежь все больше уделяет внимание хорошему эмоциональному климату (29%) и наличию свободного времени для своих увлечений (22%)⁶. В этом контексте интересны результаты еще одного опроса, проведенного Всероссийским центром изучения общественного мнения (ВЦИОМ) летом 2022 г.: среди опрошенной молодежи в возрасте от 18 до 34 лет более 96% ощущают упадок сил⁷. А главной причиной усталости молодежь называет учебу и работу (около 44% респондентов)⁸. В таких условиях налицо трансформация ценностных ориентиров молодого поколения, которое находится под влиянием западного тренда — страх и неготовность к социальным обязательствам, в числе которых работа, учеба, семья. Разумеется, это не значит, что абсолютно вся

⁴ Ученые выяснили, к чему стремятся российские подростки. URL: <https://ria.ru/20190726/1556881572.html>

⁵ Плюс пять лет. Госдума повысила возраст молодежи до 35 лет. URL: <https://rg.ru/2020/12/23/vozrast-molodezhi-povysili-do-35-let-vkliuchitelno.html>

⁶ Российская молодежь назвала свои самые важные жизненные приоритеты. URL: <https://iz.ru/1035152/2020-07-14/rossiiskaia-molodezh-nazvala-svoi-samye-vazhnye-zhiznennye-prioritety>.

⁷ Усталость и ее причины. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/ustalost-i-ee-prichiny>.

⁸ Там же.

молодежь подпадает под эту характеристику, однако социологические замеры позволяют нам выделить новые тренды в ценностно-мировоззренческих ориентациях молодого поколения.

В-третьих, для современной социальной среды характерна гиперболизация свободы, что зачастую выливается в новый популярный лозунг: «Каждый имеет право жить так, как он хочет» [9]. Данный принцип часто ошибочно относят к либерализму, с которым он на самом деле ничего общего не имеет, ибо либеральная теория поддерживает необходимость наличия «правил игры», обеспечивающих взаимосвязь «индивид-общество-государство». Напротив, озвученный выше лозунг, несмотря на популярность в странах западной демократии, характерен для либертарианской идеологии, в основе которой лежит абсолютная свобода и вседозволенность индивида. Идеологом современного либертарианства является Чандрэн Кукатас, профессор Лондонской школы экономики, анализ классической работы которого «Либеральный архипелаг» позволяет резюмировать, что за либертарианской идеологией не стоит ни гражданская, ни политическая идентичность, ибо она сфокусирована на идее индивидуальной свободы в крайне патологических вариациях и формировании индивидуального пространства вместо совместной жизни в социуме и нацелена на атомизацию общества.

В России, несмотря на слабость официального либертарианского движения, сами его идеи крайне популярны среди молодежи, что связано с ее ориентацией на западную массовую культуру, в том числе на голливудские фильмы, а также на зарубежных и отечественных блоггеров — носителей либертарианской идеи. В этом контексте показательны результаты социологических опросов Фонда общественного мнения, проводимых в 2018 г. Так, на вопрос о качестве соблюдения прав человека в России более 52% респондентов ответили негативно⁹. При этом 81% опрошенных подчеркнули, что лично с нарушением прав человека в России не сталкивались¹⁰. Приведенные данные демонстрируют популярность символа «свобода» среди молодых людей, на которую, по их мнению, постоянно хотят «покуситься». Отсутствие личного негативного опыта перестает быть для них ориентиром, ибо популярные в их среде лидеры общественного мнения озвучивают обратное. Интересна и позиция молодежи по поводу своей

политической идентичности: 28% респондентов в возрасте от 17 до 34 лет придерживаются социалистических идей, еще 20% — либеральных¹¹. Однако уточняющие вопросы демонстрируют отсутствие сформировавшейся системы политических взглядов, а также четкого представления о политических идеологиях¹². Ориентиром для самоидентификации молодых людей служат символы, распространенные в их социальной среде. Подобная система взглядов как раз и коррелирует с либертарианством, «упакованным» в красивую идею свободы и вседозволенности, за которой не стоит какая-либо гражданская или политическая идентичность.

В-четвертых, современная социальная среда состоит из двух «миров» — реального и виртуального, причем значение последнего в жизни людей серьезно возросло за последние годы [10]. Особую роль виртуальное пространство играет в жизни молодежи, что подтверждают данные социологических опросов: к примеру, в России молодые люди пользуются интернетом в восемь раз активнее, нежели возрастные россияне¹³. Уход в виртуальную реальность открывает новые возможности для индивида: с одной стороны, свобода и анонимность интернета позволяют молодым людям формировать желаемую версию себя, изменяя базовые характеристики личности (пол, возраст, этническую принадлежность), а также конструируя разные вариации себя, с другой — строить индивидуальную среду для самовыражения. Иными словами, интернет предоставляет полную свободу самоидентификации [10]. Подобный тренд приводит к тому, что индивид переживает отчуждение от себя реального, происходит так называемое «размывание личности» [6]. В таких условиях самоидентификация может быть охарактеризована как незавершенный процесс, обладающий, по определению отечественных социологов Е. Н. Даниловой и В. Я. Ядова, «контекстуально-лабильными» чертами [11].

В-пятых, для современной социальной среды характерно отсутствие цельных образов и смыслов, — на смену им пришли «куски» информации [10]. А смысловой ряд, по замечанию Э. Тоффлера, стал похож на «раскрошившиеся чипсы образов» [12]. В таких условиях у индивида отсутствует целостный

⁹ Гражданские права и свободы. Фонд общественного мнения, опрос от июня 2018 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/14053>

¹⁰ Там же.

¹¹ Взгляды и ценности молодых. Фонд общественного мнения, опрос от июня 2018 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13288>

¹² Взгляды и ценности молодых. Фонд общественного мнения, опрос от июня 2018 г. URL: <https://fom.ru/TSennosti/13288>

¹³ Чем российская молодежь отличается от своих родителей. Ведомости. URL: <https://www.vedomosti.ru/opinion/articles/2018/12/05/788410-rossiiskaya-molodezh>

образ, с которым можно было бы себя отождествлять, в то время как самоидентификация — это акт выбора своего «я».

В-шестых, молодежная социальная среда все реже характеризуется с позиций пространства и времени, а в отношении молодых людей исследователи стали чаще использовать определение, отражающее новый тип идентичности — «номадическая», подчеркивая отсутствие географической привязанности индивидов [13]. Сегодня молодые люди могут учиться и работать из любой точки мира, без привязки к конкретному месту жительства. Подобный тренд, безусловно, сказывается на мышлении индивида — оно приобретает черты наднационального, надстранового.

Описанная выше характеристика социального бытия и ценностных ориентаций современной российской молодежи выводит нас на пул ключевых проблем, среди которых:

- во-первых, проблема построения личных социальных связей¹⁴. Так, современная молодежь (не только российская) выросла в условиях популярности интернета и социальных сетей, которые для двух последних поколений сумели стать реальной альтернативой живому человеческому общению. Между тем, как было отмечено выше, виртуальное пространство «рисует» идеальные образы, далекие от реальности, а сама коммуникация далеко не всегда выстроена с реальными акторами (имеют место боты и т.д.). Напротив, самоидентификация — это в первую очередь психологический процесс, и связан он с диалогом, познанием и принятием характеристик определенной общности, с так называемой рефлексией, что в условиях доминирования виртуальной среды сделать достаточно сложно.

Более того, живое общение — это еще и обмен опытом, наличие реального представителя той общности, с которой собирается идентифицировать себя индивид. Интернет при всем своем многообразии инструментов коммуникации площадкой для обмена опытом и живой дискуссии в полной мере не является. Он, скорее всего, выступает в роли платформы для распространения символов и формирования оценочного фона вокруг них через простую систему реакций «лайк/дизлайк»;

- во-вторых, для современной молодежи характерен дефицит социального опыта, выраженный

в достаточно позднем социальном и эмоциональном созревании — о разнице между психологическим и социальным взрослением сегодня говорят как психологи, так и социологи [7]¹⁵. А именно социальный опыт важен для грамотного восприятия окружающего мира, познания всей «палитры» социальной реальности и принятия решения относительно собственной идентификации — политической или любой иной. Только через социальный опыт индивид соприкасается с реальностью самостоятельно, формируя индивидуальное представление о ней. В противном случае он является потребителем исключительно чужого оценочного восприятия и еще острее ощущает на себе ценностные «стандарты» социума;

- в-третьих, современная молодежь стремится уйти от социальных обязательств, в числе которых, прежде всего, семья и работа. Оба этих фактора связаны с ответственностью.

Сегодня социологи фиксируют инфантильность как характерную черту современной молодежи. Этому во многом способствует продление «эмоционального детства» (принятие решений и наличие личного мнения начинает отходить на второй план), результатом чего является социальный инфантилизм, нежелание брать на себя ответственность и принимать решения. Сегодня все чаще в психологической и педагогической литературе можно встретить термин «kid-adult», или «ребенок-взрослый», и твикстер (от англ. twixter) — человек, «застрявший» между детством и взрослостью;

- в-четвертых, боязнь ответственности порождает и еще одну психологическую реакцию — страх перед работой или любой целенаправленной деятельностью (так называемая эргофобия). В современном мире данный тренд чаще подаются как прагматичное отношение к собственному времени и трудозатратам на поиск информации и принятие решений. Сегодня сама среда обитания современной молодежи ориентирована на эмоциональное восприятие действительности, для нее характерен набор ярлыков и символов, вокруг которых идут процессы самоидентификации. Этому способствует целая череда факторов, а именно: превалирование виртуального пространства и интернет-коммуникации; упрощенное восприятие мира через категории «черное/белое» (в логике голливудских фильмов «плохой/хороший парень»); превалиро-

¹⁴ В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов. URL: <https://wciom.ru/sobytie/v-rossii-vyroslo-teplichnoe-pokolenie-molodykh-patriotov>.

¹⁵ В России выросло «тепличное» поколение молодых патриотов. URL: <https://wciom.ru/sobytie/v-rossii-vyroslo-teplichnoe-pokolenie-molodykh-patriotov>.

вание визуального ряда в процессе коммуникации (популярные среди молодежи социальные сети и форматы видео) и, как следствие, максимальное упрощение контента в целях его быстрого потребления (без необходимости специального погружения в материал); контент лидеров общественного мнения в лице блогеров и представителей селебрити, коммуницирующих с аудиторией через эмоции, а не аргументы и т.д.

При этом дефицит социального опыта вкупе с эмоциональным восприятием действительности и погруженностью в виртуальное пространство породили новую категорию опасений среди молодежи — инфодемию. Первоначально данный термин использовался Всемирной организацией здравоохранения в пандемийный период и означал дезинформацию по поводу COVID-19. Однако сегодня он стал устойчивой оценкой дезинформации населения относительно любой проблемы или вопроса ввиду «заражения» информационного пространства необъективной или заведомо фейковой информацией. Превалирование эмоционального контента, нежелание проводить факт-чекинг подаваемой информации укоренили инфодемию в информационно-коммуникативной среде молодежи.

Таким образом, социальная онтология современной российской молодежи представляет собой социальную среду, продуцирующую нормы, убеждения и ценности индивидов, — именно они являются основой для политической самоидентификации, формируя смысловой фон и задавая ориентиры. Неслучайно современные исследования по проблемам политической идентичности подчеркивают особое значение ценностно-смысловой сферы для процесса самоидентификации, ибо она продуцирует политические символы и формирует отношение к ним. При этом политические символы могут иметь когнитивное значение или апеллировать к оценочному эф-

фекту, выступая в роли идеологического ярлыка [14]. Последнее является наиболее распространенным способом восприятия информации, что доказывают социологические исследования. Так, масштабное исследование электорального поведения населения на избирательном участке, проведенное Р. Эриксоном в 1980 г., продемонстрировало, что лишь половина респондентов были способны правильно определить «либеральные и консервативные стороны основных политических вопросов», ориентируясь при выборе на общепринятое значение идеологических ярлыков [15]. В этом контексте можно привести и еще один пример: опрос, проведенный ВЦИОМ в 2012 г., продемонстрировал, что более 50% респондентов затрудняются в определении понятия «либерал»¹⁶. Остальные участники опроса ограничились оценочными суждениями, охарактеризовав либералов как борцов за свободу или защитников интересов людей и демократических ценностей и т.д.¹⁷

Резюмируя вышесказанное, можно сделать вывод, что политическая самоидентификация молодежи строится на оценочном восприятии лейблов, символизирующих определенные политические силы. При этом индивидуальная оценка идеологического ярлыка плотно увязана с тем смысловым фоном, который сформирован социальной средой вокруг него. Динамика изменения социальной реальности вкупе с трансформацией социокультурной среды ведут к отсутствию устойчивого когнитивного восприятия политических символов. А сам процесс политической самоидентификации носит незавершенный характер и обладает «контекстуально-лабильными» чертами.

¹⁶ Либералы в России: борцы за свободу или безответственные болтуны? ВЦИОМ. URL: <https://wciom.ru/analytical-reviews/analiticheskii-obzor/liberaly-v-rossii-borczy-za-svobodu-ili-bezotvetstvennye-boltuny>

¹⁷ Там же.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Гидденс Э. Последствия современности. Пер. с англ. М.: Праксис; 2011.
2. Гидденс Э. Ускользающий мир: как глобализация меняет нашу жизнь. Пер. с англ. М.: Весь мир; 2004.
3. Бауман З. Индивидуализированное общество. М.: Логос; 2002.
4. Полякова Н.Л. «Идентичность» в современной социологической теории. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/235243581.pdf>.
5. Политическая социология. Евгеньева Т.В., ред. М.: Юрайт; 2018.
6. Лысак И.В. Особенности самоидентификации человека в условиях современного общества. *Гуманитарные и социально-экономические науки*. 2008;(6):37–42.
7. Прихожан А., Толстых Н. Психология подросткового возраста. М.: Юрайт; 2016.
8. Radaković A. Peoples and nations: cultural and political collective self-identification. *National Identities*. 2021;23(2):109–126. DOI: 10.1080/14608944.2019.1696763

9. Думлер Д.А. Политическая и гражданская идентичность либертарианцев в современной России: проблемы и перспективы. *Вестник Российского университета дружбы народов. Серия: Политология*. 2021;23(4):560–569. DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–4–560–569
10. Кастельс М. Новые индивидуальные масс-медиа. *Свободная мысль*. 2006;(5):62–67.
11. Данилова Е.Н., Ядов В.А. Нестабильная социальная идентичность как норма современных обществ. *СоцИс*. 2004;(10):27–30.
12. Тоффлер Э. Третья волна. М.: ООО «Изд-во АСТ»; 2004.
13. Кастельс М. Информационная эпоха: экономика, общество и культура. М.: ГУ ВШЭ; 2000.
14. Conover P.J. & Feldman S. The Origins and Meaning of Liberal/Conservative Self-Identifications. *American Journal of Political Science*. 1981;25(4):617–645.
15. Erikson Robert S., Norman R. Luttbeg, and Kent L. Tedin. American public opinion: Its origins, content and impact. New York: Wiley; 1980.

REFERENCES

1. Giddens E. The consequences of modernity. Transl. from Eng. Moscow: Praxis; 2011. (In Russ.).
2. Giddens E. The elusive world: How globalization turns our lives. Transl. from Eng. Moscow: The whole world; 2004. (In Russ.).
3. Bauman Z. Individualized society. Moscow: Logos; 2002. (In Russ.).
4. Polyakova N.L. “Identity” in modern sociological theory. URL: <https://core.ac.uk/download/pdf/235243581.pdf>. (In Russ.).
5. Political sociology. Evgenieva T.V., ed. Moscow: Yurait; 2018. (In Russ.).
6. Lysak I.V. Features of self-identification of a person in the conditions of modern society. *Humanitarian and socio-economic sciences*. 2008;(6):37–42. (In Russ.).
7. Parishioners A., Tolstykh N. Psychology of adolescence. Moscow: Yurait; 2016. (In Russ.).
8. Radaković A. Peoples and nations: cultural and political collective self-identification. *National Identities*. 2021;23(2):109–126. DOI: 10.1080/14608944.2019.1696763
9. Dumler D.A. Political and civil identity of libertarians in modern Russia: Problems and prospects. *Bulletin of the Peoples' Friendship University of Russia. Series: Political Science*. 2021;23(4):560–569. (In Russ.). DOI: 10.22363/2313–1438–2021–23–4–560–569
10. Castells M. New individual mass media. *Free thought*. 2006;(5):62–67. (In Russ.).
11. Danilova E.N., Yadov V.A. Unstable social identity as a norm of modern societies. *SocIs*. 2004;(10):27–30. (In Russ.).
12. Toffler E. The Third Wave. Moscow: LLC “Publishing house AST”; 2004. (In Russ.).
13. Castells M. Information Age: Economics, Society and Culture. Moscow: State University Higher School of Economics; 2000. (In Russ.).
14. Conover P.J. & Feldman S. The Origins and Meaning of Liberal/Conservative Self-Identifications. *American Journal of Political Science*. 1981;25(4):617–645.
15. Erikson Robert S., Norman R. Luttbeg, and Kent L. Tedin. American public opinion: Its origins, content and impact. New York: Wiley; 1980.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Дарья Дмитриевна Осинина — аспирантка 3-го года обучения факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Daria D. Osinina — 3rd year PhD student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5565-2079>

daria_osinina@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 03.06.2022; принята к публикации 25.07.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 03.06.2022; accepted for publication on 25.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108
УДК 32(045)

Основные подходы к политической социализации молодежи

А.Р. Бочкаев

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В представленной статье рассматриваются основные подходы к политической социализации молодежи. Актуальность данного исследования обусловлена тем, что молодежь обладает потенциалом к воспроизводству и сохранению стабильности политической системы. Процессы политической социализации молодежи в таких переходных обществах, как в России, тесно связаны с различными подходами к определению «молодежь». Под политической социализацией понимается процесс интеграции индивидов в политические процессы в целях дальнейшего воспроизводства политической системы. В широком смысле социализация — процесс усвоения индивидом норм и правил поведения в обществе для полноценного вхождения в него. Агентами политической социализации в данном процессе выступают как государственные институты, так и институты гражданского общества.

Ключевые слова: молодежь; политическая социализация; интеграция индивидов; политические процессы; модель «подчинения»; модель «интереса»

Для цитирования: Бочкаев А.Р. Основные подходы к политической социализации молодежи. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):104-108. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108

ORIGINAL PAPER

Political Socialization of Youth: The Main Approaches

A.R. Bochkayev

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper discusses the main approaches to the political socialization of youth. The relevance of this study is due to the fact that young people have the potential to reproduce and maintain the stability of the political system. It closely connected the processes of political socialization of youth in such transitional societies as in Russia with different approaches to the “youth” definition. The study represents political socialization as integrating individuals into political processes in order to further reproduce the political system. In a broad sense, socialization is the process of assimilation by an individual of the norms and rules of behavior in society for a full entry into it. The agents of political socialization in this process are both state institutions and institutions of civil society.

Keywords: youth; political socialization; individuals integration; political processes; subordination model; interest model

For citation: Bochkayev A.R. Political socialization of youth: The main approaches. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):104-108. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-104-108

Иntenсивное изучение политической социализации началось во второй половине XX в. Изначально термин «политическая социализация» связан с П. Бергером и Т. Лукманом [1]. Оба автора разделили первичную и вторичную социализацию. Первичная связана с усвоением господствующих в обществе ценностей и норм, где и формируются политические предпочтения индивида, например при общении с членами семьи. Вторичная политическая социализация происходит при участии индивида в политических процессах, где он начинает отождествлять себя с обществом [2].

Современное понимание политической социализации связано с моделями «подчинения» Т. Гоббса и «интереса» А. Смита и Г. Спенсера. В первом случае индивид политически пассивен, усваивая господствующие политические предпочтения в обществе без участия в политике, а во втором проявляет политическую субъектность путем участия в политических процессах (например, на референдумах и выборах). Обе модели релевантны и для политического поведения молодежи.

Политические кризисы в западных странах во второй половине XX в. стали поводом для дальнейшего изучения политической социализации. Тео-

ретико-методологические подходы к ее изучению связаны с именами З. Фрейда, Ч. Кули и Дж. Мида, а также Т. Парсонса, М. Вебера и Э. Дюркгейма.

З. Фрейд оценивал политическую социализацию как процесс контроля над индивидом со стороны общества, что несколько отличается от трактовок Ч. Кули [3] и Дж. Мида. Ч. Кули [4], разработавших концепцию символического интеракционизма, согласно которой политическая социализация — процесс взаимодействия с окружающей средой, связанный с личным восприятием индивида, а не с общественным контролем. Основа восприятия — образы, основанные на определенных шаблонах и чаще всего противопоставляющие воображаемую общность индивида другим воображаемым общностям.

М. Вебер [5], Т. Парсонс [6] и Э. Дюркгеймом [7] воспринимали политическую социализацию как «ролевую тренировку» — этот подход также известен под названием «структурный функционализм». Он близок к классическим определениям политической социализации и рассматривает ее как усвоение индивидом определенных норм и правил поведения.

Бихевиоризм как способ исследования политической социализации основывается на модели «подчинения». Б. Скиннер достаточно емко охарактеризовал сущность бихевиоризма: политическое поведение индивида можно предугадать по его окружению. Представители системного подхода — Г. Алмонд и С. Верба [8], а также Дж. Деннис и Д. Истон [9]. Оба подхода описывают поведение индивида как пассивное принятие установленных в каком-либо обществе правил политического поведения. Процессы политической социализации контролируются властными структурами в целях сохранения норм политического поведения, которые, тем не менее, могут изменяться в зависимости от социально-экономических обстоятельств.

Модель «интереса» рассматривалась Г. Москкой и М. Вебером — основоположниками теории конфликта, а также Р. Далем и Р. Хартом — родоначальниками теории плюрализма. К. Превитт и Р. Даусон являются авторами теории гегемонии. Политическая социализация во всех трех концепциях — процесс активного взаимодействия общества и власти, а также коммуникаций индивида и представителей политической системы. В результате индивид начинает проявлять активность на референдумах и выборах, он обретает политическую субъектность, тогда как в модели «подчинения» он занимает объектное положение.

Наиболее последовательно, по мнению автора статьи, политическую социализацию описали Дж. Деннис и Д. Истон, указавшие влияние господствующих общественных установок на политическое поведение индивида. В отличие от Р. Липтона, Л. Коэна и Т. Парсонса, они не так подробно показали роль институтов власти в процессах политической социализации. Механизм политической социализации, таким образом, рассматривается через системный подход Д. Истона, Дж. Денниса и Т. Парсонса как взаимодействие социальной среды с индивидом. На «входе» происходит навязывание индивиду принятых в обществе правил политического поведения, что под влиянием многочисленных факторов трансформируется в готовность принимать политические решения на «выходе». Факторы, влияющие на политическое поведение индивида, связаны с деятельностью агентов социализации, в роли которых выступают семья, государственная власть, общественные объединения и религиозные организации.

Польский исследователь Б. Голембиовский в работе «Поколения и политика в Польше XX века» указывал на роль молодых людей как центрального объекта политической социализации, которая происходит на отдельных этапах истории, из-за чего формируется национальная и конфессиональная идентичность молодежи [10].

Российские исследователи А. Н. Леонтьев и Л. С. Выготский рассматривали политическую социализацию как сочетание социальных и биологических факторов [11]. В. А. Ядов указывает на зависимость политического поведения индивида от его социальной роли и социального статуса [12]. Социализация индивида, согласно В. А. Ядову, происходит через удовлетворение его потребностей, поддерживающих его принадлежность к какой-либо социальной группе.

На политическую социализацию молодежи влияет и процесс социализации поколений [13], которая подразделяется на горизонтальную и вертикальную. Вертикальная социализация поколений — передача социального опыта от старшего поколения младшему, горизонтальная — внутри одного поколения. В случае вертикальной политической социализации сохраняется преемственность политического поведения, поддерживающая стабильность политической системы. Горизонтальная развивает политические предпочтения внутри одного поколения. В процессе социализации поколений наиболее влиятельна вторичная социализация, которая начинается, по мнению многих исследо-

вателей, с 14 лет. А. Панарин считает переход от детства к взрослости основной вторичной социализации, когда индивид воспринимает, обрабатывает и усваивает информацию из различных источников [14]. Р. Мерелман отмечал отличия в роли личности в процессах вертикальной и горизонтальной политической социализации — в первом случае личность является «концом» процессов политической социализации, во втором — ее «центром» [15]. Детали процессов политической социализации в отдельных обществах отличаются из-за различной степени влияния ее агентов.

В российских реалиях сложно выделить «вертикальность» или «горизонтальность» характера политической социализации, что связано с переходным характером российского общества. После распада СССР российские социальные отношения несколько изменились, став более атомизированными, а политическая социализация дополнилась новыми агентами, одним из которых с развитием информационных технологий стали СМИ, формирующие апатию к политике у российской молодежи [16]. Однако в российской политической традиции всегда присутствовал стихийный индивидуализм, выразившийся, например, в эмиграции на отдаленные территории страны из-за давления со стороны властей. В советский период эти тенденции частично сглаживались высоким уровнем правосознания граждан, снизившемся при переходе к демократии и кардинальном сломе общественных ценностей, которые очень важны в процессе политической социализации. Р. Инглхарт указывал, что культурные установки членов общества меняются через долгие годы даже при смене власти и изменениях в законодательстве [17].

К определению понятия «молодежь» существуют различные подходы. Согласно демографическому, «молодежь» — это определенная стадия демографического цикла. Российский исследователь В.Т. Лисовский считает, что это «социальная группа, усваивающая социально-культурные и образовательные нормы» [18]. Недостаток такой трактовки состоит в том, что политическая социализация индивидов начинается раньше, однако она отражает демографический характер молодежи как социальной группы.

В отличие от демографического, социальный подход, последователями которого выступают И.С. Кон, Л. Роземайр, Х. Шельски, Ф.Р. Филиппов, трактует социальный статус молодежи через возраст. Однако из-за разности общественного положения социально-демографическая группа молодежи

неоднородна, из-за чего социальный подход, хотя и распространен, но и не универсален [19].

Социально-демографический подход обращает внимание и на демографическую, и на социальную составляющие. Демографический аспект основан на возрасте, социальный — на социальном положении, взглядах, ценностях и интересах. Представители социально-демографического подхода (Л.Л. Рыбаковский, В.Н. Архангельский, С.В. Рязанцев) выделяют серьезное влияние молодежи в социально-политических процессах за счет способности к воспроизводству населения [20], а значит, к сохранению стабильного воспроизводства политической системы. Данный подход к политической социализации также упускает неоднородность социального положения молодежи из-за социально-экономического неравенства, которое есть в любом обществе.

Таким образом, можно констатировать, что основные подходы к изучению молодежной политической социализации упускают экономические факторы, в том числе неравенство, которое также частично определяет установки индивида. В частности, Р. Инглхарт выделял «ценности выживания» и «ценности самовыражения» [21], где первые связаны с материальным благосостоянием и ростом экономического благополучия, а вторые — с решением материальных проблем, после чего наступает потребность в постматериалистических ценностях, в числе которых экология, защита прав меньшинств, политическая субъектность населения.

Государственная молодежная политика как часть процесса политической социализации также рассматривается по-разному. Согласно В.А. Лукову, молодежная политика — это политический процесс, связанный с отношением молодежи к другим социальным группам, социальным институтам и господствующим в обществе ценностям. Другое определение В.А. Лукова характеризует молодежную политику как взаимодействие государственных институтов с молодежью. В обеих его трактовках политическая социализация молодежи — это процесс взаимоотношений данной социальной группы с другими социальными группами, а также с государственными институтами. В.А. Луков выделяет значение агентов социализации в рамках интеграции молодежи в политические процессы. Кроме того, он рассматривает молодежную политику как инвестиции в человеческий капитал, что является еще одним из практических механизмов политической социализации [22]. Т.С. Сулимова считает, что молодежная политика — это как процесс социальной защиты молодежи со стороны

государства, политических партий и общественных объединений [23]. В ее интерпретации также отражена роль государственных и негосударственных институтов как агентов политической социализации молодежи. И. М. Ильинский трактует молодежную политику как средство для политической социализации в контексте участия гражданского общества, с помощью которого молодые люди принимают ценности, одобряемые большинством населения. На основании приведенных определений можно заключить, что молодежная политика — это механизм, который позволяет интегрировать молодых людей в политическую систему с помощью как государственных, так и негосударственных институтов.

Исходя из анализа подходов к политической социализации, можно сделать ряд общих выводов:

1. Политическая социализация — процесс усвоения индивидом господствующих в обществе норм.

2. На индивида в процессе политической социализации влияют как семья, так и государ-

ственные и общественные институты, а также окружение вне семьи. Отдельно можно отметить роль гражданского общества — совокупности негосударственных добровольных отношений — как агента политической социализации. Гражданское общество также поддерживает стабильность политической системы с помощью сохранения господствующих в ней установок.

3. В рамках политической социализации политическое поведение индивида может быть как пассивным (апатичным), когда индивид не участвует в политических процессах, так и активным (субъектным), если индивид интенсивно взаимодействует с политической системой.

4. Роль молодежи в процессе политической социализации состоит в сохранении стабильности политической системы путем воспроизводства населения.

Вместе с тем в дальнейшем при исследованиях политической социализации стоит более детально рассмотреть роль экономических процессов и особенно — социального расслоения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бергер П., Лукман Т. Социальное конструирование реальности. М.: Медиум; 1995. 323 с.
2. Ковалева А.И. Концепция социализации молодежи: нормы, отклонения, социализационная траектория. *Социс.* 2003;(1):109–109.
3. Кули Ч.Х. Человеческая природа и социальный порядок. М.: Идея-Пресс: Дом интеллект. кн.; 2000. 309 с.
4. Мид Дж.Г. Азия. М.: Изд-во МГУ; 1994. 496 с.
5. Вебер М. Основные понятия стратификации. *Социс.* 1994;(5):147–156.
6. Парсонс Г. Система современных обществ. М.: Аспект Пресс; 1998. 270 с.
7. Дюркгейм Г. Социология образования. М.: Интор; 1996. 77 с.
8. Алмонд Г., Верба С. Гражданская культура и стабильность демократии. *Полис.* 1992;(4):32–34.
9. Истон Д., Деннис Дж. Дети в политической системе: основа политической законности. *Вестник МГУ. Сер. 18. Социология и политология.* 2001;(3):76–97.
10. Головин Н.А. Теоретико-методологические основы исследования политической социализации. СПб.: СПбГУ; 2004. 288 с.
11. Выготский Л.С. Проблемы возраста. Собр. соч. в 6 т. Т. 4. М.: Педагогика; 1984. 432 с.
12. Ядов В.А. Социальная идентификация в кризисном обществе. *Социологический журнал.* 1994;(1):35–52.
13. Левада Ю.А. Homo post-soveticus. *Общественные науки и современность.* 2000;(6):5–24.
14. Панарин А.С. Философия политики. М.: Новая школа; 1996.
15. Преснякова Л.А. Теория политической социализации. *Политическая наука. Динамика политического сознания и поведения.* 2002;(2):24–36.
16. Иваненков С.П. Проблемы социализации современной молодежи. Оренбург: Печатный дом «Димур»; 1999. 290 с.
17. Инглхарт Р. Постмодерн: меняющиеся ценности и изменяющиеся общества. *Полис.* 1997;(4):6–32.
18. Лисовский В.Т. Методология и методика изучения идеалов и жизненных планов молодежи. Автореф. дис. ... канд. филос. наук. Л.: ЛГУ; 1968.
19. Чупров В.И. Молодежь. Социология молодежи. М.: Academia; 2008.
20. Ростовская Т.К., Рязанцев С.В. Социально-демографические характеристики российской молодежи. *Государственный советник.* 2015;(2):66–75.
21. Инглхарт Р. Как изменяются человеческие мотивации и как это меняет мир. М.: Мысль; 2018. 347 с.

22. Луков В.А., ред. Государственная молодежная политика: российская и мировая практика реализации в обществе инновационного потенциала новых поколений. Монография. М.: Изд-во Моск. гуманит. ун-та; 2013. 718 с.
23. Сулимова Т.С. Молодежь. Социальная политика: толковый словарь. М.: РАГС; 2002:226–227.

REFERENCES

1. Berger P., Lukman T. Social construction of reality. Moscow: Medium; 1995. 323 p. (In Russ.).
2. Kovaleva A.I. The concept of youth socialization: Norms, deviations, socialization trajectory. *Socis*. 2003;(1):109–109. (In Russ.).
3. Cooley Ch. Kh. Human nature and social order. Moscow: Idea-Press: House of intelligence book; 2000. 309 p. (In Russ.).
4. Meade J.G. Asia. Moscow: Publishing House of Moscow State University; 1994. 496 p. (In Russ.).
5. Weber M. Basic concepts of stratification. *Socis*. 1994;(5):147–156. (In Russ.).
6. Parsons G. The system of modern societies. Moscow: Aspect Press; 1998. 270 p. (In Russ.).
7. Durkheim G. Sociology of education. Moscow: Intor; 1996. 77 p. (In Russ.).
8. Almond G., Verba S. Civic culture and the stability of democracy. *Policy*. 1992;(4):32–34. (In Russ.).
9. Easton D., Dennis J. Children in the political system: The basis of political legitimacy. *Bulletin of Moscow State University. Seria 18. Sociology and political science*. 2001;(3):76–97. (In Russ.).
10. Golovin N.A. Theoretical and methodological foundations of the study of political socialization. St. Petersburg: St. Petersburg State University; 2004. 288 p. (In Russ.).
11. Vygotsky L.S. Age problems. Collect. in 6 Vols. Vol. 4. Moscow: Pedagogy; 1984. 432 p. (In Russ.).
12. Yadov V.A. Social identification in a crisis society. *Sociological journal*. 1994;(1):35–52. (In Russ.).
13. Levada Yu.A. Homo post-Soviet. *Social sciences and modernity*. 2000;(6):5–24. (In Russ.).
14. Panarin A.S. Philosophy of politics. Moscow: New school; 1996. (In Russ.).
15. Presnyakova L.A. Theory of political socialization. *Political science. Dynamics of political consciousness and behavior*. 2002;(2):24–36. (In Russ.).
16. Ivanenkov S.P. Problems of socialization of modern youth. Orenburg: Dimur Printing House; 1999. 290 p. (In Russ.).
17. Inglehart R. Postmodern: Changing values and changing societies. *Policy*. 1997;(4):6–32. (In Russ.).
18. Lisovsky V.T. Methodology and methods of studying the ideals and life plans of youth. Author. dis. ...Cand. Sci. (Phil.). L.: LGU; 1968. (In Russ.).
19. Chuprov V.I. Youth. Sociology of youth. Moscow: Academia; 2008. (In Russ.).
20. Rostovskaya T.K., Ryazantsev S.V. Socio-demographic characteristics of Russian youth. *State Advisor*. 2015;(2):66–75. (In Russ.).
21. Inglehart R. How human motivations change and how it changes the world. Moscow: Thought; 2018. 347 p. (In Russ.).
22. Lukov V.A., ed. State youth policy: Russian and world practice of realizing the innovative potential of new generations in society. Monograph. Moscow: Publishing House of Moscow. Humanit. university; 2013. 718 p. (In Russ.).
23. Sulimova T.S. Youth. Social policy: Explanatory dictionary. Moscow: Publishing house of the RAGS, 2002:226–227. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Алу Ризванович Бочкаев — студент 1-го курса аспирантуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Alu R. Bochkaev — 1st year PhD student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0001-7540-2037>

dzyudoistalu@mail.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 01.06.2022; принята к публикации 17.06.2022.

Автор прочитал и одобрил окончательный вариант рукописи.

The article was received on 01.06.2022; accepted for publication on 17.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113
УДК 31(045)

Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности

К.Р. Семенцова

Федеральная служба государственной статистики, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье рассматриваются установки и ценности, лежащие в основе брачно-семейного поведения современной российской молодежи. Представлены результаты контент-анализа электронных источников, посвященных новостной и психологической тематике. Данный метод позволил выделить половозрастные особенности восприятия традиционного официального брака и свободных форм отношений. Молодое поколение не видит необходимости в браке, сожительство воспринимается ими как репетиция семейных отношений. Временные трудности деструктивно влияют на взаимоотношения, молодежь в основном отказывается от ответственности, привнося в брак «коммерцию». На эти факторы влияют СМИ и само общество, которое в целом относится терпимо к отношениям без регистрации брака.

Ключевые слова: брачно-семейное поведение; официальный брак; сожительство; молодежь; установка; семья

Для цитирования: Семенцова К.Р. Брачно-семейное поведение молодежи в современном российском обществе: установки и ценности. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):109-113. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113

ORIGINAL PAPER

Marital and Family Behavior of Young People in Modern Russian Society: Attitudes and Values

K.R. Sementsova

Federal State Statistics Service, Moscow, Russia

ABSTRACT

The article describes the marital and family behavior of modern Russian young people based on the attitudes and values. This material presents the results of content analysis of electronic sources devoted to news and psychological topics. This method helps to identify the gender and age characteristics of the attitude to traditional official marriage and free forms of relations. The younger generation doesn't see the need for marriage, they perceive cohabitation as a rehearsal of family relations. Temporary difficulties have a destructive effect on relationships, most of young people refuse responsibility, bring commerce into marriage. These factors are influenced by the media and society itself, which is generally tolerant to relationships without marriage registration.

Keywords: marital and family behavior; official marriage; cohabitation; young people; attitude; family

For citation: Sementsova K.R. Marital and family behavior of young people in modern Russian society: Attitudes and values. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):109-113. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-109-113

Изменения, происходящие последние 30 лет в экономической сфере общества, естественным образом наложили отпечаток на все остальные сферы жизни, в том числе и на семейно-брачное поведение молодого поколения. На смену традиционным семейным ценностям и отношениям пришли новые формы. По данным ВЦИОМ, в 2020 г. каждый десятый россиянин предпочитал незареги-

стрированные отношения. Больше всего людей, выбравших такую форму отношений, младше 34-х лет. При этом 35% россиян вовсе не имеют постоянных отношений, среди молодежи в возрасте до 24-х лет таких 62%¹. В данном

¹ ВЦИОМ узнал, сколько россиян живут в незарегистрированном браке. URL: <https://www.interfax.ru/russia/697849> (дата обращения: 11.06.2022).

типе отношений молодое поколение видит возможности для выхода из зоны ответственности. Подобные взгляды сложились не в один момент, такая ситуация является итогом изменений, которые происходили на протяжении ряда лет, и их можно сопоставить с концепцией «второго демографического перехода» (авторы: Р. Лестэг и Д. Ван де Каа). Ее основными характеристиками являются откладывание официальной регистрации брака или полное отсутствие желания вступить в брак как таковой [1].

Длительное время в истории развития российского общества семья имела исключительно традиционную патриархальную модель. Тот факт, что молодые люди не хотят связывать себя узами брака, говорит о глубоком кризисе института семьи и подтверждается статистикой. По данным Росстата, в 2021 г. количество браковросло (923,6 тыс. по сравнению с 770,8 тыс. в 2020 г.), но такжеросло и количество разводов (644,2 тыс. по сравнению с 564,0 тыс. в 2020 г.). В 2021 г. на каждые 1000 заключенных браков приходилось 698 разводов². Внешние и внутренние трансформации являются предметом пристального исследования специалистов из разных сфер научного знания [2].

При этом само общество, социальное пространство и СМИ часто проецируют ценности, отличные от традиционных, которые становятся трендами и проникают в умы молодого поколения. Например, в 2020 г. в сети «Тикток» было популярно повторение цитаты из фильма «Коко до Шанель»: «Так что лучше быть любовницей, чем женой. Самое ужасное в браке — это сам брак. Моя мать была идиоткой. Вышла замуж по любви и всю жизнь проплакала». У самой Шанель было тяжелое детство, и эти слова объяснимы, но в снимаемых видео фраза преподносится без какого-либо контекста. Таким образом, появляются следующие комментарии: «Точно!», «Любовниц любят, а с женами живут», «Любимой быть лучше», «Просто нужно найти правильного человека».

Возникают вопросы: эти ли мысли мы хотим прививать молодому поколению? такое ли отношение к браку развивать у них? Вряд ли. Однако социальные сети и СМИ могут заниматься пропагандой неправильных ценностей

и навязывать суждения ради тренда³. Государство такие ценности не разделяет. Так, Концепция государственной семейной политики⁴, рассчитанная до 2025 года, главную роль отводит организации семейных отношений молодого поколения. Рождение большого количества детей подкрепляется материнским капиталом. Однако существенных изменений не происходит: материнский капитал и материальная поддержка не являются положительными стимулами, способными изменить модель репродуктивного поведения женщины. Кроме того, долгое отсутствие на рынке труда значительно уменьшит шансы женщины на возвращение в профессиональную сферу, поэтому она вынуждена выбирать. Следует отметить, что отпуск по уходу за ребенком может быть предоставлен не только матери, но и другим родственникам ребенка, но при этом имеются определенные нюансы его использования.

В 2019 г. был утвержден национальный проект «Демография», включающий пять федеральных проектов: «Финансовая поддержка семей при рождении детей», «Содействие занятости», «Старшее поколение», «Укрепление общественного здоровья», «Спорт — норма жизни». Национальный проект «Демография» должен быть реализован до 2030 г., в нем предполагается достижение увеличения ожидаемой продолжительности здоровой жизни россиян до 67 лет, а суммарного коэффициента рождаемости — до 1,7 детей на одну женщину⁵.

Социальное противоречие данной проблемы заключается, в том, что, с одной стороны, государство заинтересовано в поддержании института семьи, укреплении семейных ценностей и традиций, а с другой стороны, навязанные социальными сетями и медиапространством тренды, удручающая статистика разводов, тер-

² Естественное движение населения в разрезе субъектов Российской Федерации. Архив оперативных данных по ЕДН. URL: https://rosstat.gov.ru/storage/mediabank/edn_04-2022.htm (дата обращения: 11.06.2022).

³ «Лучше быть любовницей, чем женой»: что стоит за новым сверхпопулярным трендом в ТикТоке. URL: <https://www.woman.ru/relations/luchshe-byt-lyubovnicei-chem-zhenoi-chto-stoit-za-novym-sverkhpopulyarnym-trendom-v-tiktoke-id555063/> (дата обращения: 12.06.2022).

⁴ Концепция государственной семейной политики в России на период до 2025 года. URL: <https://rg.ru/documents/2014/08/29/semya-site-dok.html> (дата обращения: 05.06.2022).

⁵ Национальный проект «Демография». URL: <https://mintrud.gov.ru/ministry/programms/demography> (дата обращения: 10.06.2022); О национальных целях развития России до 2030 года. Указ Президента РФ от 21.08.2020. URL: <http://kremlin.ru/events/president/news/63728> (дата обращения: 10.06.2022).

пимое отношение общества формируют совсем другие установки.

Молодые люди чаще ставят свои интересы и карьерные ожидания выше семейных. Вместо традиционной семьи молодое поколение предпочитает альтернативную форму отношений — внебрачные связи, т.е. сожительство. Большинство молодых людей находят в нем больше плюсов, чем в официальной регистрации отношений.

Вместе с тем установки на семейные, брачные и репродуктивные отношения необходимы. Их сформированность показывает готовность молодых людей к созданию семьи и появлению потомства [3]. То, каким установкам будет следовать каждый человек, зависит от его окружения в период взросления. Если ребенок находится в нестабильном психологическом климате, у него могут сформироваться неправильные ценностные и семейные установки, а во взрослой жизни возникнут проблемы во взаимоотношениях с партнером, — все это приводит к разводам и падению рождаемости [4].

Рассмотрим результаты Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения, проведенного Росстатом в 2017 г. Доля состоящих в фактических брачных отношениях в возрасте до 25 лет составила 38,6% для женщин и 46,7% — для мужчин, в возрасте 25–29 лет — 20,0 и 22,3% соответственно. Подобные показатели позволяют сделать вывод о том, что ценность регистрации официального брака уменьшилась. Также можно видеть тенденцию отказа от вступления в брачные отношения населения бракоспособного и репродуктивного возраста, т.е. происходит увеличение возраста вступления в брак⁶.

Вместе с тем А.Б. Синельников в своей работе «Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей» [5] отмечает, что женщины, состоящие в сожительстве с партнером и не имеющие детей, почти так же часто, как и бездетные женщины в браке, считают важной жизненной целью создание и (или) сохранение хорошей семьи. Многие из них думают, что сожительство — это переходный этап на пути к браку. При этом нельзя ставить знак равенства между законным браком и сожительством, последнее должно оставаться именно формой незарегистрированного брака. Сожительство — промежуточная

форма матримониального статуса между одиночеством (в том числе после развода) и законным супружеством, при этом — не всегда переходная.

Для изучения мнений пользователей интернета по вопросам семейно-брачных отношений нами был использован качественно-количественный метод «контент-анализа». Источниками анализа стали официальные группы ВКонтакте девяти газетных и журнальных электронных изданий, посвященные новостным, женским и психологическим публикациям: Аргументы и Факты⁷, Ведомости⁸, Вечерняя Москва⁹, Известия¹⁰, Коммерсантъ¹¹, Elle girl¹², Woman.ru¹³, Woman's Day¹⁴, Psychologies¹⁵. Были рассмотрены посты за период 2020–2022 гг. по ключевому слову «брак», выделены и проанализированы 100 комментариев пользователей, которые содержали оценочные суждения, размышления или примеры из собственного опыта на тему брачных отношений, семейных ценностей и поведения молодежи в браке. Все пользователи были разделены по полу и возрасту на 3 группы: 37% — от 18 до 35 лет, 45% — от 36 до 50 лет, 18% — старше 51 года. В первой и второй группах были преимущественно представители мужского пола (21 человек — 57% и 27 человек — 60% соответственно), третья в большинстве своем состояла из женщин (10 человек — 56%). Рассмотрены суждения каждой из возрастных групп.

У пользователей интернет-контента в возрасте от 18 до 35 лет преимущественно складывается мнение, что нет необходимости в браке («Самая красивая свадебная дата: НИКОГДА», «Зачем этот брак нужен?», «Чтобы не развестись, не надо жениться», «И зачем жениться? Что тут штамп в паспорте изменит?»). Имеются и те, кто считает, что даже сожительство не обязательно, и можно

⁷ Официальная группа ВКонтакте «Аргументы и Факты». URL: https://vk.com/aif_ru

⁸ Официальная группа ВКонтакте «Ведомости». URL: <https://vk.com/vedomosti>

⁹ Официальная группа ВКонтакте «Вечерняя Москва». URL: <https://vk.com/public29487103>

¹⁰ Официальная группа ВКонтакте «Известия». URL: <https://vk.com/izvestia>

¹¹ Официальная группа ВКонтакте «Коммерсантъ». URL: https://vk.com/kommersant_ru

¹² Официальная группа ВКонтакте «Elle girl». URL: <https://vk.com/public2070309>

¹³ Официальная группа ВКонтакте «Woman.ru». URL: <https://vk.com/womanru>

¹⁴ Официальная группа ВКонтакте «Woman's Day». URL: <https://vk.com/womday>

¹⁵ Официальная группа ВКонтакте «Psychologies». URL: <https://vk.com/psychologiesrussia>

⁶ Данные Выборочного наблюдения репродуктивных планов населения в 2017 году. URL: http://www.gks.ru/free_doc/new_site/RPN_17/index.html (дата обращения: 22.05.2022).

провести жизнь в одиночестве («Мне, конечно, еще только 28 лет, живу один и не планирую жениться и прочее, даже просто сожительствовать не хочется, пару-тройку дней еще ладно, а потом уже жутко раздражать начинает присутствие другого человека»). Данные мнения говорят о том, что молодежь меньше ценит официальные отношения и не понимает, зачем и как можно ужиться вместе. Особо остро вопрос совместного проживания стоял во время изоляции в период пандемии COVID-19 в 2020–2021 гг. — многие пары на тот момент распались, развелись, такое проживание стало источником конфликтов интересов («А что вы хотели — основная часть живет в квартирах, где некуда деться?», «На кой нужен муж, если тебя от него тошнит?»). Сами молодые люди замечают изменение установок и ценностей в зависимости от влияния общества и СМИ («Коучи, рекламы и СМИ внушают маркетинговые отношения. А потом удивляемся, что многие сожительствуют», «Сейчас в СМИ и масса-медиа по-прежнему пропагандируется всеядность и неразборчивость отношений», «Негативную роль играют средства массовой информации и отсутствие пропаганды семейного счастья»). Также распространено мнение о коммерческой стороне отношений и выгоде от брака: что женщинам выгодно разводиться и получать алименты, что нужен брак по расчету, чтобы не было разводов, а брачный договор — универсальное решение всех проблем («Брак по расчету самый крепкий!», «А почему не пишете, что брак наиболее выгоден женщинам, и что именно они выступают инициаторами, ведь после развода получают стабильные алименты... женщинам в РФ выгодно подавать на развод», «Если хочется, то надо иметь финансовую подушку... а еще лучше брачный договор!!!»).

Мнения пользователей интернет-контента в возрасте от 36 до 50 лет относительно важности брака или сожительства разделились почти поровну: кто-то выступал за неотъемлемую ценность семейных отношений, осуждая сожительство, разводы, измены и неправильные мотивы («Любовь может быть только к одному человеку и оправдания измены не имеют смысла», «Я считаю, что нужно возрождать семейные традиции, многодетность... Много в последнее время подрастеряли мы», «Гражданский брак — это как жить проституткой», «Крепкая полная семья никогда не начинается с сожительства»). Некоторые, наоборот, выступали против брака, за сожительство,

измены и разрушенные ценности («Любовь длится менее года, а блуд — естественная потребность», «Лучше всего жить не расписываясь, свободно, не понравилось — разбежались без лишних процедур и волокиты», «Брак только портит отношения»). Многие также делают выводы об отсутствии ответственности у современного поколения и обесценивании брака («Может, думать начнут, прежде, чем детей клепать. Ответственно подходить и к семейной жизни, и рождению детей», «Все потому, что мужики у нас ослабели, как ребенок рождается — они сливаются. Не надо перекладывать ответственность за проблемы людей на государство», «Поколение, выросшее на ложных рекламах, шоу и куче вымышленной и воображаемой визуальной информации, без воспитания со стороны родителей, обречено на разочарование в реальной жизни», «Каждый член семьи несет ответственность за ее сохранность, тогда и семьи крепкие»).

Пользователи в возрасте от 51 года придерживаются двух мнений. Первое состоит в том, что СМИ пропагандируют обесценивание брака и отсутствие ответственности («Во многом виноваты СМИ, которые насаждают в массы разнузданность и разврат, и не только в семейные отношения... Сейчас мимолетные связи для получения удовольствия считаются уже нормой!», «В СССР тоже была бедность, но пропаганды роскошной и беззаботной жизни не было, не возбуждалось чувство зависти», «Мне кажется, что мы что-то важное потеряли... традиции семейной жизни»). Второе мнение — что необходим официальный брак, а не сожительство и популяризация разводов («Молодежь просто перестанет регистрировать браки, и будут процветать так называемые гражданские браки... Семья начинается с законных отношений», «Люди и без того избегают ЗАГС, создавая ячейки общества. Живут во грехе, называя сожительство гражданским браком»).

Таким образом, можно сделать вывод о том, что молодое поколение не видит необходимости в браке и даже в сожительстве, идет подмена понятий и отказ от ответственности, на что влияют СМИ и общество в целом. К тому же молодежь размышляет категориями, которые связаны с финансами и привносят коммерческие отношения в брак. Старшее поколение по большей части хочет возрождения семейных ценностей, видит необходимость в браке и продолжении рода после узаконивания отношений. Налицо конфликт интересов поколений.

Формирование семейных ценностей молодого поколения — трудоемкий процесс. Молодежи очень важно преподнести нравственные идеалы, выстроить правильные установки, позволяющие им развиваться как в семейных отношениях, так и в карьере. В России семейные ценности должны рассматриваться как приоритетное направление молодежной политики. Необходимо учитывать

мнение молодых людей, устанавливать категории и рассматривать сожительство как отдельный вид совместного проживания, тем самым меняя их ценности и установки. Также оказывать влияние на взгляды молодежи можно при помощи средств массовой информации и коммуникации, — на современном этапе их развития это очень действенно.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Ростовская Т.К., Архангельский В.Н., Иванова А.Е., Кучмаева О.В., Семенова В.Г. Семья и демографические процессы в современной России. М.: Изд-во «Экон-Информ»; 2021.
2. Ильиных С.А. Семейные ценности молодежи: традиции и трансформации. *Вестник Томского гос. ун-та. Философия. Социология. Политология*. 2012;4(20):221–232.
3. Ростовская Т.К., Ростовская Н.А. Роль массовой коммуникации в социализации молодежи и молодых семей. *Информационное общество*. 2014;(2):43–48.
4. Саралиева З.Х. Семья в новых социально-экономических условиях. *Женщина в зеркале социологии: Межвузовский сборник научных статей*. 1998;(2):48–51.
5. Синельников А.Б. Семейные ценности как цель в жизни для законных супругов и сожителей. *Народонаселение*. 2018;21(2):46–59.

REFERENCES

1. Rostovskaya T.K., Arkhangelsky V.N., Ivanova A.E., Kuchmaeva O.V., Semenova V.G. Family and demographic processes in modern Russia. Moscow: Publishing House “Econ-Inform”; 2021. (In Russ.).
2. Il'inykh S.A. Family values of young people: Traditions and transformations. *Bulletin of the Tomsk state university. Philosophy. Sociology. Political science*. 2012;4(20):221–232. (In Russ.).
3. Rostovskaya T.K., Rostovskaya N.A. The role of mass communication in the socialization of youth and young families. *Information society*. 2014;(2):43–48. (In Russ.).
4. Saraliev Z. Kh. Family in the new socio-economic conditions. *Woman in the mirror of sociology: Interuniversity collection of scientific articles*. 1998;(2):48–51. (In Russ.).
5. Sinel'nikov A.B. Family values as a goal in life for legal spouses and cohabitants. *Population*. 2018;21(2):46–59. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Ксения Романовна Семенцова — главный специалист-эксперт отдела интерактивной визуализации Аналитического управления Федеральной службы государственной статистики, Москва, Россия

Ksenia R. Sementsova — Chief Specialist-Expert of the Interactive Visualization Department of the Analytical Department of the Federal State Statistics Service, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-0575-080X>

k.sementsova3121@gmail.com

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.06.2022; принята к публикации 10.07.2022.

Автор прочтала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.06.2022; accepted for publication on 10.07.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-114-117
УДК 339.138.004.738.5(045)

Сотрудничество компаний в сети Интернет для расширения аудитории и увеличения прибыли (на примере журнала о культуре кофе «Café Soci  t   Magazine»)

Д.А. Барташевич, Н.В. Ребрикова
Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье обсуждается, как сотрудничество может стать эффективным методом продвижения для обеих сторон. Приведены примеры продуктивных вариантов сотрудничества и план действий, в соответствии с которым можно выстроить успешную стратегию развития. На конкретных примерах, связанных с кофейной индустрией, рассматривается, как совместная деятельность помогает увеличить аудиторию и привлечь новых потребителей в компанию. Важным фактором современного сотрудничества является использование социальных сетей. В статье приводятся доказательства того, что интернет выступает отличной платформой как для знакомств, так и для поиска новых партнеров. Сотрудничество, в результате которого происходит расширение аудитории и повышается интерес к продукту, – отличный способ увеличить прибыль компании.

Ключевые слова: сотрудничество; сеть; прибыль; аудитория; партнерство

Для цитирования: Барташевич Д.А., Ребрикова Н.В. Сотрудничество компаний в сети Интернет для расширения аудитории и увеличения прибыли (на примере журнала о культуре кофе «Caf   Soci  t   Magazine»). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):114-117. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-114-117

ORIGINAL PAPER

The Collaboration of the Companies on the Internet to Increase the Audience and Profit: (on the Example of Coffee Culture Magazine “Caf   Soci  t  ”)

D.A. Bartashevich, N.V. Rebrikova
Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper discusses collaboration and how it can become an effective method of promotion for both sides. Also, the authors give examples of successful cooperation options and an action plan, according to which it is possible to build a successful development strategy. Using concrete examples related to the coffee industry, it is clearly considered how collaboration effectively helps to increase the audience and attract new consumers to the company. An important factor in modern collaboration is the use of social networks. The article provides evidence that the Internet is an excellent platform for both sales and the search for new partners. Collaborations, because of which there is an increase in the audience and interest in the product, are also an excellent way to increase the company's profit.

Keywords: collaboration; network; profit; audience; partnership

For citation: Bartashevich D.A., Rebrikova N.V. The collaboration of the companies on the internet to increase the audience and profit: On the example of coffee culture magazine “Caf   Soci  t  ”. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):114-117. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-114-117

Modern marketing differs from the model that Kotler described in *Classic Marketing* and other books, which tells us what to share and how to identify your target audience, where to go and how to talk about your/someone else's product.

The model of the story about which product is cool, in a world teeming with goods, has passed into the system: what will the consumer like about this product and what his need he will cover. The market has become more of a consumer market than a corporate market, while companies are trying to find new ways to attract their customers.

The Internet has become a key factor in achieving success for many companies. Now it is one of the main platforms for many where they can talk about themselves and find partners with whom they can cooperate.

McKinsey predicts that by 2025 almost a third of company sales worldwide will be due to partner ecosystems.

Collaborations are one of the ways of promotion that is available to almost every company, regardless of its size, number of subscribers and turnover. It's just that collaborations will be different and at different levels.¹

Let's figure out what a collaboration is. This is the creation of a product or project/service with partners close in spirit, values and audience.

Often, the brand attracts opinion leaders to create a product (Kanye West's Yeezy sneakers for Nike). It's even more interesting when companies in different business areas unite (for example, Uber and Spotify offered passengers to listen to their playlist in a taxi).

This kind of partnership is a barter and gainful case for everyone. You have a cool product and idea, intellectual assets, and your partner has the audience you need and a strong brand. Besides, this is a great opportunity to come up with some completely new creativity.

It is important to understand what benefits one company can bring to a partner so that he can also participate in the development of a brand that needs such barter cooperation more.²

By creating unique products, each company receives new customers and additional sales. Brands exchange audiences, and often it is the most loyal and interested that is involved in the collaboration. If influencers (well-known bloggers or media personalities) participate in

the creation of a product, they may start hunting for a limit.³

It is worth noting that collaborations are especially important for small companies that do not have serious budgets for promotion. They have access to the partner's opinion leaders, which are not so easy to get to, even commercially. In addition, collaborations allow you to start working with a hard-to-reach audience and form loyalty to the product in another field.

Creating artificial demand for unique limited-edition products also attracts a new audience. Basically, it provides an additional information channel for both partners, which entails an increase in brand awareness and added value. It is often necessary to prepare an advertising campaign for collaboration. For each individual project, it is important to shoot photos and videos, broadcast them through media channels, launch flash mobs in social networks, organize events, produce joint promotional products [1].

When starting a project with a partner, it is important to consider several stages:

1. The development of a collaboration begins with the preparation of a strategy and understanding of the intersection of the audience of both partners, the goals, and objectives of each that they want to solve during the campaign. Brands agree on what their participation in the project will be, including financial, and stipulate other activities that they will have before and after the collaboration, so that inconvenient intersections do not happen.

2. It is important to fix all agreements and agree on a media plan for the coverage of the future campaign: when and what materials will be published, through which channels, what will be the budget for the promotion and coverage of the collaboration in the media.

3. After the media plan is defined, you can engage in content production: plan video shoots and photo shoots, product development and production, attract influencers, organize events, and prepare a PR plan for the future campaign.

4. When the campaign has started, it is important to monitor the reaction to it on the network and respond quickly. It is important to note the coverage in media and social networks, the number of sales and new customers, as well as overall engagement.

5. After completing the campaign, it is important to summarize: analyze the result and show whether the planned goals have been achieved.

¹ How to promote brands through collaborations and special projects. URL: <https://rb.ru/opinion/collaborations-special-projects/>

² Collaboration as a marketing tool. URL: <https://blog.oy-li.ru/kollaboratsiya-kak-marketingovyy-instrument/>

³ 9 successful business collaborations over the past six months. URL: <https://vc.ru/services/306047-9-uspeshnyh-biznes-kollabov-za-poslednie-polgoda>

Online projects work similarly: people are looking for options for mutually beneficial interaction, since sharing an audience online is a great opportunity to attract new people to the project. Small brands often resort to this. Instagram even has a feature that allows people to post the same post to different accounts, in fact, creating a collaboration. Thus, even different directions of the same project can collaborate. A striking example is the magazine about the life of Seasons and the Seasons School, where courses are held in various creative areas, such as design, subject photography, serving. Under one roof — two, in fact, different products, but, nevertheless, they constantly post Instagram posts under one

This kind of special projects is a creative process, so the approach should be non-standard. Companies in any field can create joint projects, strengthen each other, exchange audiences and offer interesting solutions for the market. The main thing, as in life — is to focus on common values and think bigger when choosing a partner.

It is possible to determine the following directions for concluding the best partnership option [2]:

1. Creating a joint unusual and unique product.
2. Combining and creating new trends.
3. Attracting media personalities to create a unique product.
4. Collaboration with contemporary artists.
5. Creating an artificial deficit (the success of the Birkin bag is, in fact, the result of one of the first and most famous strong collaborations).
6. Search for companies/people/brands for cooperation.

Here is one example related to coffee: the manufacturer of capsule coffee machines Tassimo offered its consumers coffee capsules not only under its own brand, but also together with well-known brands of custard and instant coffee L'OR, Jacobs, Carte Noir, as well as with world-famous brands of Baileys liqueur and Milka chocolate. This combination allowed Tassimo to switch to capsules for lovers of the listed coffee brands, and they, in turn, managed to retain some of the consumers switching to capsule coffee.

Consider a practical example: the coffee culture magazine *Café Société Magazine*⁴ is the most aesthetic magazine about coffee according to its readers.

Coffee is a lifestyle because a huge number of people relate to it. Coffee is in art, in painting, in music, in literature, in business, in politics, in economics, in travel, and just in everyone's life. Coffee is something

that unites people from all countries of the world, social positions, and any faiths. The magazine, like coffee, unites professionals and amateurs, artists and coffee makers, art historians and travelers.

The purpose of the magazine is to teach how to enjoy coffee, to introduce people to coffee culture, to create people around the community who are passionate and endlessly loving this magical drink.

Bloggers and opinion leaders whose audience is similar in audience to the magazine's audience are most suitable for magazine collaborations.

The target audience can be divided according to the following criteria [3]:

1. Coffee lovers.
 - 1.1. Owners of coffee shops.
 - 1.2. People who are just starting to study and get acquainted with coffee.
 - 1.3. Coffee shop visitors.
 - 1.4. Owners and directors of large companies, similar to Aeroflot or Nestle, for advertising on the pages of the magazine.
 - 1.5. Students who usually study in coffee shops.
 - 1.6. Professional baristas and roasters.
 - 1.7. Freelancers, whose main platform of work is, just, coffee shops.
 - 1.8. Entrepreneurs who hold business meetings over a cup of coffee.
 - 1.9. Creative people (journalists, artists, writers), for whom coffee is the main quantity that helps them to live and create.
 - 1.10. Visitors of older coffee shops, for whom going to a coffee shop is usually a consequence of visiting a theater or concert, can be designated as intelligentsia.

By age, the following groups can be distinguished:

- 1) 18–23
- 2) 24–35
- 3) 36–45
- 4) 46–55
- 5) 55 +

The magazine entered the coffee media market a little less than a year ago [4], and during this time managed to cooperate with many opinion leaders in this market segment. So, he had a collaboration with several coffee bloggers who attracted new subscribers to the magazine on Instagram and increased the audience by 150 people (two coffee bloggers @coffeenation_rus and @coffee_jeanne joined the magazine's account), also with the autumn issue there was a collaboration between the magazine and the brand of drip bags (special bags with coffee for easy brewing alternatives) Brai Gran, who supplied the drips for the entire autumn edition. At the moment, the magazine

⁴ Café Société Magazine. URL: <http://www.cafesociete.ru/>

has several collaborations — with the brand of coffee jewelry — Saxar Jewerly (the company supplies us with jewelry, and we make it an advertising page in a printed magazine) and the bean-to-bar brand of chocolate Chocolate Choice (the company sponsors chocolates for the new spring edition, which will be presented at the coffee and chocolate exhibition — Coffee Tea Cacao Expo 2022). Coffee Tea Cacao Expo is, in fact, another partner with whom the magazine cooperates on barter terms: the company provides the magazine with a stand at the exhibition and the addition of the magazine with the “partners” section in information booklets and on the website, while the magazine places the press release of the exhibition in its issue and advertises the exhibition on Instagram. Now “Café Société” has a partnership with big news media called Inc News⁵ and

they publish different articles every week with a link to a website of the magazine. It is a good interaction: One gives original content, the other — advertising.

Collaboration is one of the best ways to attract a new audience, both to the product itself and to social media accounts. In the network, it is customary to repost each other, offering any mutually beneficial terms of advertising. In the coffee segment, this is a little easier to do, since the audience of coffee shops and those people who drink specialty coffee are still not as large as the main mass segment. For successful mutually beneficial interaction, it is important to determine the goals, audience, and benefits that both sides will receive, prepare creatives, and start talking about each other online in different formats. We will consider further results of collaborations in the following papers.

⁵ Inc News. URL: <https://inc-news.ru/>.

REFERENCES

1. Berger J. Contagious. Psychology of word of mouth. How products and ideas become popular. Moscow: Mann, Ivanov and Ferber; 2017. 240 p.
2. Rosen E. The Anatomy of word of Mouth marketing. London: Harper Collins, Cop.; 2000. 303 p.
3. Bartashevich D.A. Creation and prospects for the development of the online magazine Café Société Magazine. Modern Management: Problems and Prospects — St. Petersburg: Publishing House of St. Petersburg State University of Economics; 2019.
4. Bartashevich D.A., Rebrikova N.V. Competitiveness of life-style magazines in the modern digital environment — Business management in the digital economy. Collection of abstracts of speeches of the 3rd International Conference, 2020.

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Дарья Антоновна Барташевич — студентка 2-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет; главный редактор журнала о культуре кофе “Café Société Mag”, Москва, Россия

Daria A. Bartashevich — 2nd year Master’s student of the Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University; Editor-in-Chief of coffee culture magazine “Café Société Mag”, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-3024-1492>
dariabart@mail.ru

Надежда Владимировна Ребрикова — кандидат экономических наук, доцент департамента психологии и развития человеческого капитала, Финансовый университет; член Гильдии маркетологов, Москва, Россия

Nadezhda V. Rebrikova — Cand. Sci. (Econ.), Associate Professor of the Department of Psychology and Human Capital Development, Financial University; member of the Marketing Guild, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7280-7178>
Rebrikovav@mail.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 19.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 19.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-118-122
УДК 372.881.161.1(045)

Развитие социокультурной компетенции инофонов при обучении профессионально ориентированному языку с применением информационно-коммуникационных технологий

Т.А. Глебова

МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

Настоящая статья имеет своей целью охарактеризовать роль учета социально-культурных особенностей при обучении инофонов профессионально ориентированному языку в рамках преподавания им иностранного языка. Автор работы обращает особое внимание на пути и методы развития социокультурной компетентности иностранных студентов при обучении их языку специальности, в частности при использовании современных средств информационно-коммуникационных технологий. В основу авторского рассуждения положен принцип коммуникативной направленности преподавания иностранного языка. В конце статьи сделан вывод о том, что для качественного обучения иностранных студентов языку специальности эффективно формировать взаимосвязь профессиональной и социокультурной компетенций. Только комплексный подход способствует органичной интеграции инофона в новую для него культурную среду, а следовательно, готовит его к эффективному функционированию в условиях межкультурной коммуникации.

Ключевые слова: компетенция; социокультурная компетенция; информационно-коммуникационные технологии в обучении; английский язык; профессионально ориентированный язык; язык специальности

Для цитирования: Глебова Т.А. Развитие социокультурной компетенции инофонов при обучении профессионально ориентированному языку с применением информационно-коммуникационных технологий. *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):118-122. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-118-122

ORIGINAL PAPER

Development of Socio-Cultural Competence in Teaching a Professionally Oriented Language Using ICT

T.A. Glebova

MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

ABSTRACT

This paper aims to characterize the role of considering socio-cultural characteristics in teaching foreign speakers a professionally oriented language in the framework of teaching them a foreign language. The author pays special attention to the ways and methods of developing the socio-cultural competence of foreign students in teaching them their specialty language, in particular when using modern means of information and communication technologies (ICT). The basis of the author's reasoning is the principle of the communicative orientation of teaching a foreign language. At the end of the study, the author concluded it is effective to form the relationship between professional and sociocultural competencies for the qualitative teaching of foreign students in the language of their specialty. The particularly an integrated approach contributes to the organic integration of the foreign language into a new cultural environment, and, therefore, prepares it for effective functioning in the conditions of intercultural communication.

Keywords: competence; socio-cultural competence; ICT in education; English language; professionally oriented language; specialty language

For citation: Glebova T.A. Development of socio-cultural competence in teaching a professionally oriented language using ICT. *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):118-122. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-118-122

В практике обучения студентов иностранному языку особое место отводится развитию у них профессиональных компетенций. Основная задача преподавателя — научить инофонов умению обращаться с изучаемым языком как с инструментом профессиональной деятельности, читать литературу по специальности, ориентироваться в речевых ситуациях, сопровождающих рабочие моменты и т.д. Этот навык позволит им эффективно интегрироваться как в национальную, так и в мировую культуру [1].

Следует отметить, что любая компетентность в знании языка является следствием его применения, т.е. постоянной речевой практики. С целью реализации вышеуказанной задачи современная методическая наука предлагает систему интерактивного обучения, а также деятельностный и личностно ориентированный подходы, которые в своей совокупности способны обеспечить формирование у иностранных обучающихся навыки иноязычного общения для специальных целей: в профессиональных, научных и деловых сферах [2].

Постижение иностранцем профессионально ориентированного блока любого языка неразрывно связано с коммуникацией. По справедливому выражению С.Г. Тер-Минасовой, «<...> каждое иностранное слово отражает иностранный мир и иностранную культуру: за каждым словом стоит обусловленное национальным сознанием <...> представление о мире»¹. Следовательно, для более эффективного усвоения студентами комплекса знаний и умений, лежащих в рамках профессиональных компетенций, важно их знакомство и с социокультурными особенностями страны изучаемого языка [3], которые, бесспорно, проявляются и в акте профессионального общения. Трудно оспоримым является тот факт, что для успешности коммуникации не всегда бывает достаточно лишь хорошего уровня владения иностранным языком. Для участия в межкультурном профессиональном взаимодействии требуется и «правильное интерпретирование речевого поведения иноязычных собеседников», и «умение вербально оформить свои мысли» так, чтобы это было понятно носителям языка [4].

Сведения об особенностях культуры и моделях речевого поведения носителей входят в плоскость социокультурной компетенции, которая

предполагает умение инофона понимать и использовать в своем речевом опыте знания о национально-культурных особенностях населения России, которые приобретаются при коммуникации в профессиональной сфере. Предполагается, что иностранец, попадая в ту или иную ситуацию общения, может успешно коммуницировать «<...> следуя обычаям, правилам поведения, нормам этикета, социальным условиям, стереотипам поведения носителей языка»².

Солидаризируемся с Н.Н. Самчик в том, что социокультурная компетенция — это многоуровневая структура, которая не сводится лишь к усвоению менталитетных особенностей носителей изучаемого языка. Здесь имеют место лингвострановедческие сведения, готовность к межкультурной коммуникации, четкое понимание собственной задачи в акте общения, стратегические элементы, которые оказываются необходимы при «срыве в коммуникации». Важность имеют даже психологические аспекты коммуникации, включающие умение инофона следовать «специфическим моделям поведения с использованием коммуникативной техники, принятой в данной культуре» [5]. Трудно не согласиться, что данная важнейшая задача обучения профессионально ориентированному иностранному языку может быть решена только при условии постоянной речевой практики и систематического наблюдения. Каким же образом преподавателю следует организовать качественную подготовку инофона к ситуациям профессионального общения с учетом социокультурных реалий носителей языка? Справедливости ради отметим, что обучение речевому поведению в условиях пребывания в учебной аудитории реально и даже эффективно при использовании игровых технологий [6]. Однако большая трудность заключается в том, что преподаватель не является специалистом в той области, которая затем станет профессиональным полем иностранного студента. Следовательно, на помощь ему приходят современные информационно-коммуникационные технологии (ИКТ) [7], посредством которых может происходить обучение деловой стороне иноязычной речи, а также трансляция образцов делового общения.

Главное их преимущество заключается в доступности. На сегодняшний день Глобальная па-

¹ Тер-Минасова С.Г. Язык и межкультурная коммуникация. Учебное пособие. М.: Слово; 2008.

² Азимов Э.Г. Новый словарь методических терминов и понятий (теория и практика обучения языкам). М.: ИКАР; 2010.

утина располагает большим числом материалов (как аудио, так и визуальных), которые позволяют познакомить обучающегося с речевыми ситуациями профессиональной коммуникации. Ценностью такого рода материалов оказывается их аутентичность. Иными словами, иностранец является наблюдателем речевого поведения носителей языка и через анализ увиденного и/или услышанного, проведенный под непосредственным руководством преподавателя, делает соответствующие выводы об особенностях коммуникации участников диалога. Важной составляющей такой работы становится возможность применить технологии интерактивного обучения в проигрывании подобных (например, как на видео) речевых ситуаций делового общения как в паре с преподавателем, так и с одноклассниками. Одновременно с овладением социокультурными реалиями студенты отрабатывают важные коммуникативные навыки фонематического слуха и аудирования текстов по специальности.

Отдельно отметим, что поиск данного рода материалов целесообразно осуществлять на базе современных социальных сетей, блогов, электронных дневников и видеохостингов. На сегодняшний день это практически неисчерпаемый источник как лингвострановедческих сведений, так и тех, что можно эффективно использовать при обучении инофонов языку специальности. Действительно, тематическое наполнение контента открытых интернет-ресурсов поражает своим разнообразием. Проблема заключается лишь в том, чтобы подобрать качественный материал, на базе которого наблюдение за проявлением социокультурных особенностей носителей языка окажется наиболее эффективным. Отдельно отметим, что в современных реалиях использование на занятиях по иностранному языку подобных материалов признается одним из мощнейших стимулов к обучению, поскольку отсыл к так называемым «трендам» обладает большой степенью влияния на мотивацию студентов, актуализируя, в том числе, их речевую активность [8]. В то же время в традиционной учебно-организационной модели формирование речесвязанных навыков, включая профессиональные, происходит посредством выполнения упражнений из учебников и учебных пособий, чтения текстов по специальности.

Несомненно, в практике формирования профессиональной иноязычной компетенции такая технология является базовой, однако данная фор-

ма работы считается однообразной, монотонной, а поэтому малоэффективной. Наблюдение же за реальным профессиональным общением и последующая практика такого рода коммуникации посредством ролевой игры призваны сформировать у инофона комплекс знаний и умений, положенных в основу как профессиональной, так и социокультурной компетенции. Кроме того, использование видеоматериалов, демонстрирующих образец профессионального общения какого-либо известного человека (например, знаменитого юриста, успешного экономиста, популярного телеведущего и т.п.) способно произвести эффект так называемого «проецирования» будущей профессии на конкретные личности. Это дает возможность обучающемуся увидеть перспективы своей дальнейшей профессиональной деятельности, а следовательно, способствуют успешной учебе.

Работа с видеоматериалами, содержащими образцы профессиональной иноязычной коммуникации, строится по принятой в методике последовательности дотекстовой, текстовой и послетекстовой деятельности. На дотекстовом этапе происходит разбор лексико-грамматической структуры текста, устраняются возможные трудности. Следующим этапом выступает просмотр ролика, а дальнейшее его обсуждение, выявление национально-маркированных элементов речевого поведения, а также инсценирование происходит в рамках послетекстовой работы. Здесь важно отметить еще одно преимущество использования ИКТ в обучении инофонов — возможность многократно обращаться к визуальному материалу, по несколько раз просматривать концептуально важные моменты, составлять собственные схемы и таблицы, выделять ключевые слова, важные для обработки текста и его осмысленного воспроизведения.

На сегодняшний день в практике преподавания свою эффективность показывают электронные учебники и учебные пособия [9], в том числе и те, что призваны обучить инофонов профессиональному общению. Функционал такого рода дидактических материалов позволяет преподавателю-составителю объединять текстовую, аудио- и видеоинформацию, сопровождая каждый урок ссылками на интернет-источники, добавлением необходимых видеороликов и т.д., а следовательно, достигать задач обучения более системно.

Современные ИКТ помогают иностранному студенту стать активным участником иноязыч-

ного профессионального общения посредством коммуникации с представителями той или иной профессии. Здесь на помощь приходят современные средства связи (чаты, мессенджеры, электронная почта и т.д.). При тренировке навыков профессионального общения таким образом иностранцы получают возможность отработки правил делового этикета, одновременно оттачивая навыки в области такого вида деятельности, как письмо. Такая форма работы очень полезна, поскольку современные компании ведут деловую переписку на базе популярных чатов и мессенджеров, а документооборот, осуществляемый через электронные почтовые ящики, в обязательном порядке сопровождают текстовой информацией. Практика внедрения подобных форм работы подтверждает необходимость тренировки диалогического иноязычного общения, без которого не произойдет формирование и развитие «коммуникативных и иных профессиональных компетенций на иностранном языке» [10].

Современные информационно-коммуникационные технологии позволяют преподавателю иностранного языка познакомить учащихся

с разнообразием электронных словарей, фиксирующих лексемы той или иной области знания. Их использование упростит процесс понимания инофонами текстов по специальности, а следовательно, обогатит их словарный запас в том объеме, который окажется необходим для решения профессиональных задач на иностранном языке.

Подводя итоги, можно отметить, что при качественном обучении языку специальности иностранных студентов тенденции формирования профессиональной и социокультурной компетенции обнаруживают свою эффективность в тесной связи друг с другом. В условиях вуза, когда занятия проходят в учебных аудиториях, реализовать задачи по развитию навыков иноязычного профессионального общения возможно посредством информационно-коммуникационных технологий, в частности аудиовизуальных средств обучения. Таким образом, использование знаний, лежащих в плоскости социокультурной компетенции, позволяет иностранному студенту эффективно интегрироваться в процесс межкультурной коммуникации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Бурлакова И.И. Практика формирования социокультурной компетенции на занятиях по иностранному языку. *Язык и текст*. 2018;5(1):109–115. DOI: 10.17759/langt.2018010110
2. Буримская Д.В. Комплексный подход при обучении студентов неязыковых факультетов иностранному языку на базе информационных систем. *Вестник Московского государственного областного университета. Серия: Педагогика*. 2019;(2):96–111. DOI: 10.18384/2310–7219–2019–2–96–111
3. Mohammad S.M. Anwar Specifics of the socio-cultural competency development of students in the framework of foreign language education. *Laplage em Revista (International)*. 2021;7(3):316–323. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173D1723>
4. Гозалова М.Р. Развитие социокультурной компетенции в процессе обучения иностранному языку. *Вестник ассоциации вузов туризма и сервиса*. 2013;(3):49–52.
5. Самчик Н.Н. Развитие социокультурной компетенции при обучении русскому языку как иностранному. *Карельский научный журнал*. 2019;3(28):57–59. DOI: <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0803-0016>
6. Коннова З.И., Семенова Г.В. Формирование социокультурной компетенции студентов на занятиях по иностранному языку. *Известия Тульского государственного университета. Гуманитарные науки*. 2018;(4):71–80.
7. Буримская Д.В. Принципы формирования профессионально-ориентированного содержания обучения иностранному языку на базе ИКТ в вузах. *Отечественная и зарубежная педагогика*. 2020;3(68):96–104.
8. Guryanov I. O., Rakhimova A. E., Marisol C. Guzman. Socio-Cultural Competence in Teaching Foreign Languages. *International Journal of Higher Education*. 2019;8(7):116–120. DOI: <https://doi.org/10.5430/ijhe.v8n7p116>
9. Струнина Н.В. Социокультурная компетенция как элемент профессиональной компетентности будущих инженеров. *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Гуманитарные науки*. 2014;1(29):245–254.
10. Глевова Т.А. Анализ особенностей преподавания иностранных языков посредством ИКТ в период пандемических ограничений. *Вестник Майкопского государственного технологического университета*. 2021;13(3):135–139. DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-135-139>

REFERENCES

1. Burlakova I. I. The practice of the formation of socio-cultural qualifications in the classroom in a foreign language. *Language and text*. 2018;5(1):109–115. (In Russ.). DOI: 10.17759/langt.2018010110
2. Burimskaya D. V. An integrated approach to teaching students of non-linguistic faculties a foreign language in information systems. *Bulletin of the Moscow State Regional University. Series: Pedagogy*. 2019;(2):96–111. (In Russ.). DOI: 10.18384/2310–7219–2019–2–96–111
3. Mohammad S. M. Anvar Features of the development of socio-cultural competence of students in the framework of foreign language education. *Laplace em Revista (International)*. 2021;7(3):316–323. DOI: <https://doi.org/10.24115/S2446-6220202173D1723>
4. Gozalova M. R. Development of socio-cultural qualifications in the process of teaching a foreign language. *Bulletin of the association of universities of tourism and service*. 2013;(3):49–52. (In Russ.).
5. Samchik N. N. Development of socio-cultural qualifications in teaching English as a foreign language. *Karelian scientific journal*. 2019;3(28):57–59. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.26140/knz4-2019-0803-0016>
6. Konnova Z. I., Semenova G. V. Formation of socio-cultural qualification of students in the classroom in a foreign language. *News of the Tula State University. Humanitarian sciences*. 2018;(4):71–80. (In Russ.).
7. Burimskaya D. V. formation of a professionally oriented content of teaching a foreign language based on ICT in universities. *Domestic and foreign pedagogy*. 2020;3(68):96–104. (In Russ.).
8. Guryanov I. O., Rakhimova A. E., Marisol S. Gusman. Sociocultural competence in teaching foreign languages. *International Journal of Higher Education*. 2019;8(7):116–120. DOI: <https://doi.org/10.5430/ijhe.v8n7p116>
9. Strunina N. V. Sociocultural competence as an element of professional competence of future engineers. *News of higher educational institutions. Volga region. Humanitarian sciences*. 2014;1(29):245–254. (In Russ.).
10. Tlevtsezheva M. A. Analysis of the features of teaching foreign languages using ICT during the period of pandemic restrictions. *Bulletin of Maikop State Technological University*. 2021;13(3):135–139. (In Russ.). DOI: <https://doi.org/10.47370/2078-1024-2021-13-3-135-139>

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Александровна Глебова — кандидат педагогических наук, старший преподаватель кафедры английского языка № 2 МГИМО (У) МИД России, Москва, Россия

Tatyana A. Glebova — Cand. Sci. (Ped.), Senior Lecturer, Department of English No. 2, MGIMO (U) of the Ministry of Foreign Affairs of Russia, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0001-8824-7603>

tg2000@list.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 15.05.2022; принята к публикации 15.06.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 15.05.2022; accepted for publication on 15.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.

ОРИГИНАЛЬНАЯ СТАТЬЯ

DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-123-127
УДК 378.147(045)

Удовлетворенность качеством образования студентов российских вузов в условиях пандемии (на примере Финансового университета)

К.С. Билуха, М.Р. Данилова

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье анализируется удовлетворенность качеством образования в высших учебных заведениях Российской Федерации в период пандемии. Акцент сделан на вынужденном переходе большинства высших учебных заведений России сначала на дистанционный формат обучения, а затем – некоторых вузов – на гибридный формат. Раскрыта значимость проведения исследований, направленных на изучение удовлетворенности качеством обучения. Приведены данные научных исследований, характеризующих отношение студентов и преподавателей к онлайн-занятиям, описаны преимущества и недостатки, с которыми информанты столкнулись во время дистанционного формата обучения, выделены дисциплины, проведение которых особенно затруднительно на онлайн-платформах. Особое внимание в статье уделено мониторинговому исследованию об удовлетворенности качеством образования учебно-социологической лаборатории департамента социологии Финансового университета при Правительстве Российской Федерации, где анализ результатов базировался на составлении индексов по собственной методике расчета. Представлен общий индекс удовлетворенности качеством обучения в целом по университету, курсам и основе обучения, а также индексы по очному и онлайн-формату изучения различных групп дисциплин.

Ключевые слова: дистанционное обучение; пандемия; удовлетворенность; качество образования; высшее образование

Для цитирования: Билуха К.С., Данилова М.Р. Удовлетворенность качеством образования студентов российских вузов в условиях пандемии (на примере Финансового университета). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):123-127. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-123-127

ORIGINAL PAPER

Contentment with the Quality of Students' Education of Russian Universities in a Pandemic (on the Example of the Financial University)

K.S. Bilukha, M.R. Danilova

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper reveals the features of contentment with the quality of education in higher educational institutions of the Russian Federation during the pandemic. The emphasis is on the forced transition first to the distance learning format of higher educational institutions in Russia, and then to the hybrid format chosen by some universities. The authors reveal the importance of conducting research aimed at studying satisfaction with the quality of education. The paper presents the data of scientific research characterizing the attitude of students and teachers to online classes. Also, there are described the advantages and disadvantages that the informants encountered during the distance learning format, and the disciplines that are especially difficult to conduct on online platforms are also highlighted. The authors paid particular attention to the results of a monitoring study on satisfaction with the quality of education of the Educational Sociological Laboratory of the Department of Sociology of the Financial University under the Government of the Russian Federation. The analysis of the research was based on compiling indices using its own calculation method. It is presented as a general index of contentment with the quality of education for the entire university, by courses and by the basis of education, as well as indices separately for full-time and online formats for conducting various groups of disciplines.

Keywords: distance learning; pandemic; satisfaction; quality of education; higher education

For citation: Bilukha K.S., Danilova M.R. Contentment with the quality of students' education of Russian universities in a pandemic (on the example of the Financial University). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finansovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):123-127. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-123-127

ВВЕДЕНИЕ

Пандемия COVID-19 оказала сильное воздействие на все сферы жизнедеятельности общества. Резкие и вынужденные перемены стали серьезным вызовом для всей системы образования в России. Большинство высших учебных заведений были переведены в совершенно новую и непривычную плоскость — онлайн-формат [1], что, безусловно, отразилось на качестве получаемых студентами знаний и на удовлетворенности этими знаниями. С течением времени некоторые учебные заведения вводили гибридный режим обучения [2]. Противоречивый характер данной ситуации заключается в том, что переход на онлайн-формат должен был способствовать обеспечению непрерывности образования с сохранением качества получаемых компетенций. Однако дистанционное обучение, как показала практика, имеет свои недостатки¹ [2].

Анализ удовлетворенности качеством образования является важным инструментом для оценки образовательного процесса, а также для эффективного управления образовательной деятельностью [3]. Именно поэтому важно проводить регулярные мониторинговые исследования, которые выступают в роли обратной связи, тем самым помогая улучшить систему образования в учреждении [4]. Они проводятся на разных уровнях², однако качество профессионального образования анализировать особенно важно, так как вузы ориентированы на выпуск высококвалифицированных специалистов, способных соответствовать требованиям развивающегося общества [5]. Сейчас, как и до пандемии, исследования удовлетворенности качеством образования проводятся во множестве высших учебных заведениях России (в Санкт-Петербургском государственном архитектурно-строительном университете, где респондентами выступают студенты и выпускники³, ВШЭ⁴, МГЛУ [6]) и за рубежом [7].

В 2020 г. 96% образовательных учреждений вынуждены были перейти на дистанционное обучение, поэтому важно изучать удовлетво-

ренность студентов таким форматом в текущих условиях [8].

Результаты исследований удовлетворенности качеством образования могут быть полезны при корректировке систем управления вузами и разработке стратегий выхода университетов из кризиса, вызванного COVID-19 и его последствиями [9]. Согласно исследованию Томского государственного университета, проведенному в 2021 г. при поддержке Министерства науки и высшего образования Российской Федерации, процент преподавателей высших учебных заведений, которые негативно относятся к дистанционному формату обучения, снизился на 10% по сравнению с аналогичным показателем 2020 г. и составил 37%. То есть в целом профессорско-преподавательский состав доволен онлайн-обучением.

При этом наиболее желательным способом организации образования, по мнению студентов, является смешанный формат. Основным положительным аспектом гибридного обучения студенты назвали освободившееся время. Однако важно отметить, что высказывания о качестве такого образования были весьма осторожные. Больше половины студентов заявили, что дистанционный формат позволяет в полной мере освоить образовательную программу (70%), 7% убеждены в том, что высшее образование может быть полностью переведено в онлайн-формат. Самой главной проблемой онлайн-учебы студенты назвали нехватку личного общения (40%) [10].

Д.Н. Ракачев приводит данные социологического исследования, которое было проведено летом 2020 г. среди преподавателей и студентов Кубанского государственного университета и посвящено проблемам перехода вуза на дистанционное обучение в условиях пандемии коронавируса [11].

Так, большинство представителей профессорско-преподавательского состава (64,4%) отметили, что переход на дистанционный формат обучения негативно повлиял на некоторые виды учебной деятельности. При этом всего 2,2% опрошенных считают, что учебный процесс проходит полноценно.

Стоит заметить, что оценки студентов более оптимистичны. Четверть опрошенных (25,4%) заявили, что онлайн-система является полной альтернативой очным занятиям в университете. Однако почти 45% обучающихся считают, что дистанционное образование смогло заменить в основном традиционные лекции и семинары, но определенные виды деятельности в условиях онлайн-обучения осуществлять невозможно. Менее трети респондентов-студентов

¹ Вузы гибридного формата. URL: <https://plus.rbc.ru/news/6086b12e7a8aa91c9dc7e8fd>

² Анализ удовлетворенности качеством образования. URL: <https://goo.su/3ZUA4Xf>

³ Мониторинг удовлетворенности качеством образования. URL: https://www.spbgasu.ru/Obrazovatel'naya_deyatelnost/Ocenka_kachestva_obrazovaniya/Monitoring_udovletvorennosti_kachestvom_obrazovaniya/

⁴ Уровень удовлетворенности качеством образования в НИУ ВШЭ — Нижний Новгород растет. URL: <https://nnov.hse.ru/career/news/284026454.html>

придерживаются мнения, что дистанционное обучение не заменило очные занятия.

Т.Н. Субботина отмечает, что наиболее затруднительно в период пандемии вести онлайн-занятия по техническим дисциплинам, медицине, культуре и искусству, так как по данным предметам сложно проводить дистанционные лабораторные и практические работы. Еще одной особенностью образования во время пандемии и онлайн-обучения, по мнению многих студентов, стало увеличение учебной нагрузки (об этом заявило 40% опрошенных), а недостаток навыков самоорганизации усложнил ситуацию. Также были названы такие проблемы, как дискомфорт из-за включенной видеокамеры (об этом заявила почти треть студентов) и трудности при задавании вопросов онлайн (35%). Однако в целом автор делает вывод о том, что студенты положительно отнеслись к внедрению дистанционного обучения, только для 39% студентов стало сложнее учиться дома [1].

В период с ноября по декабрь 2021 г. учебно-научной социологической лабораторией департамента социологии Финансового университета при Правительстве РФ было проведено мониторинговое исследование под названием «Удовлетворенность качеством образования в Финуниверситете» (УКО).

МЕТОДЫ И МЕТОДОЛОГИЯ ИССЛЕДОВАНИЯ

В опросе приняли участие 5373 студента Финуниверситета очной, очно-заочной и заочной формы, выборка составила 35% всех обучающихся университета. Основным методом исследования — онлайн-опрос.

В Финансовом университете за этот период осуществлялось как дистанционное, так и очное обучение, поэтому в инструментарий были включены вопросы, направленные на оценку удовлетворенности обоими форматами обучения. Именно на них далее и будет сделан акцент.

Стоит заметить, что сегодня существует большое разнообразие подходов к определению термина «качество образования», однако в процессе проведения мониторингового исследования данное понятие рассматривалось как комплексная характеристика образовательной деятельности и подготовки студентов, которая выражает степень их соответствия образовательным стандартам.

Полученные результаты опроса представлены в форме простых нормированных индексов (от 0 до 1).

Осенью 2021 г. данный индекс был рассчитан на основе оценок удовлетворенности качеством обучения, данных студентами, по: а) профильным

и общепрофессиональным дисциплинам; б) общегуманитарным дисциплинам (философия, история, БЖД и т.д.); в) математике и информатике, реализуемым в вузе в очном и дистанционном форматах посредством лекций и семинаров.

Весенний индекс удовлетворенности качеством образования включал оценки удовлетворенности: а) преподаваемому материалу в целом; б) проведению лекционных занятий; в) проведению семинарских/практических занятий.

Удовлетворенность разными форматами обучения — дистанционным и очным — также измерялась посредством целевого вопроса: «Оцените, пожалуйста, насколько вы удовлетворены качеством обучения в Финуниверситете: в традиционной форме и дистанционной форме (выберите один вариант ответа от 0 до 10, где 0 — совсем не удовлетворен, 10 — полностью удовлетворен)».

ПОКАЗАТЕЛИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ В ЦЕЛОМ ПО ВУЗУ

Согласно результатам исследования общий индекс удовлетворенности студентов качеством образования в Финансовом университете осенью 2021 г. составлял 0,77. За полгода он возрос (весной 2021 г. был равен 0,73).

Что касается удовлетворенности качеством проведения занятий в традиционной и онлайн-формах, то можно заметить, что показатели дистанционного обучения растут. Так, по сравнению с данными, полученными зимой 2020 г., где студенты были больше удовлетворены занятиями в традиционной (средний индекс — 8,14 из 10), чем в дистанционной форме (средний индекс — 7,47), зимой 2021 г. студентов в большей мере удовлетворяло качество проведения занятий с использованием онлайн-технологий (средний индекс — 0,77), нежели в аудиториях (средний индекс — 0,67).

ПОКАЗАТЕЛИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПО КУРСАМ

В разрезе по курсам в бакалавриате заметна тенденция к снижению уровня удовлетворенности качеством обучения в целом (1-й курс: $i = 0,79$; 4-й курс: $i = 0,73$). В магистратуре аналогичная ситуация (1-й курс: $i = 0,80$; 2-й курс: $i = 0,75$).

Удовлетворенность проведением дистанционных занятий также растет с каждым курсом обучения, в то время как данный показатель у очных занятий падает. Наиболее наглядно это прослеживается по общегуманитарным дисциплинам (дистанционный формат: 1-й курс — 0,81; 4-й курс — 0,85).

ПОКАЗАТЕЛИ УДОВЛЕТВОРЕННОСТИ ПО ОСНОВЕ ОБУЧЕНИЯ

Наибольшая удовлетворенность качеством образования в целом наблюдается среди обучающихся по целевому направлению ($i = 0,79$). Студенты, обучающиеся на бюджетной и коммерческой основе, оценили качество образования на уровне 0,76.

Значительных отличий индексных значений по удовлетворенности качеством проведения отдельных видов занятий в очной и дистанционной форме в зависимости от основы обучения не обнаружено. Однако надо заметить, что у студентов целевой основы обучения наблюдаются самые высокие индексные показатели (по общегуманитарным и профильным дисциплинам в дистанционной форме $i = 0,88$). Самые низкие индексные значения — у студентов-бюджетников, они меньше всего удовлетворены качеством проведения очных лекционных занятий по общегуманитарным дисциплинам, математике и информатике ($i = 0,67$ и $i = 0,69$ соответственно).

ВЫВОДЫ

Дистанционное обучение — это неотъемлемая часть современной системы образования. Мно-

гие студенты имеют опыт получения знаний в данном формате. При этом можно выделить положительные аспекты онлайн-образования, например экономия времени на дорогу до учебного заведения. Однако дистанционное обучение включает и ряд негативных моментов, таких как нехватка личного общения, невозможность проведения некоторых учебных практик.

С течением времени отношение студентов к дистанционному формату улучшается, а количество удовлетворенных очными занятиями уменьшается, при этом прослеживается тенденция к снижению уровня удовлетворенности качеством обучения в целом среди студентов бакалавриата и магистратуры.

Важно отметить, что, по мнению большинства студентов, смешанный формат высшего образования является наиболее оптимальным выходом из сложившейся в контексте пандемии COVID-19 ситуации. Дистанционные лекционные занятия позволяют многократно возвращаться к изучаемому материалу, а очные семинары дают студентам возможность получить практические навыки и компетенции.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Субботина Т.Н. Роль общественного мнения и неформальных профессиональных норм в повышении качества образования. *Управление образованием: теория и практика*. 2020;3(39):49–56.
2. Белова А. Университеты и школы тестируют смешанные форматы обучения. URL: <https://rg.ru/articles/microsoft/>
3. Белоконь О.В., Белова Н.Ю. Удовлетворенность качеством образовательных услуг среднего профессионального образования как управленческая проблема. *Педагогическое образование в России*. 2018;(6):22–27.
4. Танова А.Г., Евсеева Л.И., Поздеева Е.Г., Тростинская И.Р. Субъектные аспекты мониторинга удовлетворенности студентов качеством образования (по материалам центра социологических исследований СПбПУ). *Общество. Коммуникация. Образование*. 2018;(1):90–102.
5. Чистякова В.А., Булавин В.В. К вопросу об управлении качеством образования в вузе с использованием результатов мониторинга удовлетворенности студентов условиями обучения. *Информация и образование: границы коммуникаций INFO*. 2018;10(18):37–39.
6. Образцов И.В., Половнёв А.В., Дмитриева М.М. Динамика удовлетворенности студентов качеством обучения (на примере мониторингового исследования в МГЛУ). *Вестник Московского государственного лингвистического университета. Общественные науки*. 2021;4(845):256–272.
7. Зотова В.А. Международный опыт участия студентов в оценке качества образования. *Креативная экономика*. 2017;11(3):303–314.
8. Давлетова А.А., Алексеев О.А. Дистанционное обучение. *Достижения науки и образования*. 2021;1(73):35–38.
9. Болгова В.В., Гаранин М.А., Краснова Е.А., Христофорова Л.В. Образование после пандемии: падение или подготовка к прыжку? *Высшее образование в России*. 2021;(7):9–31.
10. Суханова Е.А., Фруммин И.Д. Качество образования в российских университетах: что мы поняли в пандемию: Аналитический доклад. Томск: Издательство Томского государственного университета; 2021. 46 с.
11. Ракачев Д.Н. Вуз в условиях пандемии: дистанционное обучение в оценках преподавателей и студентов. *Южно-российский журнал социальных наук*. 2020;(4):103–121.

REFERENCES

1. Subbotina T.N. The role of public opinion and informal professional norms in improving the quality of education. *Education management: Theory and practice*. 2020;3(39):49–56. (In Russ.).
2. Belova A. Universities and schools are testing blended learning formats. URL: <https://rg.ru/articles/microsoft/>. (In Russ.).
3. Belokon O.V., Belova N. Yu. Satisfaction with the quality of educational services of secondary vocational education as a managerial problem. *Pedagogical education in Russia*. 2018; (6):22–27. (In Russ.).
4. Tanova A.G., Evseeva L.I., Pozdeeva E.G., Trostinskaya I.R. Subjective aspects of monitoring student satisfaction with the quality of education (based on materials from the Center for Sociological Research of SPbPU). *Society. Communication. Education*. 2018;(1):90–102. (In Russ.).
5. Chistyakova V.A., Bulavin V.V. On the issue of quality management of education in the university using the results of monitoring student satisfaction with the conditions of education. *Information and education: The boundaries of INFO communications*. 2018;10(18):37–39. (In Russ.).
6. Obraztsov I.V., Polovnev A.V., Dmitrieva M.M. Dynamics of student satisfaction with the quality of education (on the example of a monitoring study at MSLU). *Bulletin of the Moscow State Linguistic University. Social Sciences*. 2021;4(845):256–272. (In Russ.).
7. Zotova V.A. International experience of student participation in education quality assessment. *Creative economy*. 2017;11(3):303–314. (In Russ.).
8. Davletova A.A., Alekseev O.A. Distance learning. *Achievements of science and education*. 2021;1(73):35–38. (In Russ.).
9. Bolgova V.V., Garanin M.A., Krasnova E.A., Khristoforova L.V. Education after the pandemic: Fall or preparation for the jump? *Higher education in Russia*. 2021;(7):9–31. (In Russ.).
10. Sukhanova E.A., Frumin I.D. The quality of education in Russian universities: What we understood during the pandemic: Analytical report. Tomsk: Tomsk State University Publishing House; 2021. 46 p. (In Russ.).
11. Rakachev D.N. University in a pandemic: Distance learning in the assessments of teachers and students. *South Russian Journal of Social Sciences*. 2020;(4):103–121. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРАХ / ABOUT THE AUTHORS

Ксения Сергеевна Билуха — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций; лаборант-исследователь учебно-научной социологической лаборатории департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Ksenia S. Bilukha — 3rd year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Research assistant at the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0002-0646-8099>
KSBilukha@fa.ru

Милена Ровшиановна Данилова — студентка 3-го курса факультета социальных наук и массовых коммуникаций; лаборант-исследователь учебно-научной социологической лаборатории департамента социологии, Финансовый университет, Москва, Россия

Milena R. Danilova — 3rd year student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications; Research assistant at the Educational and Scientific Sociological Laboratory of the Department of Sociology, Financial University, Moscow, Russia
<https://orcid.org/0000-0001-7473-2704>
MRDanilova@fa.ru

Конфликт интересов: авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.
Conflicts of Interest Statement: The authors have no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 16.05.2022; принята к публикации 10.06.2022.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

The article was received on 16.05.2022; accepted for publication on 10.06.2022.

The authors read and approved the final version of the manuscript.

Образ современного российского университета в зеркале мнений преподавателей и студентов (на примере Финансового университета)

Т.С. Вокуева

Финансовый университет, Москва, Россия

АННОТАЦИЯ

В статье раскрывается образ современного российского вуза через призму мнений двух главных участников образовательного процесса: преподавателей и студентов, и выделяются основные составляющие корпоративной культуры, которые формируют их представления о нем. Востребованность высшего образования среди представителей молодого поколения снова стремительно сокращается. Для такой тенденции существует достаточно много причин: это и возрастающая сложность выпускных экзаменов, и сокращение числа бюджетных мест на более востребованных направлениях, и потребность в быстром выходе на рынок труда. Корпоративная культура в этом плане играет важную роль и формирует базовый перечень установок, по которым должна организовываться работа учебного заведения. Разделяемая всеми участниками и экс-участниками образовательного процесса, она позволяет сформировать определенное восприятие учебного заведения среди остальной общественности. В то же время существующие проблемы во внешней среде, в особенности уже ранее существующее восприятие бренда, оказывают существенное влияние на корпоративную культуру университета.

Ключевые слова: образ университета; имидж; корпоративная культура; преподаватель; студент

Для цитирования: Вокуева Т.С. Образ современного российского университета в зеркале мнений преподавателей и студентов (на примере Финансового университета). *Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета*. 2022;12(4):128-132. DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-128-132

Modern Russian University Image in the Mirror of Opinions of Lecturers and Students (on the Example of the Financial University)

T.S. Vokueva

Financial University, Moscow, Russia

ABSTRACT

The paper reveals the image of a modern Russian university through the prism of the opinions of the two key participants in the educational process: lecturers and students, and highlights the principal components of the corporate culture that form their ideas about it. The demand for higher education among the younger generation is again rapidly declining. There are quite a few reasons for this trend: these are the increasing complexity of final exams, the reduction in the number of state-funded places in more popular fields, and the necessity of quick entering the labor market. Corporate culture plays an important role and forms the basic list of attitudes and, with the accordance, the work of an educational institution should be organized. The educational process allows all participants and ex-participants to form a certain perception of the educational institution among the rest of the public. Existing problems in the external environment, in particular the pre-existing perception of the brand, have a significant impact on the corporate culture of the university.

Keywords: university image; form; corporate culture; lecturer; student

For citation: Vokueva T.S. Modern russian university image in the mirror of opinions of lecturers and students (on the example of the Financial University). *Gumanitarnye Nauki. Vestnik Finasovogo Universiteta = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University*. 2022;12(4):128-132. (In Russ.). DOI: 10.26794/2226-7867-2022-12-4-128-132

ВВЕДЕНИЕ

В современном обществе формирование положительного образа вуза становится актуальной проблемой как в деловой сфере, так и на рынке образовательных услуг. Текущая ситуация с высоким уровнем конкуренции в отрасли предъявляет определенные требования к деятельности вузов как со стороны министерства образования, так и со стороны «клиента» (студента или преподавателя) [1]. Образ университета играет огромную роль в восприятии всех участников образовательного процесса. Это влияет на способность вуза привлекать успешных преподавателей для передачи опыта студентам [2]. Именно высшее учебное заведение несет ответственность за подготовку высококвалифицированных специалистов, создает студентам возможности успешного трудоустройства, а также является важным этапом трудового процесса преподавателя [3]. Бренд вуза и его образ могут влиять на построение дальнейших связей и выступать как идентификатор «свой-чужой». Имидж вуза привлекает как преподавателей, так и студентов с определенным набором ценностей, который соответствует корпоративной культуре учебного заведения. Вопрос идентификации касается и рынка образовательных услуг из-за имеющейся конкуренции между вузами, которые стремятся лидировать в различных мировых и национальных рейтингах [4].

Цель статьи — выявить, как студенты и преподаватели Финансового университета представляют себе образ современного российского университета и определить их ценностные индикаторы.

МЕТОДЫ ИССЛЕДОВАНИЯ

В качестве эмпирической базы были использованы результаты инициативного социологического исследования в рамках выпускной квалификационной работы на тему «Влияние восприятия бренда на корпоративную культуру Финансового университета при Правительстве РФ», которое проводилось автором в 2022 г. Данное исследование позволяет рассмотреть, какие основные элементы важны в образе современного университета и как это влияет на лояльность участников образовательного процесса.

В рамках исследования были проведены:

- 6 глубинных интервью среди экспертного сообщества — преподавательского состава Финансового университета.

- Количественный опрос методом анкетирования. Выборочная совокупность состоит из обучающихся на очном обучении бакалавриата в московском подразделении ФУ, объем выборки — 206 респондентов из них: 72,3% — женского пола и 27,7% — мужского; 14,6% — с 1-го курса 19,4% — со 2-го, 23,8% — с 3-го и 42,2% — с 4-го курса.

Совокупность используемых методов позволила провести комплексный анализ мнений участников об образе современного университета.

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

Важным фактором конкурентоспособности и перспективности развития университета является его положительный образ, который формирует общую картину системы образования в регионе и стране. Значительная роль отводится имиджу из-за высокой конкуренции в области высшего образования [5].

Набор положительных характеристик формирует позитивный имидж вуза, что будет способствовать достижению целей университета: привлекать абитуриентов и компетентный профессорско-преподавательский состав, что, в свою очередь, повысит качество образования, а следовательно, и уровень квалификации выпускников. Необходимо подчеркнуть, что имидж является одним из ключевых преимуществ вуза, к которым также относятся корпоративная культура и организационная структура управления [6].

Рассмотрим, какие же активы, по мнению студентов и преподавателей, являются основными при выборе Финансового университета:

- Известность и престиж (бренд) — 77,6%.
- Возможность успешного трудоустройства — 63,1%.
- Наличие бюджетных мест и проходной балл — 61,6%.
- Государственный статус вуза и высокое качество образования — 50,4%.
- Профессионализм преподавателей — 50,4%.

Исходя из этого, можно предположить, что данные критерии являются важнейшими для описания современного университета.

Студентам был также задан открытый вопрос: «Какими качествами вы бы охарактеризовали бренд Финансового университета?» Ответы совпали с двумя выдвинутыми ранее. А именно:

- Престиж и известность (успешный, стильный, привлекательный, узнаваемый; кроме

этого, были даны негативные характеристики: пафосный, позерский, понтовый).

- Государственный статус вуза (бренд при РФ, солидность, статусность; правительственный, строгий).

Также были указаны и другие качества: консерватизм, традиционность; преемственность поколений; ценность коммуникаций; надежность, стабильность, взаимовыручка; современный, перспективный, развивающийся; качество обучения, профессионализм преподавателей.

Далее респонденты определили проявления социальной ответственности Финуниверситета. Наиболее популярными были ответы, которые соответствуют образу современного российского университета: благотворительность, волонтерство; экологические инициативы; внеучебная и научная деятельность, студенческие организации; помощь в трудоустройстве студентам, стажировки за границей; материальная поддержка студентов; проведение конференций, мероприятий.

Множество аспектов социальной ответственности Финансового университета, о которых упоминали респонденты, говорит о хорошей распространенности данной информации внутри вуза и о его репутации.

Не менее важно было определить, что студенты вкладывают в понятие «идеальный образ высшего учебного заведения». Мнения были разделены на категории и подкреплены их цитатами:

- Гарантия трудоустройства / качественное образование: *«прогрессивные методы обучения (например, отсутствие лекций, геймификация); «практикоориентированность, тесный контакт учебного заведения с работодателями — часть обучения проходит непосредственно на работе».*

- Профессионализм преподавателей: *«компетентный преподавательский состав, который понимает студентов и находится с ними на одной волне»; «адекватные преподаватели».*

- Престиж и история вуза: *«престижный вуз с многолетней историей»; «заведение совмещает в себе статусность, но старается соответствовать актуальной повестке/трендам».*

- Уважительное отношение к студентам, благоприятная атмосфера вуза: *«университет, который искренне заботится о своих студентах».*

- Внеучебная деятельность: *«наличие богатой студенческой жизни».*

Кроме этого, были отмечены следующие положительные моменты: бюджетные места;

адекватная система оценивания (*«а не погоня за баллами»*); высокие стипендии; дистанционное образование; отсутствие коррупции; современность и актуальность; высокая репутация вуза; исследовательская деятельность; признание в международной среде; технологическая оснащенность и инфраструктура учебного заведения.

В целом, можно сделать вывод о том, что понятие «идеальный вуз» включает в себя множество категорий, так же, как и корпоративная культура является многосоставной. Поэтому университет не отделим от своей корпоративной культуры.

Важно было понять, насколько лояльно настроены студенты и преподаватели по отношению к своему вузу, и им был задан вопрос: «С какой вероятностью вы порекомендуете образовательные услуги Финуниверситета своим друзьям или коллегам?» Net Promoter Score (NPS) или индекс потребительской лояльности — метрика, определяющая отношение потребителей к компании. Он показывает перспективу роста компании. Баллы распределились следующим образом:

- 4–5 — «сторонники» (37,9 и 21,8%);
- 3 — «нейтралы» (28,6%);
- 1–2 — «критики» (3,4 и 8,3%).

$NPS = \% \text{ «сторонников»} - \% \text{ «критиков»}.$

Показатель варьируется от –100 (все потребители — «критики») до 100 (все потребители — «сторонники»). Исходя из формулы, получаем результат 48%, что говорит о положительном показателе, но у Финуниверситета есть перспектива для дальнейшего развития.

Кроме этого, важно было проанализировать готовность преподавателей порекомендовать Финансовый университет в качестве места для работы своим друзьям и знакомым, чтобы понять их лояльность к вузу. В Финуниверситете представлены все три типа:

- приверженцы, которые отмечают лишь только плюсы либо те причины, по которым готовы рекомендовать (в основном это заработная плата и хорошие условия труда);

- нейтралы, которые не выражают никакой приверженности к организации либо готовы рекомендовать, но при определенных обстоятельствах;

- критики, которые по определенным причинам не стали бы рекомендовать Финансовый университет, например в силу сложности трудоустройства.

Далее рассмотрим, что понимается преподавателями под корпоративной культурой

и какие характеристики современного вуза они выделяют.

«Корпоративная культура является элементом формирования имиджа организации и включает в себя: набор ценностей, норм, традиций, совокупность моделей поведения преподавателей и студентов, которые они разделяют с компанией».

Следовательно, можно выделить 5 главных элементов корпоративной культуры Финансового университета:

1. Система ценностей: *«Система корпоративных ценностей, которая должна поддерживаться с помощью трансляций различных элементов».*

2. Система внутренних коммуникаций и психологический климат внутри коллектива: *«Это культ уважения друг друга».*

3. Стиль взаимодействия на разных уровнях: *«Здоровый консерватизм, осознанный и декларируемый, который проявляется в учебном процессе, презентации самого университета».*

4. Фирменный стиль Финансового университета: *«Внешние атрибуты корпоративной культуры тоже заключаются в нормах публичных выступлений, поддержании общих позиций в каких-то вопросах».*

5. Развитие преподавателей и студентов.

В своих интервью преподаватели подмечают ряд преимуществ Финансового университета: достойный уровень заработной платы, культ уважения внутри коммуникационного пространства, здоровый консерватизм, возможности для развития преподавателей, но также и ряд недостатков: один из главных — это нечетко сформированный стиль и имидж департаментов, а также всего Финансового университета.

Особое внимание эксперты уделили аспекту взаимоотношений, «культу уважения», который

сложился в рамках Финансового университета. Также преподаватели определяют стиль руководства и взаимодействия как академический и консервативный.

ВЫВОДЫ

Проанализировав характеристики, которым должен соответствовать вуз для конкурентоспособности на рынке образовательных услуг, следует выделить основные элементы современного образа университета.

По мнению студентов — известность и престиж; государственный статус; возможность успешного трудоустройства; высокое качество образования и профессионализм преподавателей.

По мнению преподавателей — конкурентная заработная плата; культ уважения; возможности профессионального развития. Также важно отметить, что в большей степени Финансовый университет соответствует требованиям работодателей, что подтверждает повторение данных характеристик в разных блоках вопросов и высокий уровень лояльности обеих сторон учебного процесса.

Благодаря сформированному имиджу вуз дает больше возможностей и новых перспектив для развития как студентам, так и преподавателям, и повышает их востребованность на рынке труда.

Таким образом, анализ всех показателей помог сформировать общее представление об Финансовом университете у всех обучающихся в нем на различных направлениях, выявить фактор выбора Финансового университета в качестве высшего учебного заведения на фоне конкурентов. Приведенный анализ можно использовать для дальнейшего развития корпоративной культуры Финансового университета и повышения лояльности среди студентов.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ

1. Афанасьева М. С., Галлямова Э. Н. Имидж российских вузов глазами студентов. Материалы Международной студенческой научной конференции «Студенческий научный форум». URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008277>
2. Беляев А. Корпоративная культура университета: от теории к практике. *Высшее образование в России*. 2007;(11):62–64.
3. Дмитриева Л. М. Бренд в современной культуре. Монография. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1856737>
4. Кузьменко Н. И. Формирование корпоративной культуры образовательной организации. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korporativnoy-kultury-obrazovatelnoy-organizatsii>
5. Макашев М. О. Бренд. Учебное пособие для вузов. М.: ЮНИТИ-ДАНА; 207 с.
6. Фимилина М. А. Имидж вуза как составляющая системы образования. Актуальные задачи педагогики: материалы I Междунар. науч. конф. (г. Чита, декабрь 2011 г.). Чита: Издательство Молодой ученый; 2011.

REFERENCES

1. Afanas'eva M.S., Galliamova E.N. The image of Russian universities through the eyes of students. Materials of the International Student Scientific Conference "Student Scientific Forum". URL: <https://scienceforum.ru/2013/article/2013008277>. (In Russ.).
2. Belyaev A. Corporate culture of the university: From theory to practice. *Higher education in Russia*. 2007;(11):62–64. (In Russ.).
3. Dmitrieva L.M. Brand in modern culture. Monograph. URL: <https://znanium.com/catalog/product/1856737>. (In Russ.).
4. Kuzmenko N.I. Formation of the corporate culture of an educational organization. URL: <https://cyberleninka.ru/article/n/formirovanie-korporativnoy-kultury-obrazovatelnoy-organizatsii>. (In Russ.).
5. Makashev M.O. Brand: Proc. Allowance for universities. Moscow: UNITY-DANA; 207 p. (In Russ.).
6. Fimina M.A. The image of the university as a component of the education system Actual tasks of pedagogy: materials of the I Intern. Scientific Conf. (Chita, December 2011). Chita: Young Scientist Publishing House; 2011. (In Russ.).

ИНФОРМАЦИЯ ОБ АВТОРЕ / ABOUT THE AUTHOR

Татьяна Сергеевна Вокуева — студентка 1-го курса магистратуры факультета социальных наук и массовых коммуникаций, Финансовый университет, Москва, Россия

Tatyana S. Vokueva — 1st year Master's student, Faculty of Social Sciences and Mass Communications, Financial University, Moscow, Russia

<https://orcid.org/0000-0002-5796-5933>

tanyavokueva@yandex.ru

Конфликт интересов: автор заявляет об отсутствии конфликта интересов.

Conflicts of Interest Statement: The author has no conflicts of interest to declare.

Статья поступила 10.05.2022; принята к публикации 12.06.2022.

Автор прочитала и одобрила окончательный вариант рукописи.

The article was received on 10.05.2022; accepted for publication on 12.06.2022.

The author read and approved the final version of the manuscript.